

Моя золотая клетка

АННА ВЭРР

16+

Анна Вэрт

Моя золотая клетка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63331877

SelfPub; 2020

Аннотация

Уже почти отчаявшись подыскать работу, Алекса находит объявление о том, что в одно богатое поместье требуется сиделка для присмотра за пожилой женщиной. Хозяева дома кажутся доброжелательными, и ничто не предвещает беды. Но что на самом деле таится в стенах старого особняка? Какие тайны скрывает их прикованная к постели мать? Кого они держат на чердаке? Сможет ли героиня разгадать тайны семейства и спастись?..

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	14
Глава 3.	29
Глава 4.	39
Глава 5.	52
Глава 6.	60
Глава 7.	77
Глава 8.	89
Глава 9.	104
Глава 10.	115
Глава 11.	125
Глава 12.	139
Глава 13.	150
Глава 14.	161
Глава 15.	171
Глава 16.	182
Глава 17.	197
Глава 18.	211
Глава 19.	224
Глава 20.	234
Глава 21.	247
Глава 22.	255
Эпилог.	264

Анна Вэрр

Моя золотая клетка

Глава 1.

Я взволнованно ерзаю на заднем сидении автомобиля, периодически пытаюсь увидеть что-то сквозь тонированные окна. Мой водитель совершенно отчужден и безразличен. Когда я вежливо спросила его, долго ли нам еще ехать, ответом мне послужило молчание. Я прикусила язык, и всю оставшуюся часть пути мы ехали в тишине.

От беспокойства я начала нервно осматривать авто, в котором находилась. Я совершенно не разбираюсь в марках машин, но эта была явно дорогой. Салон был отделан черной кожей, сидение было на редкость удобным, даже несмотря на то, что я жутко нервничала и сидела в напряжении, мое тело приятно тонуло в кресле.

Я снова всматриваюсь в темное стекло, пытаюсь рассмотреть окрестности. Мне видны лишь очертания деревьев, значит, мы давно уже выехали за пределы города.

Внезапно в моей голове проносится тревожная мысль. А что если это обман? Что если молчаливый водитель везет меня вовсе не куда обещано, а в какой-нибудь лес? Что если меня убьют или что-нибудь похуже? Я бросаю на водите-

ля напряженный взгляд. Пожилой мужчина, со строгим, но спокойным лицом, он смотрел все время на дорогу, словно забыв о моем существовании.

«Наверное, похитители ведут себя иначе», – подумала я, продолжая краем глаза за ним наблюдать. Эта мысль меня немного успокоила.

Мы ехали еще минут двадцать. У меня безнадежно села батарея на телефоне.

Я успела мысленно проклясть весь этот день и сто раз пожалеть, что оказалась здесь, как автомобиль плавно остановился. Я замерла, наблюдая, как водитель выходит из автомобиля, и через несколько мгновений распахивает передо мной дверцу.

– Спасибо, – пролепетала я, неуклюже выбираясь наружу. И тут же замерла, едва не открыв рот от увиденного. Передо мной возвышался большой старинный дом. Подобные здания я видела только на картинках. Он был приятного темно-песочного цвета, из крыши торчало несколько дымоходов, и я предположила, что внутри имеются каминьы. Большие белые окна обрамлялись изящной лепниной, крыльцо окружали четыре колонны, служившие опорой для балкона на втором этаже. Раскидистые деревья, стоящие вокруг бросали ажурные тени на дом. Впечатление было такое, словно я очутилась в другой эпохе. Теперь понятно, почему были предложены такие деньги за работу, хозяева такого особняка их явно не считают.

Деликатное покашливание моего водителя вернуло меня к реальности. Он жестом приказал следовать за ним. Я подчинилась, и мы прошли к крыльцу по песчаной тропинке. Он извлек ключ из нагрудного кармана и щелкнул замком.

Мы оказались в просторном холле. Несмотря на наличие больших окон и горящий свет, помещение было достаточно темным. Белый плиточный пол казался серым в полумраке, а кроваво-красные стены вызывали беспокойную дрожь. Мужчина пошел вперед к широкой лестнице с резными деревянными перилами. Я последовала за ним.

Пока мы поднимались в тишине, нарушаемой только скрипом ступенек, я сверлила взглядом его безразличный затылок. Мне было некомфортно в этом огромном мрачном доме, я понятия не имела, куда мы идем и что меня ждет. У меня даже мелькнула мысль сказать, что я передумала, и сбежать. Но острая нужда в деньгах толкала меня покорно следовать за моим проводником.

Мы прошли в гостиную. Она оказалась намного уютнее, чем холл. Зеленые приятные обои, песочного цвета диваны и кресла и деревянный пол. Старинная мебель и картины на стене. Меня не покидало ощущение, что я попала лет на двести назад.

Я обернулась на своего водителя, но запоздало поняла, что тот исчез. В растерянности я осматривалась, выискивая его глазами. Меня охватило легкое беспокойство. Что мне делать? Сесть и ждать? Это казалось логичным. Едва побо-

ров желание броситься прочь из этого странного дома, я присела на краешек ближайшего кресла. Мой бесцельно блуждающий взгляд зацепил картину, висящую справа.

На ней было изображено безмятежное море, и хрупкая фигурка в белом платье. Из-за горизонта виднелись волны и надвигающиеся грозовые тучи. Но девушка в белом, казалось, не замечала этого. Она сидела на берегу, опустив ноги в воду.

Эта картина почему-то вызвала у меня новую волну беспокойства. Я вглядывалась в нее, пока не услышала шаги и голоса, явно движущиеся в мою сторону.

В дверном проеме появился молодой мужчина. На вид ему было немного меньше тридцати лет. Он был высоким и привлекательным. На нем была белая рубашка странного покроя и темные брюки. Его короткие светлые волосы непослушно торчали в разные стороны. Он смотрел на меня с таким безразличием, что мне стало не по себе.

– Здравствуйте, – робко выдавила я, поднимаясь на ноги.

– Мар, подвинься, дай нам тоже посмотреть на нашу гостью, – донесся откуда-то из-за спины парня голос. В ту же секунду в гостиной появилось еще двое мужчин.

Они оба немного уступали в росте первому и казались несколько моложе.

Один был обладателем голубых глаз, таких ярких, что первые несколько мгновений, мой взгляд был прикован только к этой детали его лица. У него были каштановые волосы,

небрежно спадающие на лоб. На вид он был примерно моего возраста. Он был облачен в черную рубашку и темные брюки.

Последний смотрел на меня исподлобья, чуть наклонив голову. У него было миловидное лицо, большие глаза и темные волосы. Он казался подростком, хотя я понимала, что ему, по меньшей мере, года двадцать три. Но в его облике сквозило что-то детское, даже трогательное. На нем была белая рубашка, поверх которой была надета черная жилетка. На ногах были темные брюки.

Все трое были очень красивы и по-своему привлекательны. Внезапно я поймала себя на мысли, что все это время, что я их молча разглядываю, они делали тоже со мной. Мне стало неловко, и я почувствовала, как мои щеки начинают гореть.

Наконец, налюбовавшись мной, голубоглазый парень подошел ближе. Я невольно сделала шаг назад.

– Ну что ты, боишься? – он улыбнулся, – Добро пожаловать! Как тебе наше поместье, нравится? Оно досталось нам еще от нашей пра-пра-пра-бабушки. Здесь довольно сложно поддерживать порядок, но, кажется, мы справляемся. Правда с отоплением такого дома беда, сама понимаешь, поэтому бывает холодно зимой. Ты ведь Алекса, верно? Меня зовут Эмметт, но ты можешь звать меня просто Эм.

Он схватил меня за руку. Он говорил так быстро, что я не успела вставить ни единого слова в его монолог. Ошарашен-

ная, я наблюдала, как он сжал мою кисть. На его лице играла веселая улыбка.

– Оставь свои любезности, – холодным ровным голосом отрезал блондин.

Эмметт сразу перестал улыбаться и выпустил мою руку.

– Ты ведь знаешь, зачем ты здесь? – продолжил он.

Я растерялась.

– Я.. я нашла объявление о том, что вам требуется... помощник...

– Сиделка, – закатив глаза, подсказал Эмметт, – нашей матушке совсем неможется в последнее время.

– Да-да, я читала...

– Графу «Условия работы» тоже? – уточнил блондин. Я перевела на него взгляд. Его голос все это время звучал так, словно происходящее его как минимум не касается. Его зеленые глаза смотрели на меня равнодушно, в один момент мне даже начало казаться, что он смотрит куда-то сквозь мое лицо.

– Э... да.

– Тебе придется взять на себя всю заботу о нашей матери, помогать ей одеваться, есть, принимать ванну, укладывать ее спать.

– Хм, да.. я знаю, – осторожно сказала я, пытаюсь понять, почему он так на этом акцентируется.

– Это значит, что тебе нельзя будет никуда отлучаться надолго. Ты будешь жить в этом доме на время работы.

Этого в условиях прописано не было. Я замолчала, слегка ошарашенная услышанным.

– Не беспокойся, мы выделим тебе красивую комнату, – повернул Эмметт, видя что я сомневаюсь, – и конечно ты сможешь свободно ходить по всему поместью и гулять на территории вокруг. У нас есть озеро за домом, хочешь, покажу?

Его болтовня сбивала меня с толку и мешала думать.

– Что касается оплаты... она такая, как было указано в объявлении?

– Да, – ответил блондин. – деньги будешь получать в конце каждой рабочей недели.

– У меня нет опыта в подобной сфере, – напрямую сказала я, – я буду стараться, и делать все возможное, но... я не уверена, что справлюсь.

– Мы видели твоё резюме, – улыбнулся Эмметт, – и про отсутствия опыта в курсе. Но судя по всему, ты не глупая девушка, и схватываешь все на лету. Верно? Кстати, сколько тебе лет?

Я назвала свой возраст. Парень удивленно хмыкнул.

– Я думал ты младше. Такая взрослая девушка тем более должна подходить к работе ответственно, да?

Я рассеянно кивнула. Мне нужны были деньги, но я не была уверена, что потяну уход за прикованной к постели пожилой богатой дамой. В голове возник запоздалый вопрос, а стоило ли сюда приезжать? Поскольку новых вопросов не последовало, я уточнила:

– Так что, вы берете меня на работу?

– На испытательный срок, – кивнул блондин.

Я нахмурилась. Зачем таким богатым людям брать незнакомого человека без опыта работы для присмотра за собственной матерью? Что-то тут не клеилось.

Когда я озвучила эту мысль, на лицах парней появилось странное выражение.

– Ты далеко не первая, кто приходит на эту работу, – сообщил блондин.

– Да, предыдущие девушки оказывались такими бестолковыми, – Эмметт недовольно поморщился.

– Значит, нет оснований ожидать, что и я справлюсь? Знаете, мне очень нужны деньги, поэтому, если вы вышвырните меня через пару дней, я просто потеряю время.

– Деньги ты получишь в любом случае, даже если мы не сработаемся, – блондин повернулся к двери. – Если вопросов больше нет, познакомись с нашей матерью и можем подписывать контракт.

«Какой еще контракт?», – мелькнуло в голове, но я кивнула, и зашагала следом. Эмметт галантно пропустил меня вперед, и вместе с молчавшим парнем, двинулся за нами.

– Ты же еще и истории пишешь?..

Этот вопрос меня озадачил, и я подняла на Эмметта удивленный взгляд. Я совсем не была известной, просто публиковала периодически рассказы в интернете. Тот факт, что они знали обо мне даже это, немного пугал.

– Ах, не смотри на меня с таким изумлением, – Эмметт закатил глаза, и чуть наклонился ко мне, чтобы остальные не слышали, – Род твой поклонник. Это он упросил Мара взять тебя на эту работу. Если честно, я очень надеюсь, что ты будешь хоть немного толковее предыдущих девушек. Те были такие неумехи.

– Вы братья, верно? – нерешительно спросила я.

– Да, разумеется. Марцелл старший, – Эмметт кивнул на спину шагающего впереди блондина, – я средний, и Родерик, – он указал на шедшего рядом третьего парня, – самый младший.

Меня так и подмывало спросить, почему они не попросили своих жен или девушек присмотреть за умирающей матерью, вместо того, чтобы звать посторонних людей. Но это было бы слишком невежливо, и я промолчала.

Вместо этого, я решила углубиться в другую тему.

– Откуда вы знаете, что я пишу?

– Я же сказал, мы копнули немного больше информации о тебе, и Род сообщил, что читает твои публикации. Что ты говорил, она пишет?

Младший брат поднял на меня глаза.

– Страшные сказки, – ответил он.

– Вообще-то это не сказки, а рассказы. – фыркнула я, немного уязвленная такой оценкой своего творчества.

– Но они же страшные, верно? – Эмметт усмехнулся, – Род любит всякие странные истории. Про заброшенные до-

ма, темных магов и маньяков. Кстати, о заброшенных домах. Их очень много неподалеку. Надеюсь, в призраков ты не веришь?

Я не успела ответить, потому что шедший впереди Марцелл резко остановился.

– Это комната матери, – сообщил он, открывая дверь. Я вновь почувствовала легкое беспокойство. Никогда в жизни мне не приходилось ни за кем ухаживать. На мои плечи обещала лечь огромная ответственность.

Следом за Марцеллом я прошла в комнату.

Глава 2.

Несмотря на то, что спальня была выполнена в светлых, бежевых тонах, в ней было неуютно. Тяжелые шторы струились на окнах, не пропуская солнечные лучи. На прикроватной тумбочке стоял торшер, тускло светившийся в полумраке. Большая кровать занимала половину комнаты.

Среди горы подушек и пышных одеял лежала худая изможденная женщина. По ее виду сложно было определить, сколько ей лет, но она казалась очень старой. Белые волосы были разметаны по подушкам, тонкие руки лежали поверх одеял. Глаза ее были закрыты, и тело практически сливалось с белой постелью.

Марцелл с непроницаемым лицом шагнул к кровати. Опустившись на корточки, он взял бледную руку женщины в свою.

– Она всё больше спит в последнее время, – шепнул мне на ухо Эмметт. Я кивнула, неотрывно наблюдая за происходящим. Фигура женщины так сильно меня заворожила, что я не заметила, с каким безразличием он произнес эту фразу.

Наконец, пожилая дама открыла глаза.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Марцелл. Она ничего не ответила, лишь взглянула на него устало, затем бросила такой же отрешенный взгляд на остальных, и снова прикрыла глаза, – понимаю. Это Алекса, твоя новая сиделка. Алек-

са, – он повернул голову ко мне, – это Вивианн.

– Рада знакомству с вами, Вивианн, – пробормотала я. Женщина проигнорировала меня.

– К сожалению, ей особенно нездоровится в последнее время, – сообщил мне Марцелл, – она совсем не разговаривает и почти не ест. Но тебе нужно делать все возможное, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Я молча кивнула. Вид усыхающей женщины на огромной роскошной кровати заставил меня задуматься о том, что никакие деньги не помогут откупиться от старости и смерти.

– Тебе нужно приходить к ней каждое утро в десять. Приносить ей завтрак и кормить. После помогать одеться и отвозить ее на прогулку. – он кивнул на инвалидную коляску в углу комнаты. – В два часа дня у нее обед, после которого она спит. В это время можешь заниматься, чем пожелаешь. В семь вечера ланч и купание. В десять ужин и укладывание спать. Понятно?

– Да.

– И еще. Три раза в день ей нужно давать лекарство. Перед завтраком, обедом и ужином. До еды.

– Хорошо.

– Это очень важно. Не забудь это.

Я кивнула, снова переводя взгляд на Вивианн. Она лежала и безразлично смотрела в потолок. Ее белое лицо почти сливалось по цвету с волосами.

– У матери будет звонок, – он указал на маленькую кнопку

на тумбочке, – если ей что-то понадобится, она тебя вызовет.

– Но обычно ей ничего не надо, – ввернул Эмметт, – она даже на нас внимания совсем не обращает, верно, матушка?

– Сейчас не время для твоих комментариев, Эмметт, – равнодушно пресек его Марцелл.

Я перевела глаза на Родерика. Он смотрел на мать, чуть склонив голову вбок, на его милостивом лице застыло печальное выражение. Мое сердце кольнуло сочувствие. Я отвернулась.

– Я все поняла. Вроде бы ничего сложного.

– Совсем ничего, – согласился со мной Эмметт.

Мы вернулись в гостиную. Марцелл протянул мне контракт. Я заглянула в него. На первой странице было описано все тоже самое, что мы обсудили – мои обязанности, условия и зарплата.

Пока я читала, Марцелл вручил мне листок с расписанием, чтобы я ничего не забыла. Эмметт сидел возле меня. На его красивом лице застыла усмешка.

– Ты так внимательно читаешь, боишься, что там какой-то подвох? – спросил он, с интересом наблюдая за мной. Я подняла голову и растерянно посмотрела на него.

– Нет, просто... я всегда изучаю документы, в которых ставлю подпись.

– И это похвально.

– Не отвлекай ее, Эмметт, у нас и так куча работы, – донесся за моей спиной холодный голос Марцелла.

Буквально затылком ощущая давление, я быстро пробежала глазами вторую страницу. Там говорилось, что я обязана буду проживать в поместье на время работы, и не могу покидать его пределы без согласования с работодателем. Я поставила свою подпись, и сунула документ в руки старшего брата. Тот тоже черкнул в бумаге.

– Идем, я дам тебе лекарство, и расскажу, в какой дозировке его нужно давать.

Я направилась следом за ним. В этот раз Эмметт и Родерик не пошли с нами. Мне было спокойнее, когда рядом был разговорчивый средний брат, поэтому, оставшись наедине с Марцеллом, я тут же почувствовала себя неловко. Мы молча прошли в небольшую комнату отдыха.

В центре располагался камин, вокруг которого стояло несколько кресел. Красные стены были украшены резными арками и картинами. Слева стоял низкий комод, уставленный книгами.

Марцелл подошел к комоду, выдвинул ящик и протянул мне пузырек.

– Ровно одну чайную ложку до еды, три раза в день. Должен предупредить, она может отказываться принять лекарство. Но это для ее же блага, поэтому настаивай.

Я повертела в руках пузырек. Никакой наклейки на нем не было.

– А что это за лекарство? Обезболивающее?– поинтересовалась я.

Марцелл смерил меня взглядом. Таким же безразличным, как и всегда. Его зеленые глаза напоминали болото. Если долго в них смотреть, казалось, можно угодить в пучину и потеряться в ней.

– Нет, – коротко ответил он, наконец.

– Эм.. Ясно, – растерянно пробормотала я.

– Будешь хранить его в своей комнате. Когда закончится, скажешь мне, я дам новый пузырек.

Я кивнула.

– Если у тебя возникнут вопросы, можешь обращаться к любому из нас троих.

Он развернулся, явно намереваясь уйти.

– Подожди, ты не сказал мне, где находится моя комната... и когда начинать работать?

– Работать ты начала с момента подписания контракта. Комнату пусть тебе покажет Эмметт. У меня нет времени возиться с тобой весь день.

Я на мгновение потеряла дар речи от его резких слов. Он смерил меня взглядом, и ушел. Я, все еще шокированная, вернулась в гостиную.

– Что с тобой? Ты такая грустная, – Эмметт с интересом заглянул мне в лицо. Мне на мгновение показалось, что он тоже скажет мне что-нибудь грубое, но он просто доброжелательно улыбался.

– Покажи мне, пожалуйста, мою комнату.

– Ах, с удовольствием, – он жестом пригласил меня сле-

довать за ним. Я облегченно вздохнула, – могу провести тебе экскурсию по поместью, хочешь? У нас здесь много интересного. Ты наверняка раньше не была в подобных домах, да? Интересно, какие эмоции ты испытываешь, находясь здесь. Тебе нравится? Или, может быть, тебе здесь страшно? – он засмеялся, и я улыбнулась в ответ.

– Да, ты прав, я впервые в подобном особняке. Он словно сошел со страниц какой-нибудь книги викторианской эпохи.

– О, как красиво ты говоришь. Не зря Род так восхищается твоими рассказами.

– Я не заметила особого восхищения с его стороны, – отозвалась я.

– Он не очень общительный. Впрочем, как и Мар. Хотя, знаешь, старшего брата можно понять. У него много работы. Он ведет все дела нашей семьи, я не буду посвящать тебя в детали, не думаю, что тебе это интересно.

– А чем занимаешься ты?

– У меня много увлечений, если ты о свободном времени. Если о работе, то все мы, так или иначе, втянуты в многовековой семейный бизнес. Но какой, я не скажу. Это секрет, – он загадочно улыбнулся.

Он очень странно отвечал, словно отрезая возможность дальнейших расспросов о том, чем занимается его семья и старший брат. Я призадумалась, что возможно они замешаны в каком-то не совсем честном бизнесе, но промолчала.

– Тебе нравится у нас?

– Я пока не поняла... скорее да, чем нет, – рассеянно сказала я.

– А мы тебе понравились?

Его вопрос меня шокировал настолько, что я остановилась и недоуменно на него уставилась. Он смотрел на меня со своей обычной улыбкой.

– Ну... вы гостеприимные, – неуверенно ответила я.

К моему удивлению, он рассмеялся.

– Тебе не стоит так пугаться, – сообщил он, – мы не такие уж плохие. Если к нам привыкнуть. Уверен, тебе даже начнет нравиться наша компания. Со временем.

Продолжая хихикать надо мной, он подвел меня к двери.

– Вот, это твоя комната, – он посмотрел на часы, – Ох, уже почти семь. Через час спускайся к ужину. А, ты же не знаешь, где у нас столовая. Тогда я приду за тобой, спустимся вместе.

– Марцелл сказал мне приступить к работе...

– Ну нет, работать начнешь завтра. Матушка ведь никуда не денется за один вечер, верно? Сегодня за ней присмотрят горничные...

Пока он говорил, я сообразила, что кроме разрядившегося телефона, у меня с собой нет никаких вещей. Когда я сказала Эмметту об этом, он покачал головой.

– Не беспокойся об этом. Все личные вещи вроде полотенца, зубной щетки и прочего тебе выделяют. Я попрошу горничную и об этом. Что касается одежды, – он окинул меня

взглядом, – можешь взять, что хочешь в шкафу. Там есть кое-какие вещи матушки.

Я кинула и поблагодарила его. Он протянул мне ключ от моей комнаты, сказав, что через час зайдет за мной. Я отперла дверь и зашла в спальню.

Комната была небольшая, и не так богато уставленная, как спальня Вивианн. Но она была светлой и уютной. Большая резная кровать стояла в центре. Слева от нее стояла тумбочка с торшером. Возле окна расположился большой комод с зеркалом, а у противоположной стены – шкаф. Прямо возле него я увидела еще одну дверь. Не сдержав любопытство, я дернула ручку. Дверь поддалась, и за ней я обнаружила ванную комнату. Она была маленькая, но оформленная в том же стиле что и весь дом – белая плитка на полу, большой резной умывальник и ванная на изогнутых ножках.

Я вернулась в комнату, улеглась на кровать. Повертела в руках маленькое устройство, похожее на плеер. Его мне вручил Марцелл, и оно будет оповещать меня, если Вивианн нажала кнопку и хочет, чтобы я к ней зашла. Насколько я смогла запомнить расположение комнат, ее спальня находилась почти в самом конце коридора. В то время как моя – возле лестницы. Напротив по коридору располагалась гостиная. Комната отдыха была где-то справа от меня. Обдумав это, я с удивлением поняла, что моя спальня удалена от спален остальных членов семьи.

– Это и не удивительно, ведь я, по сути, просто прислуга, –

прошептала я задумчиво, рассматривая потолок.

Полежав еще некоторое время, и поразмыслив над предстоящей работой, я решила немного привести себя в порядок перед ужином. Подошла к шкафу, неуверенно открыла дверцу. Внутри на удивление висело немало одежды. Я обнаружила несколько красивых длинных платьев в кружевах и оборках. Они явно были сшиты не так давно, но дух викторианской эпохи передавали не хуже, чем сам особняк. Еще там висело три простых платья, которые я могла бы использовать во время работы. Углядев что-то интересное в самых недрах шкафа, я с изумлением извлекла оттуда короткое платье, усыпанное блестками. Оно совсем не вписывалось в общую картину, и портило весь антураж, поэтому я затолкала его обратно. Я отнесла два особенно понравившихся мне платья на кровать, с намерением прикинуть их на себя, как меня отвлек стук в дверь. Я бросила взгляд на стоящие на комод часы.

«Странно, еще рановато для ужина», – растерянно подумала я, открывая дверь.

На пороге стояла очень бледная девушка. Она была невысокая и хрупкая. Я смотрела на нее сверху вниз, чувствуя себя башней. На ней было черное простое платье, белый фартук и чепчик, и я поняла, что это горничная. Увидев меня, она испуганно склонила голову и протянула большую плетеную корзину. Я увидела в ней полотенца, какие-то бутылочки и прочие мелочи. Растерянная ее реакцией, я протянула

руки к корзине, но она покачала головой. Я устала на ее опущенную голову, пытаюсь понять, чего она хочет. Она едва заметно кивнула на комнату, давая понять, что ей нужно зайти.

– А... конечно, – я отошла в сторону, совершенно растерянная и сбита с толку, – прошу прощения.

У меня создавалось странное впечатление, что вся прислуга в этом доме немая. Я зашла вслед за горничной, наблюдая, как она возится, раскладывая полотенца и шампуни в ванной.

– Хм... простите, я могу задать вам вопрос? – обратилась я к ее спине. Она тут же повернулась ко мне лицом, испуганно глядя снизу вверх. Ее страх передался и мне, – я... я новая сиделка Вивианн. Понимаете, я еще не знаю всех порядков здесь...

Взгляд девушки немного смягчился, было видно, что она расслабилась. Я испытала облегчение, и продолжила:

– Вы не можете мне?

Она покачала головой, возвращаясь к своим делам. Происходящее начало меня беспокоить.

– Как вас зовут? – не унималась я, – почему вы молчите?

– Мне не дозволено разговаривать с вами, мисс, – тихим тоненьким голосочком ответила она наконец.

– Почему? – спросила я, тоже понизив голос.

– Не дозволено, мисс. Прошу меня извинить, – она выскочила из ванной, подхватив из корзины простыни. Я оста-

лась стоять на месте, чувствуя себя совершенно растерянной. Быть может это норма для богатых домов?

– Простите, мисс, – донесся до меня ее жалобный голосок.

– Да? – я вернулась в спальню. Она молча указала на платья, лежащие на моей кровати. Я забрала их, и она начала застилать постель.

– Как тебя зовут? Я – Алекса.

Девушка молчала. Внезапно я ощутила странную тоску где-то внутри. Я хотела сбежать из этого роскошного особняка в свою маленькую квартирку, и забыть все, что здесь происходило.

– Знаешь, я всего первый день здесь, – сказала я, привалившись к стене и глядя в окно. Солнце медленно садилось за горизонт, блекло освещая деревья, – но мне уже так одиноко. Я не уверена, что поступила правильно, приехав сюда. Не знаю, смогу ли здесь продержаться.

Я не обращалась к горничной, я просто озвучивала свои мысли. Я была уверена, что она мне не ответит. Я проследила взглядом за качающейся на ветру веткой.

– Меня зовут Дэйна, – услышала я внезапно тоненький голосок у себя за спиной. От неожиданности я обернулась. Девушка стояла, все так же опустив голову. Внезапно она подняла на меня глаза и грустно улыбнулась.

– Спасибо, – я улыбнулась ей в ответ. Но внутри у меня почему-то было все также тоскливо. Внезапно раздался стук в дверь. Я едва успела сказать «Войдите», как на пороге воз-

ник Родерик. Вот уж кого я точно не ожидала увидеть.

– Можно? – он вошел, и взгляд его упал на горничную. Я тоже посмотрела на нее. Едва он появился в комнате, как девушка побледнела как простыни, которые только что держала. Дрожащими руками она кое-как закончила работу, и, поклонившись, выскочила за дверь. Я совершенно растерялась от такой реакции.

– Я не побеспокоил тебя?

– Нет, – ответила я, все еще ошарашенная произошедшим, – э.. что-то случилось?

– Эмметт немного занят и попросил меня подняться за тобой, – ответил он. Меня это удивило, но я послушно кивнула. По сути, мне было все равно, кто из них поведет меня в столовую. Я подошла к шкафу, чтобы повесить обратно платье.

– Какие красивые. Надень одно из них к ужину.

– К ужину? А это не слишком? – с сомнением спросила я.

– Слишком? Нарядиться для нас – это слишком?

Я с удивлением посмотрела на него. Кажется, здесь все играют в игру, кто меня сильнее шокирует. Наши взгляды пересеклись. Его большие синие глаза смотрели на меня грустно и изучающе. Так смотрят маленькие дети на что-то интересное, но достаточно непредсказуемое, чтобы хватать руками.

– Я не совсем поняла твой вопрос, – спокойно ответила я, продолжая смотреть на него. Он чуть склонил голову, и

опустил глаза.

– Пожалуйста, надень одно из этих платьев. Тебе очень пойдет.

– Хорошо. Надеюсь, ты позволишь мне переодеться в одиночестве.

– Конечно, – сказал он покладисто и вышел за дверь.

Я посмотрела на оба наряда. Одно платье было небесно-голубым, с кружевными белыми рукавами и таким же подолом. Второе было розовое с открытыми плечами, рюшами и бантиком на груди. Вернув первое платье обратно в шкаф, я облачилась в розовый воздушный наряд, чувствуя себя настоящей графиней, готовящейся к балу. Покрутившись перед зеркалом, я фыркнула от неуместной роскошности своего образа.

Я вышла за дверь, где меня ожидал Родерик.

– Как красиво. Ты похожа в нем на фарфоровую куклу, – сказал он, рассматривая меня. Я не была уверена, что это можно счесть комплиментом. Меня так и подмывало сказать ему, что с его внешностью он на фарфоровую куклу похож гораздо больше, чем я, но сдержалась.

Мы спустились на первый этаж и двинулись по коридору.

– Что находится здесь? – я указала на несколько закрытых дверей.

– Это комнаты для прислуги.

– Вот как.

Я думала, что тоже отношусь к числу прислуги. Но зада-

вать такой вопрос в лоб я не решилась.

– Там живут горничные, повар и дворецкий.

– У вас есть дворецкий? – удивилась я.

– Он привез тебя сюда, – Родерик поднял на меня глаза, – одну из наших горничных ты тоже видела.

– Да, – я рассеянно осматривала картины и лепнину на стенах.

Наконец мы подошли к столовой.

Это была светлая комната с овальным деревянным столом в центре, окруженным белыми резными креслами. Прямо над ним висела тяжелая хрустальная люстра. Марцелл и Эмметт уже ожидали нас. Когда я вошла, они оба окинули меня взглядами – старший смотрел как обычно равнодушно, а средний – с интересом.

– Алекса, тебе очень идет это платье. Матушке бы понравилось, как оно на тебе сидит, – отметил Эмметт.

– Она разве не присоединится к нам за ужином? – осторожно спросила я, садясь за стол.

– Я же дал тебе расписание, по которому она принимает пищу и делает все остальное, – безразличным тоном отозвался Марцелл, – кроме того, она ест в своей комнате.

Мне показалось это странным. Несмотря на все, что он говорил, это было неправильно. Бедная женщина должна была есть при помощи чужих людей, пока ее три взрослых сына ужинают за огромным столом в роскошной комнате.

Решив, что это не мое дело, я пожала плечами и устави-

лась на блюда, стоящие передо мной. Перед каждым членом семьи стояли пустые тарелки, бокалы и приборы, а в середине стола располагалась большая посуда с едой. Я увидела несколько салатов, закуски, мясо и птицу. В стеклянных графинах стояли напитки. Я положила себе понемногу из ближайших блюд, и принялась за еду. Я была очень голодна, и в тот момент мне показалось, что ничего вкуснее в своей жизни я не пробовала. Братья ели мало. Родерик едва притронулся к еде, Эмметт любезно наполнил мой бокал какой-то алой жидкостью из графина, а Марцелл исчез за книгой. Он же первым и закончил ужин, молча встав и покинув комнату.

– У него много работы, не обижайся, – сказал Эмметт, видя мое недоумение. Я заметила, что сам он тоже не был таким веселым и доброжелательным, как несколько часов назад. Он выглядел грустным, вяло ковырял в тарелке еду, изредка бросая взгляды на меня и Родерика. Меня это озадачило, но я постаралась не придать этому значения. Чувствуя нарастающее напряжение за столом, я поспешила опустошить свою тарелку. Пожелав парням спокойной ночи и поблагодарив за ужин, я устремилась в свою комнату.

Вкусная сытная еда и подозрительный красный сок, похожий на слабое вино разморили меня, и я едва добрела до своей комнаты. Стянув кое-как платье, я рухнула на кровать и мгновенно погрузилась в сон.

Глава 3.

Проснулась я оттого, что кто-то мягко, но настойчиво толкал меня в плечо. Я разлепила глаза, и увидела перед собой вчерашнюю горничную.

– Дэйна? Что случилось? – сонно пробормотала я.

Она молча указала на часы. Без пятнадцати десять. Внутри у меня все похолодело, я мигом проснулась и подскочила. Быстро умывшись и облачившись в одно из простеньких платьиц, висевших в шкафу, я выскочила из комнаты и устремилась к Вивианн. По пути я сообразила, что оставила в спальне пузырек с лекарством. Мысленно выругавшись, я помчалась обратно. Опоздать с исполнением обязанностей в первый же рабочий день, только этого не хватало. Перед дверью в комнату женщины, я остановилась, чтобы немного отдышаться. Постучавшись, я вошла.

Вивианн лежала в постели и безразлично смотрела в потолок. Когда я вошла, и поздоровалась, она даже не повернула голову в мою сторону.

На подносе возле кровати уже стоял завтрак. Миска какой-то каши и напиток в кружке, похожий на чай. Вспомнив вчерашний роскошный ужин, я испытала стыд перед этой женщиной.

Я осторожно приблизилась к ней.

– Сейчас я помогу вам сесть, чтобы было удобнее зав-

тракать, – сказала я. Она совершенно мне не помогала, все также равнодушно глядя в одну точку. Я пыталась понять, почему она так себя ведет, но задавать ей вопросы не решалась. Я вытащила из кармана пузырек, и наполнила взятую с подноса чайную ложку. Но едва я поднесла лекарство к ее рту, как она дико вытаращила глаза, замотала головой, и принялась меня отталкивать. Я удивилась тому, какая сила таилась в этом хрупком дряхлом теле.

– Вивианн, прошу вас, – прошептала я, безуспешно пытаюсь влить лекарство ей в рот. Она вцепилась мне в руки и намертво сжала челюсти.

– Пожалуйста, отпустите меня, мне больно, – попросила я, вырываясь из ее захвата. Но женщина словно обезумела. Она смотрела на меня круглыми глазами и яростно мотала головой.

Спустя несколько минут отчаянной борьбы, я сдалась.

– Хорошо, хорошо, вы победили. Отпустите меня.

Ее хватка тут же ослабла, она устало опустила голову на подушку и снова уставилась в потолок. Я смотрела на нее, думая, что мне делать дальше.

– Вивианн, – сказала я наконец, – я просто выполняю свою работу. Если вы не выпьете сами, мне придется позвать Марцелла, понимаете?

Она медленно повернула голову и уставилась на меня. Я всматривалась в ее лицо, продолжая говорить:

– Пожалуйста... Я очень хочу вам помочь, правда. Это ле-

карство для вашего же блага...

Она посмотрела на меня некоторое время и снова отвернулась. Я только сейчас заметила, что у нее были удивительные для женщины ее возраста глаза. Обычно глаза стариков блеклые, выцветшие от времени, но у Вивианн они были совсем другими. Они были насыщенно-карими, и казались единственным живым пятном на ее мертвенно-белом лице.

– Вивианн, я хочу вам помочь. Позвольте мне это сделать, – я вновь наполнила ложку, поскольку предыдущую порцию благополучно пролила во время борьбы с ней. В этот раз она не сопротивлялась. Я поднесла ложку к ее рту, и она послушно проглотила лекарство. В ее глазах читалась безмолвная покорность судьбе.

– Спасибо, – выдохнула я, – а теперь, давайте завтракать. Ела она неохотно, мне удалось впихнуть в нее всего несколько ложек каши.

Закончив с этим, я вытащила из кармана бумажку с расписанием дня, которую выдал мне Марцелл. Теперь мне предстояло ее одеть и отвезти на прогулку. К счастью, в мои обязанности не входило выносить за ней утку, этим занималась другая прислуга. Я распахнула шкаф, выживая из него вещи. Они были совершенно обычными, длинные юбки и мешковатые кофты. Но я была рада, что не придется возиться с многослойными платьями.

Выбрав несколько вещей, я вновь приблизилась к ней.

– Вивианн, вы хотите помочь мне с нарядом для вас?

Она, как я и ожидала, проигнорировала меня. Я отложила вещи в сторону. Выглянула в окно. На улице было прохладно, поэтому я решила выбрать для нее одежду потеплее. Я помогла ей сесть, осторожно сняла с нее ночную рубашку и принялась облачать в прогулочный костюм. Периодически я поглядывала на ее лицо, но она совсем не обращала на меня внимания. С большим трудом мне удалось усадить ее в инвалидное кресло. Вся взмокшая от усилий, я накрыла ее пледом, чтобы она не замерзла, и вытолкала коляску через черную лестницу. Она была снабжена специальными рельсами, по которым я без усилий спустила Вивианн на первый этаж.

Когда мы оказались на улице, я с наслаждением вдохнула утренний воздух. Солнце только начинало приятно прогревать, и я плотнее закуталась в кофту, которую прихватила и для себя из ее гардероба.

Мы совершили небольшой объезд территории. Я искренне любовалась пейзажами. Недалеко виднелось озеро, но я не смогла к нему пробраться из-за насаженных повсюду кустарников. Я остановила коляску и наклонилась к Вивианн, чтобы убедиться, что она в порядке. И с удивлением обнаружила, что она уснула. Ее руки были сложены на груди, голова наклонилась в бок, а рот был приоткрыт. Казалось, что она спала очень крепко. Я еще некоторое время смотрела на нее с изумлением, после чего вновь вытащила свой листок. Следующим значился обед в два часа дня. Я посмотрела на наручные часы, и поняла, что у меня есть пара свободных

часов. Внезапно сообразив, что не позавтракала, я решила оставить женщину на свежем воздухе, и перекусить. Я поправила на ней плед, и, направилась в сторону дома. Я не была уверена, что могу оставить ее на улице. Но и прямых запретов на это я не получила. Подходя к особняку, я успела заметить чью-то тень, мелькнувшую у одного из окон на втором этаже.

Зайдя в столовую, я увидела там Эмметта. Он сидел, склонившись над столом и что-то сосредоточенно делал. Когда я подошла ближе и поздоровалась, он поднял голову.

– Алекса, доброе утро, – он улыбнулся. Кажется, его настроение снова было хорошим. Подойдя ближе, я увидела, что перед ним на куске пенопласта лежит красивая ярко-голубая бабочка. Он осторожно поправлял ее крылышки булавками, – ну как тебе твое первое рабочее утро? Справляешься?

– Да, все в порядке, – ответила я, замороженно наблюдая за его действиями. Он закрепил булавками тонкую полоску бумаги на крылышке своей пленницы, и снова поднял на меня глаза. Они были такого же невероятного голубого цвета, что и бабочка.

– Это для моей коллекции, – ответил он, всматриваясь в мое лицо. Удивительно, на его губах играла улыбка, но глаза оставались холодными. Эти ледяные глаза составляли странный контраст с его доброжелательностью, отчего она казалась наигранной. Странно, что я не замечала этого прежде.

По моей спине побежал холодок от этих мыслей, и я от-
вета взгляд.

– Ты коллекционируешь бабочек?

– Да, – он вновь склонился над столом, продолжая рабо-
ту, – посмотри, разве она не прекрасна?

– Да, но... мне кажется, она лучше смотрелась бы на цвет-
ке, чем на иголке, – заметила я. Кажется, мои слова его по-
забавили.

– Подумай сама, срок жизни многих бабочек составляет
всего несколько дней. Я же дарю им вечность в моей коллек-
ции. Я уверен, ты поймешь меня, если сама попробуешь пой-
мать одну. Это такое удивительное чувство – держать чью-
то хрупкую жизнь в своих руках.

– Не думаю, что мне бы это понравилось, – я нахмури-
лась. Он смотрел на меня с нескрываемым интересом и явно
получал удовольствие от моей реакции, – кроме того, есть
много других вещей, которые можно собирать.

– Да, ты права, – он нежно улыбнулся, – есть и другие
хрупкие прекрасные вещи, которые гораздо интереснее ба-
бочек. И я их тоже коллекционирую.

Я вздохнула, поняв, что спорить с ним бесполезно. Он от-
кровенно потешался надо мной.

– Я бы хотела перекусить, – сказала я.

– Мы очень огорчились, что ты не спустилась к нам на
завтрак. Но повар, конечно, оставил для тебя еду. Я немного
занят, найдешь его сама, ладно?

В этот момент в столовой появился Родерик. Он держал в руках тарелку с остатками вчерашнего мяса и небольшую корзинку.

– Доброе утро, – растерянно сказала я, глядя на предметы в его руках.

– Род кормит бездомных котят и щенков, – пояснил Эмметт, – уж не знаю, где он каждый раз их находит. Он очень любит животных. Верно, Род?

Тот молча кивнул, аккуратно перекладывая мясо в корзинку.

– Почему не завести котенка или щенка в поместье? – спросила я.

– Он иногда их притаскивает сюда, – Эмметт снова склонился над бабочкой.

Меня так и подмывало спросить, почему же я не увидела до сих пор ни одного из них, но я промолчала. Мой желудок издал протяжный голодный стон.

– Род, покажешь ей, где у нас кухня? Ты все равно идешь в ту сторону, – не отвлекаясь от своего занятия, попросил Эмметт.

– Да, – Родерик бросил на меня короткий взгляд, и вышел из столовой. Я последовала за ним.

Пока мы шли, я снова задумалась о Вивианн. Она не показалась мне совсем уж немощной, когда отталкивала меня утром. Почему же в ней такое безразличие к жизни? И что за лекарство я ей дала?

– О чем думаешь? – я вздрогнула от неожиданности, и перевела взгляд на Родерика. Его синие глаза смотрели на меня внимательно и грустно.

– О... предстоящей работе, – уклончиво сказала я.

Он замолчал, и какое-то время мы шли в тишине.

– Значит, ты любишь животных? – спросила я, – Это здорово.

– Ты тоже их любишь?

– Ну... не скажу, что так, – честно ответила я.

– Они ласковые и теплые, – сказал Родерик, – с ними весело проводить время.

– Да, я согласна. Они милые. Но заботиться о них – это ответственность.

– Ты ведь ухаживаешь за нашей мамой. Разве это не ответственность?

Этот вопрос поставил меня в тупик.

– Это моя работа. И, по-моему, такое сравнение не совсем уместно, – осторожно сказала я. Он снова поднял на меня глаза. В них читалось любопытство.

Наконец, мы подошли к кухне. Родерик распахнул дверь и прошел внутрь. Я нерешительно побрела за ним.

Кухня была выдержанна в том же стиле, что и весь особняк. Старинные навесные полки из черного дерева обрамляли помещение. Сквозь стеклянные дверцы в них тускло маячили сервизы. С потолка свисала тяжелая люстра. Кухонная техника, впрочем, была весьма современной. Родерик подо-

шел к большому черному холодильнику.

– Здесь есть запеканка, овсяная каша и суфле, – сообщил он, заглянув внутрь. Я попросила суфле, растерянно глядя на его спину. Вчера он заставил меня вырядиться в бальное платье к ужину, а сегодня по-хозяйски вручает мне еду из холодильника на кухне. Я взяла огромное блюдо с подрагивающей розовой субстанцией и поблагодарила.

– Накрой на стол для нее и приготовь какао, – сказал он. До меня не сразу дошло, что это было адресовано повару, который все это время молча сортировал овощи в углу. Он был таким неприметным, что я заметила его только сейчас. Едва Родерик обратился к нему, он учтиво кивнул и взвился со своего места, спеша исполнить приказ.

– Хочешь пойти со мной?

Я снова повернулась к младшему брату. Он смотрел на меня, чуть склонив голову. Его большие печальные глаза внимательно следили за моим лицом.

– Ну... я не знаю, – растерянно ответила я. Единственным моим желанием было как можно быстрее утолить голод и вернуться к работе, – я не уверена, что успею. Мне нужно поесть и потом идти к Вивианн.

– Жаль, – он склонил голову на бок и опустил глаза.

– Ничего не поделать, – я пожала плечами, и поудобней перехватила блюдо.

– Я мог бы подождать тебя. Кажется, после обеда ты свободна?

Его настойчивость меня немного обескуражила.

– Э... Ну да, – неуверенно протянула я, – но мне нельзя отлучаться за пределы дома.

– Ты же будешь со мной.

Я помолчала несколько секунд, растерянно глядя на него.

– Но у меня могут быть проблемы. Вивианн может что-то понадобится...

– Не беспокойся, маме уже давно ничего не нужно.

Я замолчала. Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза. Наконец, я подала голос:

– Хорошо.

– Спасибо, – сказал он, – пойдем сразу после обеда.

Я молча кивнула и вышла в коридор. Добравшись до столовой, я увидела, что Эмметта уже там нет. Пропала и бабочка, булавки, и все остальное, что он использовал во время своей работы. Вместо этого на столе возник набор столовых приборов, тарелка и небольшой фарфоровый кофейник.

Усевшись, я принялась за еду. Зачерпывая вилкой нежное суфле, я снова испытала угрызения совести перед Вивианн. Судя по всему, ей оставалось жить не так уж долго. Неужели нельзя было сделать ее последние дни счастливыми?

Глава 4.

Покончив с завтраком, я поспешила во двор. Попутно взглянула на часы, обнаружив, что как раз успеваю вовремя покормить Вивианн. Настроение у меня улучшилось, и я выскочила на улицу, высматривая между деревьев ее коляску.

– Вивианн, как вы? Простите, что оставила вас здесь, – сказала я, приблизившись к ней. Она сидела, чуть откинув голову назад. Казалось, она даже не заметила моего присутствия. Ее глаза неотрывно смотрели в чистое небо, с такой тоской, словно она хотела в нем раствориться. Я отвела взгляд от ее лица, и покатила кресло в сторону дома.

Добравшись до спальни Вивианн, я увидела, что горничная уже принесла еду. Я пересадила женщину на кровать, и, переведя дух, извлекла пузырек с лекарством из кармана. Она холодным взглядом наблюдала за моими действиями.

– В этот раз вы же выпьете сразу, правда? Пожалуйста, это для вашего же...

Я не успела договорить, ложка, которую я поднесла к ней, вылетела у меня из рук. Вивианн смотрела на меня, и в ее карих глазах плясали недобрые огоньки. Я вздохнула.

– Снова упрямитесь. Вы же все понимаете, вы же видите, что я хочу помочь. Я не хочу вас мучать, но вы должны это выпить...

Я снова наполнила ложку, осторожно подходя к ней. Она

все еще смотрела на меня с вызовом.

– Вивианн, – ласково сказала я, – прошу вас.

Она мотнула головой. На ее изможденном лице читалось упрямство. Я присела на край ее постели. Мы сидели с ней некоторое время, молча глядя друг на друга. Наконец, она устало прикрыла глаза. Лицо ее снова приобрело равнодушное выражение. Я без усилий заставила ее проглотить лекарство, после чего взяла с тумбочки поднос с едой. Это снова была каша, по виду абсолютно такая же, что и утром.

Мне с трудом удалось уговорить ее съесть пару ложек, после чего она выпила немного воды, и опустила голову на подушку. Весь ее вид выдавал, каких усилий ей стоит каждое движение. Ее тонкая белая рука, лежащая поверх одеяла, была настолько иссушенной, что казалось, принадлежала мертвецу. Весь ее странный облик напоминал мне давно завядшую розу, в которой еще каким-то чудесным образом теплится частичка жизни. Мне было искренне жаль эту женщину. Она казалась несчастной и одинокой, ведь даже сыновьям не было до него никакого дела.

Я некоторое время посидела возле нее, затем тихонько поднялась на ноги. Покинув комнату, я направилась в сторону своей спальни. Из моей головы не выходил отрешенный пустой взгляд Вивианн.

– Похоже, ты решила еще и на обед не спускаться? – раздался голос позади меня. Я вздрогнула от неожиданности, и обернулась. Эмметт стоял, облокотившись на дверь, и смотрел на меня.

рел на меня с усмешкой. Он подошел немного ближе, его холодные глаза внимательно смотрели на мое лицо, – неужели мы настолько тебе не понравились?

– Прости, я совсем забыла... – я вытащила из кармана бумажку с расписанием. На ее обороте значилось время приема пищи остальных членов семьи. Все было предусмотрено так, что я могла с легкостью успевать заботиться о Вивианн и есть в компании братьев, – я еще не привыкла к вашему распорядку.

– Ладно, сделаю вид, что поверил, – он разочарованно хмыкнул, и тут же снова заулыбался, – учти, если не спустишься в столовую через десять минут, я приду за тобой сам, хорошо?

Я кивнула и поспешила в свою спальню. Понемногу я начала привыкать к поведению этих троих. Я извлекла из шкафа теплые вещи, поскольку после обеда меня ждала прогулка с Родериком. Глухой стук заставил меня вздрогнуть. Наклонившись, я поняла, что что-то выпало из кармана моей кофты. Я подобрала с пола свой разряженный телефон. Растерянно повертела его в руках, сообразив, что настолько увлеклась происходящим здесь, что совсем забыла о нем. Быстро откапав провод среди вещей, я поставила телефон на зарядку. Переодевшись, я сбежала с лестницы на первый этаж и направилась в столовую.

К моему удивлению, в ней никого не было. Я растерянно посмотрела на накрытый стол, обставленный пустующи-

ми стульями, и нерешительно присела на один из них. Аппетитный вид еды, расставленной вокруг, меня соблазнял, но я не решалась начать есть в одиночестве. С трудом оторвав взгляд от мясного рулета, стоящего прямо передо мной, я принялась рассматривать картины на стенах.

Одна из них демонстрировала приятный сельский пейзаж. Раскидистые деревья, кустарники и большое озеро вдали. Присмотревшись, я увидела едва различимую человеческую фигуру среди деревьев. Силуэт располагался спиной к смотрящему, но по длинным волосам и платью, становилось понятно, что это женщина.

На второй картине была изображена девочка лет шести. У нее было милое бледное личико, по-детски пухлые щечки и белокурые волосы. На ее голове красовался большой голубой бант. Облачена она была в длинное белое платье с голубым кружевом. В руках она держала кошку.

Но было что-то неправильное в обеих картинах. Линии были рваные, неровные, и чем больше я всматривалась в них, тем сильнее мне становилось не по себе. На первой картине я заметила несколько змей, скрывающихся в кронах деревьев, и тянущихся к силуэту. В руке девушки виднелось большое красное яблоко, которое я тоже не увидела сначала.

Ребенок на втором изображении смотрел куда-то в сторону. На лице не было улыбки, взгляд казался безжизненным. Кошка в руках девочки походила на грязное коричневое пятно. Силуэт ее был очень размыт, словно художник

хотел быстрее ее нарисовать, кое-как обозначив очертаниями. Зато образ ребенка был проработан до мелочей. И чем больше я всматривалась, тем больше видела этот удивительный контраст.

– Ты так внимательно рассматриваешь эти картины, – услышала я позади себя знакомый насмешливый голос. Эмметт уселся рядом, посмеиваясь. Вслед за ним в комнате возник Родерик. Он бросил на меня короткий томный взгляд, и тоже опустил на стул.

– Они нарисованы одним и тем же художником? – поинтересовалась я, пытаясь придать лицу безразличное выражение.

– Да, наверное, – его холодные голубые глаза и фальшивая улыбка не выдавали никаких эмоций, – тебе они нравятся?

Я почувствовала, что Родерик теперь тоже смотрит на меня. Под их внимательными взглядами, я нерешительно выдала:

– Они немного пугают, если смотреть внимательно...

– Но тебе же это близко, разве нет? Твои рассказы тоже пугают, – Эмметт наполнил свою тарелку.

Спорить с ним было сложно. Мое творчество отличалось от того, о чем обычно могут писать девушки. Мне было скучно описывать романтические свидания и приключения. Я писала о злых волшебниках и проклятиях, о забытых зловещих лесах и потусторонних мирах.

Помолчав немного, я кивнула.

– Удивительно, насколько ты сама себя не понимаешь, – Эмметт намазал кусок тоста маслом, – в тебе есть много того, чему ты противишься. Но если заглянешь в себя, ты начнешь это понимать.

Я молчала, обдумывая услышанное. Пугающие картины перебили аппетит, и я рассеянно смотрела в пустую тарелку перед собой.

Через несколько минут в столовой появился Марцелл. Он выглядел даже еще большее безразличным, чем обычно. Я внезапно сообразила, что не видела его сегодня весь день.

Он молча сел за стол, и принялся за еду. Я наблюдала за ним краем глаза. Он казался уставшим, хотя и явно старался это скрыть. Неужели у него и правда так много работы?

Внезапно он поднял на меня глаза и наши взгляды пересеклись. Я опустила голову и принялась поспешно накладывать в тарелку салат. Еще некоторое время я чувствовала его взгляд на себе, после чего он отвернулся.

После обеда ко мне подошел Родерик, и мы отправились на улицу. Погода сильно испортилась, небо затянулось темной пеленою туч.

– Как бы дождь не начался, – пробормотала я, беспокойно глядя вверх.

– Не волнуйся, мы ненадолго.

Он уверенно шагал впереди, а я семенила следом, периодически спотыкаясь об коряги и ветки. Мы вышли на порос-

шую травой тропинку, которая огибала озеро и извивалась между деревьев.

– Далеко нам еще? – не выдержала я, осторожно отодвигая ветки. Несколько деревьев уже успели отвесить мне оплеухи, и теперь я придерживала их, прежде чем пройти.

– Нет, почти пришли.

Мы вышли к старому двухэтажному дому. Он был ветхим и неухоженным, но даже несмотря на это, выглядел величественно. Полукруглые большие окна зияли пустотой. Ветхий балкон покосился от времени. Стены в некоторых местах покрылись мхом. Я рассматривала дом, испытывая странную смесь восхищения и беспокойства.

– Идем, – Родерик сделал шаг внутрь здания. Я помедлила, неуверенно замявшись на пороге, после чего двинулась следом.

Внутри царил полная разруха. На полу валялись обломки стен и стекла. Кое-где оставшаяся мебель выцвела и покрылась пылью. Некоторые окна были забиты досками, поэтому в доме было достаточно темно. Я осторожно ступала, боясь пораниться или споткнуться.

«Что я вообще здесь делаю?» – навязчиво звучало в моей голове.

Внезапно в углу раздался писк, и Родерик сразу устремился туда. Он достаточно резво и легко передвигался в этом хаосе, в отличие от меня. Когда я, наконец, неуклюже доковыляла до него, он сидел на корточках. Перед ним крутились

два котенка, они мяукали и терлись об его ноги. Он извлек из корзинки еду, и они жадно набросились на нее.

– Такие милые, правда? – спросил он, наблюдая, как они поглощают мясо.

Я промычала что-то неразборчивое, соглашаясь с ним. Мне было некомфортно в этом огромной заброшенном доме, и вид маленьких котят, жизнерадостно крутящихся рядом, совсем не вязался с этим ощущением. Я снова вспомнила странные картины в столовой и невольно поежилась.

– Иди ближе, – пригласил Родерик. Я неуверенно опустилась на корточки рядом с ним. Котенок передо мной угрожающе выгнул серую спинку и отскочил подальше, волоча за собой кусок мяса.

– Кажется, я им не слишком нравлюсь, – хмыкнула я.

– Зато ты нравишься мне. Ты тоже милая, – его голос звучал совершенно ровно, словно он сказал что-то очевидное. Я снова невольно поразились его по-детски наивному и странному восприятию мира. Я не нашла, что ответить на это, и просто растерянно наблюдала, как котята доедают свой обед.

– Ты часто здесь бываешь? – спросила я, наконец.

– Да.

– Откуда здесь эти котята?

– Люди постоянно выбрасывают котят и щенков в этих окрестностях. Видимо, они им не нужны и они просто вывозят их за город и оставляют. Я часто гуляю в этих местах и приношу их сюда.

Я молча смотрела на него, пока он говорил. Он выглядел спокойно и расслабленно, его глаза с привычной печалью наблюдали за копошащимися котятами. Ни в его голосе, ни в лице я не заметила особого сочувствия. И, тем не менее, его трогательный образ заставил мое сердце дрогнуть.

– Ты поступаешь очень благородно, – уверенно сказала я. Он посмотрел на меня, и я увидела удивление в его взгляде.

– Разве?

– Ну конечно, – продолжила я, немного сбита с толку его реакцией, – ты заботишься о слабых и брошенных.

– А ты заботишься о нашей маме. Мы похожи, верно? – его синие глаза странно блестели в полумраке комнаты, – а еще ты любишь страшные сказки, как и я. Мне нравится, как ты пишешь. Может быть, ты напишешь что-нибудь обо мне?

– Не думаю, что благородный мальчик, спасающий котят, подойдет для моего жанра, – усмехнулась я. Пару мгновений он смотрел мне в глаза, словно решаясь на что-то, после чего снова опустил голову к своим подопечным. Мне стало немного не по себе от этого.

– Ну что, идем обратно? – неуверенно протянула я, – Вдруг Вивианн что-нибудь понадобится...

– Тебе со мной не интересно?

Я замолчала, растерянная этим детским вопросом.

– Э.. нет, просто она может проснуться и захотеть меня видеть... – он молчал, поэтому я с тяжелым сердцем продолжила, – но мне интересно, правда.

Для убедительности я протянула руку, чтобы погладить ближайшего котенка. Он зашипел, обнажая тонкие маленькие зубки.

– Видимо, они признают только тебя, – заключила я, наблюдая, как котята подставляют пушистые головы под руку Родерика. Он задумчиво гладил их тонкими пальцами. В полумраке его бледная кожа казалась еще светлее, а синие большие глаза выглядели еще более печальными и глубокими. Я замороженно смотрела на него.

– Странно, что никто не бросает здесь старых и больных животных, – тихо сказала я, рассеянно наблюдая за ним.

– Бросают, и очень много, – спокойно отозвался он.

– Вот как, то есть о них ты тоже заботишься?

– Очень редко. Они совсем не ласковые. Когда я играю с ними, они бросаются на меня, – его рука сжала на мгновение серую шерстку, от чего котенок испуганно пискнул.

– Понимаю, – тихо сказала я, наблюдала за ним.

Он посмотрел мне в глаза.

– Я люблю играть с теми, кто мне кажется милым и ласковым. А с остальными... не так сильно.

Он взял на руки одного котенка. Второй тут же стал цепляться коготками за брюки своего покровителя, но Родерик его даже не заметил. Прижимая к груди серый комочек, он снова повернулся ко мне.

– Вот ты, например, милая. Ты мне нравишься. А еще мне нравятся твои сказки. Поэтому я позвал тебя сюда.

– То есть со мной ты тоже играешь? – улыбнулась я, пытаясь перевести наш диалог в шутку. Но он смотрел на меня серьезным печальным взглядом.

– Вроде того, – сказал он, наконец.

На улице начался дождь. Тяжелые капли глухо били в трухлявую крышу и доски на окнах. Я посмотрела на наручные часы. С трудом разобрав в темноте цифры, я увидела, что уже было почти пять часов.

– Надеюсь, он скоро закончится. А то я могу не успеть к Вивианн, – беспокоенно сказала я.

– Снова Вивианн. Ты только и думаешь о ней.

– Это моя работа, – ответила я, чуть нахмутив брови.

– Она не будет обижаться на тебя, если ты к ней опоздаешь.

– Зато Марцелл будет, – ответила я, – Родерик, мне с тобой интересно, но я здесь не для развлечений. Мне нужны деньги.

– Так значит, Вивианн тебе тоже не нужна? Тебя волнуют только деньги?

– А тебя волнуют только глупые игры, – неожиданно резко сказала я. Эти слова вырвались прежде, чем я успела себя остановить. Его печальные глаза потемнели, отчего стали казаться еще более грустными. Он чуть склонил голову на бок. В его взгляде читалось разочарование.

– Прости, – быстро сказала я, отводя взгляд от его лица, – мне не стоило грубить тебе. Просто... я очень волнуюсь. Я

боюсь не справиться с этой работой.

Капли все реже и реже стучали по крыше. Маленький котенок довольно зевнул и крепче прижался к груди Родерика.

– Мне очень понравилось у вас, – тихо добавила я. Эти слова не были чистой правдой, но они могли помочь мне исправить ситуацию, – И если я не справлюсь... Меня уволят. Мне не хочется этого.

Родерик помолчал некоторое время, затем поднялся на ноги. Котенок, которого он опустил на пол, смотрел на него круглыми глазками-бусинками. Я подскочила следом.

– Идем, – он протянул мне руку. Меня удивил этот жест, но я, не раздумывая, схватилась за его ладонь. Мы побрели обратно, только теперь он шел медленно, помогая мне перешагивать через лежащий повсюду мусор. Я невольно почувствовала себя тем самым серым котенком, с которым он возился минуту назад.

Дождь закончился, но мокрая трава неприятно липла к штанам, а ветки теперь осыпали меня не только оплеухами, но и крупными каплями. Добравшись до поместья, я решила, что первым делом отправлюсь в ванную комнату. У меня оставалось еще время, чтобы привести себя в порядок. Смыв с себя грязь и дождевые холодные капли, я почувствовала себя намного лучше. Довольная, я зашла в спальню, и вспомнила, что оставила телефон на зарядке. Удивительно, но и он сам, и провод бесследно исчезли. Я поискала телефон глазами, даже на всякий случай заглянула под кровать, но пропа-

жа так и не обнаружилась. Я внимательно осмотрела комнату, и заметила, что платья, в котором я работала днем, тоже нет. Скорее всего, здесь была горничная, но она не показалась мне человеком, способным на воровство. Совершенно растерянная, я вновь кинула взгляд на часы, и поспешила к Вивианн.

Глава 5.

Меня, как обычно, встретил ее безразличный взгляд, направленный куда-то в потолок. На тумбочке я нашла поднос с кашей. Я усадила Вивианн поудобней, и поднесла ложку к ее рту. Она игнорировала меня, ее презрительно изогнутая бровь и чуть скривленные губы давали мне понять, что есть она не будет.

– Я понимаю, как вам тяжело. Но пожалуйста, вам нужно поесть.

Мои слова остались без внимания. Я вздохнула.

– Знаете, сегодня мы с вашим сыном ходили к заброшенному дому. Он заботится там о котятках. У вас хорошие сыновья, Вивианн. Но, кажется, вы не даете им шанса это показать. Как и мне, – я подняла голову и снова посмотрела ей в глаза.

На ее лице теперь читалась горькая насмешка. Она смотрела мне в глаза почти злорадно, и мне стало не по себе от этого взгляда. Я отложила миску с кашей в сторону.

– Хорошо, если вы не хотите есть, идемте в ванную.

Я пересадила ее в коляску и покатила в ванную комнату, расположенную возле ее спальни. Насколько я понимала, каждая спальня на втором этаже была снабжена такой комнатой.

Ванная комната Вивианн отличалась от моей. Она была

намного больше, светлая, с множеством зеркал. Красивый резной мраморный умывальник соседствовал с ванной в такой же отделке. Возле нее стояло мягкое белое кресло, в которое я тут же опустилась. Я принялась набирать воду и расматривать бутылочки с шампунями и мылом. Прямо над ванной располагалось окно, из которого был виден сад. Я невольно залюбовалась видом, пока набиралась вода.

– Отлично, – я опустила руку в ванну, чтобы убедиться, что вода комфортной температуры, после чего повернулась к Вивианн.

Увиденное меня поразило. Она смотрела на свое отражение в зеркале с невыразимой болью во взгляде. По ее белой щеке текла слеза. Сейчас она казалось еще более старой и хрупкой, чем обычно.

– Вивианн, – осторожно позвала я. Она игнорировала меня, продолжая неотрывно смотреть в зеркало. Мне стало ее жаль. Она казалась сильной женщиной, и наверняка была такой всю жизнь. Я ничего не знала об отце семейства, возможно, он был уже мертв. Было понятно, что ей невыносимо видеть себя такой – старой, изможденной, беспомощной. И еще невыносимей было принимать помощь от меня – неизвестной с улицы, вместо того, чтобы быть окруженной любовью сыновей. В этот момент, глядя на нее, я твердо решила поговорить с Марцеллом.

– Вы очень сильный человек, Вивианн, – сказала я, – если честно, я восхищаюсь вами. Вы стойко переносите все, что

с вами случилось.

К моему ужасу, она закрыла глаза, и по ее второй щеке тоже потекла слеза. Из ее горла вырвался едва слышный стон.

– Прошу вас, не надо, – я села перед ней на корточки, испуганно всматриваясь в ее лицо, – не надо, не плачьте. Я поговорю с вашими сыновьями. Я знаю, вы нуждаетесь в них намного больше, чем во мне. Доверьтесь мне, я хочу вам помочь.

Ее карие глаза, полные боли, вновь уставились на меня. Но не с ненавистью и презрением, как прежде. Она смотрела на меня с грустью.

– Я помогу вам, – решительно повторила я.

Я сняла с нее одежду и осторожно опустила в воду. Она больше не смотрела на меня и не плакала. Лицо ее снова приняло свой безразличный вид.

Завершив купание, я вытерла ее полотенцем и одела в домашнее платье. Мне было грустно и неловко от ее беспомощности, и ее равнодушие меня даже успокаивало. Закончив, я отвезла ее обратно в спальню, и уложила на кровать.

– Если я вам понадобится, звоните, – сказала я, прекрасно зная, что она этого не сделает.

Я покинула ее комнату, осознав, насколько сильно меня выматывает эта работа. Я посмотрела на часы. Было самое время спускаться к ужину.

Я направилась к столовой, размышляя о Вивианн. Зайдя, я увидела Родерика. Он сидел за столом, крутя в руке вилку.

Когда я зашла, он подняла на меня глаза.

– Ты рано, – сказал он, – Но так даже хорошо. Мне будет не так скучно.

Я присела напротив него. Через пару минут в комнате возник Эмметт.

– Ну как тебе котята, Алекса? – поинтересовался он, опускаясь на стул рядом со мной.

– Очень милые, – отозвалась я.

– Надеюсь, не такие милые, как мы? – он жизнерадостно улыбнулся. Я посмотрела в его ледяные глаза.

– Нет, но почти такие же милые, как твои бабочки.

Эмметт засмеялся. Глядя на него, я невольно улыбнулась.

– Кажется, ты уже привыкаешь к нам. Это хорошо, – мне показалось, что его взгляд чуть смягчился, и в нем скользнуло что-то теплое. Фальшивая ухмылка на его красивом лице на мгновение переросла в искреннюю улыбку.

Несколько минут спустя, в течение которых все успели приступить к еде, в комнате появился Марцелл. Он молча сел за стол, и придвинул к себе блюдо с отбивными.

– Непунктуальный старший брат, – прошептал Эмметт. Тот бросил на него холодный взгляд, после чего повернулся ко мне:

– Как продвигается работа?

– Все хорошо. Я справляюсь, – быстро ответила я.

– Мать выпивала лекарство?

– Да. Не с первого раза, но мне удалось ее уговорить.

– Замечательно, – явно выяснив все, что его интересовало, он приступил к еде. Я крепче сжала вилку, глядя на него.

– Марцелл, – нерешительно начала я, – мне кажется, немного несправедливым, что Вивианн не сидит с нами. Я понимаю, это не мое дело...

– Вот именно. Не твое. Твое дело – заботиться о ней, и следить, чтобы она принимала лекарство.

– Но ей очень одиноко. Если бы она могла проводить больше времени в кругу семьи, ей было бы лучше.

– Не тебе решать, что для нее лучше, а мне, – отрезал Марцелл. Его голос звучал спокойно и холодно, зеленые глаза безразлично смотрели куда-то сквозь меня, – тема закрыта.

Родерик и Эмметт молча следили за нашим диалогом. Никто из них не вмешивался и не пытался что-то сказать. Они оба спокойно ели, периодически поглядывая на нас.

– Она же ваша мать, – как можно деликатней сказала я, – вы позволяете ее сиделке есть с вами за столом, но...

В следующие несколько мгновений произошло что-то невообразимое. Марцелл молча взял со стола пустую тарелку и запустил в меня. Блюдо пролетело буквально в паре сантиметров от моего лица и разбилось об стену. Я замерла в ужасе, не в силах пошевелиться.

– Я сказал нет, – безразличным тоном сообщил он, – и это значит, нет.

Я ошарашенно смотрела на него. Он продолжил есть, как ни в чем не бывало. Эмметт и Родерик тоже вели себя совер-

шенно спокойно, словно ничего не случилось. Мое сердце бешено билось о грудную клетку. Мне хотелось выскочить из-за стола и помчаться прочь.

– Ешь, – словно прочитав мои мысли, приказал Марцелл.

Пару мгновений я молча смотрела ему в глаза, после чего взяла вилку и послушно запустила ее в пюре на своей тарелке. Моя рука немного подрагивала от напряжения.

Больше никто не проронил ни слова, и время за столом прошло в полной тишине. Марцелл, как обычно, первым поднялся на ноги. Он снова смерил меня взглядом, после чего покинул комнату. Я помолчала некоторое время, сдерживая эмоции. Меня так и подмывало нагрубить Родерику и Эмметту, но я с трудом подавила гнев, заставив себя успокоиться.

«Мне нужна эта работа», – мысленно сказала себе я.

– Марцелл сегодня не в настроении, или он всегда такой... доброжелательный? – спросила я, наконец. Мой голос звенел от подавляемых эмоций.

– Ему не нравится, когда с ним спорят. Никогда так не делай, – спокойно отозвался Эмметт. Его приветливость испарилась, сейчас он выглядел мрачным и серьезным. Голубые глаза смотрели на меня даже холодней, чем обычно.

Кажется, никто кроме меня не придавал значения странному поведению старшего брата. Я поняла, что продолжать тему бесполезно и прикусила язык. Мне снова захотелось оказаться дома, подальше от всего происходящего здесь. Вне-

запно я вспомнила о пропаже своего телефона.

– Эмметт, ты не знаешь, была ли горничная в моей комнате сегодня днем?

– Неожиданный вопрос. Думаю да, была. А что?

– Да нет, ничего, – я решила не рассказывать братьям о своей пропаже. Это прозвучало бы, словно я обвиняю в воровстве их служанку. Кроме того, с меня хватило потрясений на сегодня. Если в моей комнате прибиралась та же самая девушка, я все выясню у нее сама, – Горничная была все та же? Дэйна, кажется?

– Скорее всего, – равнодушно отозвался Эмметт. Его глаза стали еще холоднее, и я отвела взгляд. Удивительно, но глаза Родерика тоже недобро потемнели. Чувствуя нарастающее беспокойство, я поднялась из-за стола.

– Увидимся завтра, Алекса, – сказал Эмметт, провожая меня взглядом, – или, возможно, сегодня.

Оставшийся час до посещения Вивианн я провела в своей комнате. Я бесцельно меряла ее шагами, затем опустилась на кровать. Почему я ем с ними за одним столом, а их родная мать – нет? Вся остальная прислуга старалась вообще не попадать на глаза этим троим. В этом было что-то странное и неправильное, но я была в этом доме всего два дня и не знала всех порядков.

Бросив взгляд на часы, я увидела, что пора идти. Добравшись до спальни Вивианн, я с удивлением обнаружила там Марцелла. Он бросил на меня короткий взгляд, и снова пе-

ревел глаза на мать.

– На сегодня ты свободна, – сказал он холодно, – дальше я справлюсь сам.

Я растерянно посмотрела на Вивианн. Ее лицо не выражало абсолютно никаких эмоций, ее пустой взгляд был направлен в потолок.

– Я сказал, можешь идти, – повторил Марцелл.

Помявшись немного, я выскользнула за дверь. Мне совсем не хотелось снова разозлить его. Возможно, он прислушался к моим словам и решил провести с ней немного времени.

Вернувшись в свою спальню, я завела будильник, разделась и легла в постель. Спать мне не хотелось, в голове роились мысли. Я не смогла помочь этой бедной женщине. Но, по крайней мере, я сделала все, что в моих силах.

Я уже начала засыпать, как услышала странный звук. Решив, что мне это приснилось, я плотней закуталась в одеяло. Звук повторился, на этот раз ближе и громче. Я подняла голову, прислушиваясь. Он был похож на протяжный испуганный женский плач.

– Наверное, кричит ночная птица, – рассеянно пробормотала я, опускаясь на подушку. Звук повторялся еще несколько раз, после чего я провалилась в сон.

Глава 6.

Утром я проснулась по будильнику. Нехотя поднявшись с постели, я побрела в ванную. Мне предстоял новый рабочий день, и я надеялась лишь, что он пройдет не хуже, чем предыдущий. Приведя себя в порядок, я вернулась в спальню. В моей комнате сновала горничная, она заправляла постель, и, кажется, не увидела меня. Я открыла рот, чтобы поприветствовать ее, но тут же осеклась. Она стояла ко мне спиной, но я заметила сильную скованность ее действий, словно каждое движение было для нее мучительным.

Ее левая рука была обмотана какой-то тряпкой, и она постоянно прижимала ее к груди. Ее хрупкая фигурка болезненно сжалась, отчего девушка казалась еще меньше.

– Дэйна, – осторожно позвала я.

Она резко дернулась, как от удара, и повернулась ко мне лицом. Голова ее была опущена, и на лицо спадали волосы, но я увидела ее взгляд, направленный на меня. Ее глаза выражали такое отвращение и злобу, что мне стало не по себе.

Я растерянно смотрела на нее некоторое время, после чего она отвернулась, и продолжила работу.

– Что-то случилось? – неуверенно начала я, – что у тебя с рукой? Ты поранилась?

Я сделала к ней шаг, но она тут же отшатнулась от меня. Ее глаза горели.

– Я тебя чем-то обидела? – осторожно спросила я. Я не могла понять, что происходит, и ее поведение меня пугало и озадачивало.

Она ничего мне не ответила, быстро застелила постель, стараясь держаться от меня на расстоянии, и выскочила из комнаты.

Оставшись в одиночестве, я постояла еще некоторое время, совершенно сбитая с толку. Затем направилась в столовую, продолжая размышлять о произошедшем.

– Алекса, доброе утро, – увидев меня, сказал Эмметт. Все три брата сидели за столом и приступили к еде, – я уже подумал, ты снова не придешь. Как спалось?

Я пролепетала слова приветствия, и опустила на свое место. Перед глазами до сих пор стоял полный ненависти взгляд горничной.

«Что произошло? Что я сделала не так?»

От мыслей меня оторвало возникшее передо мной лицо среднего брата. Его голубые холодные глаза сверлили меня требовательным взглядом.

– Эй, Алекса, ты меня игнорируешь сегодня? – спросил он, продолжая нависать надо мной.

– Я... нет, – выдавила я, растерянная и смущенная его внезапной близостью ко мне. Щеки мои запылали жаром. Это не укрылось от его внимания, поскольку он игриво улыбнулся, и продолжил:

– О чем ты так сильно задумалась? Кто крадет твои мысли,

что ты даже перестала меня замечать?

– Эмметт, сядь на место, – холодно прервал его Марцелл. Тот бросил на меня еще один насмешливый взгляд, и вернулся за стол. Я, все еще смущенная и сбитая с толку, приступила к еде.

После завтрака я поспешила к Вивианн. Когда я зашла к ней, она еще спала. Ее морщинистое лицо было расслабленно, белые руки лежали поверх одеяла, и если бы не мерно вздымающаяся грудь, я бы решила, что она мертва.

Я понаблюдала за ней некоторое время, затем приблизилась и осторожно коснулась ее руки.

– Вивианн, – позвала я, – вам пора просыпаться и завтракать.

Она вяло приоткрыла глаза. Сегодня они показались мне мутными, словно затянутыми пеленой. Бросив на меня измучанный сонный взгляд, она снова опустила веки.

По моей спине побежал холодок.

– Нет, – прошептала я, – Вивианн, проснитесь.

Но ее глаза оставались закрытыми. Через некоторое время, ее лицо снова расслабилось, и я поняла, что она спит.

Я растерялась, совершенно не зная, что мне делать. Выйдя из ее спальни, я решила найти Марцелла. Мое сердце взволнованно билось. А что если она умирает? Я знала, что дни ее сочтены, это было слишком очевидно. Но когда я поняла, что это может произойти сейчас, мне стало страшно.

Я проскочила по коридору мимо распахнутой двери.

– Алекса, куда ты так спешишь? – донесся до меня голос Эмметта. Я остановилась на мгновение, затем неуверенно подошла ближе, замерев на пороге.

По-видимому, это была его спальня. Я не решилась зайти, и, помявшись, подала голос:

– Эмметт, с Вивианн что-то происходит. Она не просыпается, и...

Он возник передо мной, и я тут же замолчала. Его черная рубашка была свободно расстегнута сверху на несколько пуговиц, в руке он держал книгу.

Привалившись к двери, он улыбнулся.

– Незачем стоять на пороге, ты можешь войти.

– Но... это как-то невежливо, – растерянно ответила я, – и Вивианн...

– Не бойся, я не кусаюсь, – на его лице читалась насмешка, – ну же, проходи.

– Ну ладно... – нетерпеливо сказала я. Он подвинулся, давая мне дорогу.

Оказавшись в его спальне, я неуверенно осмотрелась. Комната была темной, стены, постель, и даже обивка кресла были фиолетовыми. Мебель была приятного шоколадного цвета, над изголовьем кровати нависал полог.

Стены обрамлялись деревянными панелями в форме арок.

Шторы были опущены, и в комнате царил полумрак.

– Присаживайся, – он пододвинул мне кресло.

Я молча села, продолжая растерянно осматриваться. Я чувствовала себя неловко, находясь в его спальне.

– Послушай, Вивианн не просыпается. Она выглядит совсем плохо, и я боюсь... худшего.

– То худшее, о чем ты говоришь, так или иначе наступит, – отрешенно проговорил он. Он стоял позади моего кресла, облокотившись на его спинку. Я отодвинулась на самый краешек и повернулась к нему лицом. Он выглядел задумчивым, – вечно жить не дано никому.

Внезапно его лицо прояснилось, и он с интересом заглянул мне в глаза:

– А ты хотела бы жить вечно, Алекса?

Происходящее нравилось мне все меньше. Я поднялась на ноги.

– Эмметт, ты себя слышишь? Твоя мать умирает там, и ты даже не пойдешь посмотреть, что с ней?

Пару мгновений его холодные глаза изучающе смотрели на меня, после чего он вздохнул.

– Да, конечно, идем.

Он первым вышел из комнаты и пошел в сторону ее спальни. Я двинулась следом. Сверля взглядом его спину, я мысленно задавалась вопросом, почему ему настолько безразлично ее состояние?

Войдя в спальню матери, Эмметт неторопливо подошел к ее кровати.

– Матушка, – позвал он. На лице его явно читалась скука.

Вивианн не ответила, продолжая спокойно спать.

Эмметт повернулся ко мне.

– По-моему, с ней все в порядке, – пожал он плечами, – по крайней мере, я не вижу никакой разницы.

– Но я должна дать ей лекарство и еду.

– Не волнуйся об этом. Сделаешь это, когда она проснется.

Я посмотрела на него растерянно.

– Мне нужно поговорить с Марцеллом, – неуверенно сказала я.

– И что он, по-твоему, сделает? – глаза Эмметта весело сверкнули, – прикажет ей проснуться?

– Нет... Но по крайней мере, я поставлю его в известность о ее состоянии.

– Он сейчас занят. И я вполне могу сделать это сам, – он улыбнулся, – но если ты так хочешь его видеть, я отведу тебя к нему.

– Нет, не стоит. Я тогда... вернусь в свою комнату, – я шагнула к двери.

– Ах, почему ты постоянно пытаешься от меня сбежать? – он подошел ко мне, на его лице играла привычная усмешка, – Ты меня боишься?

– Нет, – растерянно сказала я.

– Неужели мы настолько ужасные, что ты всячески избегаешь нашей компании? Ну, Алекса, где твое дружелюбие? Хочешь, я покажу тебе свою коллекцию бабочек? Тебе ведь

понравилась та вчерашняя малышка, – я нахмурилась. Он улыбнулся шире, явно получая удовольствие от моей реакции, – Знаю. Я обещал тебе экскурсию по поместью, помнишь? И теперь ты от меня не сбежишь. Идем.

Он решительно схватил меня за руку и вышел в коридор.

– Давай начнем с первого этажа, так будет удобней.

Я молча следовала за ним. Я периодически путалась в поместье, и не сразу находила нужную дверь, хотя и пользовалась всего несколькими комнатами.

Дом был большим, и на самом деле, мне было интересно, что находится в тех его частях, где я еще не бывала.

Мы спустились по лестнице и оказались в холле. Эмметт махнул рукой на дверь справа.

– Там находится еще одна наша гостиная. В ней нет камина, поэтому мы называем ее холодной.

Интерьер этой комнаты сильно напоминал спальню среднего брата. Вся мягкая мебель и обои были фиолетовыми. В центре стоял белый прямоугольный столик, вокруг которого кучно стояли несколько диванчиков и кресел. На деревянном полу бледным пятном распластался белый ковер.

– Красивая комната, – сказала я, осматриваясь.

– Мне она тоже нравится. Я часто здесь бываю. Это если вдруг надумаешь меня искать, – он улыбнулся, – идем дальше.

Мы вернулись в холл, и он повел меня в противоположную дверь. За ней оказалась большая библиотека.

Обоев совершенно не было видно, вместо них стены были уставлены от пола до потолка книжными полками. Единственное свободное место в стене занимал камин. В центре комнаты стоял диван, несколько мягких стульев и стол.

– Здесь, наверное, много интересных книг, – сказала я, восхищенно осматриваясь.

– О, да, – Эмметт улыбнулся, – можешь приходить сюда и читать, если хочешь. Вообще можешь пользоваться любыми комнатами. Пока ты здесь, это и твой дом тоже.

– Спасибо, – сказала я, удивленная его добротой. Он посмотрел на меня снисходительно, и вышел из комнаты.

Мы прошли в коридор и двинулись вдоль него.

– Здесь ты уже знаешь кое-что. Кухня, – он кивнул вправо, – Слева комнаты прислуги. Не думаю, что тебе когда-нибудь понадобится туда заходить.

Мы прошли мимо еще одной закрытой двери, в которой, как объяснил Эмметт, прислуга питается и проводит свое свободное время.

Меня снова посетила мысль, что только меня ставили наравне с остальными членами семьи, но я не решалась задавать вопросы.

Следующая дверь справа вела в столовую. Напротив нее была еще одна гостиная.

– Мы называем ее малая гостиная, и почти не пользуемся ей, – Эмметт приоткрыл дверь, и я заглянула внутрь.

Комната была уютной, выдержанной в спокойных корич-

нево-зеленых тонах. Деревянные резные панели вместо обоев, диван, пара кресел и столик в центре. Из стены темной дырой зиял камин.

Мы вернулись в коридор. От обилия комнат у меня начала кружиться голова. Я повернулась в дальний конец коридора и кивнула на оставшиеся несколько дверей.

– А что там?

– Там две небольшие комнаты, вроде этой. Мы ими не пользуемся, поэтому они закрыты. А средняя дверь ведет в подвал. Хочешь, спустимся?

– Нет, – я поежилась.

– И правильно. Там сыро и страшно. В детстве меня заперли в нем несколько раз за непослушание. И, кстати, там водятся крысы.

– Пожалуйста, хватит, – я опасно покосилась на дверь. Эмметт засмеялся.

– Ладно, идем на второй этаж.

Поднявшись по лестнице, мы вышли в коридор. Слева находилась моя спальня, следом за ней комната отдыха, в которой Марцелл выдал мне лекарство.

Эмметт шагнул к двери напротив моей спальни.

– Здесь комната, где мы иногда проводим свой досуг.

Я зашла. Помещение было светлым и небольшим. Здесь тоже стояли книжные полки, но не в таком количестве, как в библиотеке. В центре комнаты располагался рояль.

– Кто-то из вас умеет на нем играть? – поинтересовалась

я.

– Матушка, – Эмметт чуть нахмурился, – но теперь ты уже этого не услышишь.

Я снова окинула взглядом рояль. Удивительно было представить эту женщину сидящей и перебирающей клавиши этого инструмента.

– А что с ней случилось? – осторожно спросила я, – почему она не говорит? И почти не ходит?

Эмметт уставился на меня с искренним недоумением. Он молчал так долго, что я начала думать, что сказала какую-то глупость.

– У нее деменция. Слышала о таком заболевании?

– Нет, – растерянно сказала я.

– Старческое слабоумие. Развивается постепенно. Она не сразу стала такой. Думаю, у нее уже тяжелая степень, – Эмметт грустно посмотрел на рояль, – она почти не узнает никого из нас, и мало что понимает. У нее еще было сопутствующее психическое расстройство. Думаю, в этом отчасти стал виноват наш отец. Видишь ли, он... был своеобразным человеком. Он был настоящим Отелло, всячески изводил ее ревностью. Совсем помешался, подозревая ее в изменах, – Эмметт перевел взгляд на меня. Его ледяные глаза оставались совершенно спокойными, пока он говорил, – Но себя он изводил сильнее, чем ее. Он умер от инфаркта. Десять лет назад. У матушки тогда уже было плохо с головой. Она была агрессивна временами. И дальше становилось только хуже.

Пока не получилось то, что ты видишь. Напрасно ты пытаешься что-то изменить, это уже невозможно. Мы много раз пытались ей помочь, пока просто не смирились с ее состоянием.

– Мне не показалось, что она ничего не понимает, – растерянно сказала я, – скорее, напротив. Такое ощущение, что она заложник своего тела и болезни. Но ум ее ясен.

На мгновение губы Эмметта тронула чуть заметная усмешка. Затем лицо его снова стало серьезным.

– Алекса, ты видишь то, что хочешь. Ты даже в себе не можешь разобраться, откуда тебе знать, что творится в голове у другого человека?

Я посмотрела ему в глаза.

– Поверь, ей уже совершенно все равно, кто будет с ней рядом. Ты, я, Марцелл, Родерик, или мы все вместе.

– Почему вам не подходили предыдущие сиделки? – неожиданно для себя самой спросила я.

– Хм... кто-то не справлялся, кому-то было тяжело. А кто-то пугался и убегал от нас, – на его губах снова появилась улыбка, – Ты ведь не убежишь, Алекса?

Я невольно попятилась. Внезапно он округлил глаза, словно вспомнив что-то.

– Кстати, я нашел кое-что в коридоре, – он извлек из кармана брюк мой телефон, – несколько пропущенных вызовов от мамы. Ты так заботишься о нашей матушке, что совершенно позабыла о своей?

– В коридоре? – переспросила я, беря в руку телефон. Я точно помнила, что оставляла его в своей спальне. Оказаться где-то за ее пределами, он никак не мог. Это было странно.

– Да. Учти, что в интернете сидеть ты здесь не сможешь, – с сочувствием протянул он, – В этой глуши он почти не ловит. Это тоже стало одной из причин, почему некоторые сиделки уезжали, представляешь? Связь, кстати, здесь тоже ловит через раз. Советую предупредить об этом твою матушку, чтобы не переживала.

Я рассеянно кивнула, убирая устройство в карман.

– Она живет далеко от тебя?

– Что? – переспросила я. Мысли мои все еще были заняты телефоном.

– Твоя мама.

– Да, мои родители живут в другом городе. Я редко с ними вижу.

– Просто это странно, разве нет? Бросить все и приехать жить и работать сюда. Так может поступить только тот, кому некого и нечего терять.

Он говорил непринужденно и спокойно, но от его слов мне стало грустно.

– Ты расстроилась. Не обижайся, идем, покажу остальные комнаты.

Я молча кивнула и пошла за ним дальше по коридору.

– Моя спальня, в ней ты была. В следующей, матушкиной, тоже. Напротив моей – комната Рода. Хочешь, зайдем

к нему?

– Не стоит.

– Ну как хочешь. Хотя вряд ли он дома сейчас. Наверняка снова лазит где-то и возится с котятками.

Следующую дверь после комнаты Родерика он никак не прокомментировал, пройдя мимо.

– А это спальня Мара, – сообщил он, дойдя до конца коридора, – видишь, ничего сложного.

– А что это за дверь? Между комнатами Родерика и Марцелла.

– Ты в нее не сможешь зайти, она всегда заперта, – ответил Эмметт. Его лицо внезапно стало серьезным, даже мрачным, – человек, которому она принадлежала, давно мертв. Как и хозяин этой комнаты, – он указал на дверь напротив спальни Марцелла.

– Прости, я не знала, – смущенно выдавила я.

– В конце коридора есть дверь, ведущая на чердак, – продолжил он, проигнорировав мои слова, – но туда ты тоже не сможешь зайти. Тебе там нечего делать. Во все остальные комнаты можешь заходить.

Внезапно я услышала шаги за спиной. Обернувшись, я увидела старшего брата. Он дошел до двери в свою комнату, поравнявшись с нами, после чего безразлично посмотрел на Эмметта.

– Ты все никак не успокоишься?

– Я просто показал Алексе, где что находится в доме. Что

В этом плохого?

– Это без надобности. Она не задержится здесь надолго.

– Почему ты так в этом уверен?

Братья обменялись взглядами. Мне хотелось вмешаться в их диалог, и рассказать Марцеллу о состоянии Вивианн, но, помня, как он вчера запустил в меня тарелкой, я смиренно помалкивала.

– У меня нет времени на твои игры, – сказал старший брат, наконец. После чего повернулся ко мне, – Возвращайся к работе.

Я открыла рот, чтобы ответить, но Эмметт меня опередил:

– Матушка спит до сих пор. Видимо, вчера ты дал ей больше лекарства, чем нужно.

– В самый раз, – Марцелл снова посмотрел на меня, – раз тебе нечем заняться, я найду тебе другое дело.

Я растерянно кивнула, хотя мое согласие ему явно не требовалось.

– Увидимся за обедом, – шепнул мне Эмметт, после чего я поспешила вслед за Марцеллом к его комнате.

– А что мне нужно будет делать? – осторожно спросила я, остановившись на пороге.

– С сегодняшнего дня мать начнет принимать другое лекарство, – донесся его голос из-за двери. – Чтобы сделать его, нужно растолочь таблетку и смешать в определенных пропорциях с раствором. Я покажу, как это сделать. Будешь смешивать для нее самостоятельно.

– Эмметт сказал, у нее деменция, – нерешительно произнесла я.

– Если точнее, болезнь Пика.

Никакими пояснениями о том, что это, он меня не удостоил.

– Не слышала о такой.

– Это редкое заболевание. Разрушает центральную нервную систему. Чтобы стабилизировать ее состояние, я даю ей несколько видов нейрорептиков.

Его объяснение еще сильнее меня сбilo с толку. Но вдаваться дальше в расспросы я не решилась. Дверь открылась, и передо мной появилось его лицо.

– Зайди, – сказал он своим обычным равнодушным тоном.

Я подчинилась, молча шагнув в его спальню.

Она была намного более светлой, чем комната среднего брата. Стены, шторы и постель были спокойного зелено-коричневого цвета. Здесь было немного мебели, помимо кровати я увидела письменный стол с креслом, прикроватную тумбочку и небольшой комод. Комната больше походила на кабинет, чем на спальню.

– Подойди сюда, – сказал Марцелл. Его глаза безразлично наблюдали за мной, пока я осматривалась. У меня появилось странное неприятное ощущение. Стены этой светлой аккуратной комнаты стали давить на меня под его взглядом, и я ощутила себя мухой в захлопнувшейся ловушке. Едва поборов желание убежать, я медленно подошла к нему.

На письменном столе лежало несколько блистеров с белыми таблетками и стеклянные бутылочки с прозрачной жидкостью.

– Одну таблетку, – он распечатал блистер и бросил таблетку в небольшую керамическую ступку, стоящую рядом, – и пять миллилитров раствора, – прозрачная жидкость аккуратно заполнила мерный стаканчик, остановившись на отметке рядом с цифрой пять. После чего Марцелл добавил раствор в ступку, – и смешать.

Я рассеянно кивнула, наблюдая за его действиями. Он показал мне получившуюся субстанцию.

– Будешь давать это матери до еды, как и прежде.

Я снова кивнула.

– Расписание тоже немного изменим. Теперь без надобности ходить к ней четыре раза, достаточно трех. Утром, днем и вечером. Лекарство будешь ей давать утром, в десять, и вечером, в семь. Два раза.

Я смотрела на него растерянно.

– Что с ней случилось?.. Вчера все было в порядке, а сегодня она до сих пор спит...

– Ты понятия не имеешь, что с ней происходит, – ответил Марцелл. Его взгляд и голос оставались безразличными, но я буквально кожей почувствовала, что зря задала этот вопрос, – Твое дело – выполнять свою работу. И не спрашивать ни о чем.

– Но я ее сиделка, я беспокоюсь о ней, – осторожно ска-

зала я. Пару мгновений мы молча смотрели друг на друга. Его зеленые глаза были совершенно лишены эмоций, и, казалось, с трудом фокусировались на моем лице.

– Если ты будешь делать, что велено, с ней все будет хорошо, – сказал он, наконец.

Я замолчала, не желая дальше с ним спорить. Он сложил лекарства в коробку, и передал мне. Затем сел за письменный стол. Я неуверенно переминалась за его спиной, исподтишка рассматривая комнату.

Наконец он встал, вручив мне листок. Я опустила глаза, всматриваясь в его ровный почерк.

– Твое новое расписание, – пояснил он, – Тебе все ясно?

Я кивнула.

– Я могу идти?

– Да, – ответил он безразлично. Он принялся перебирать бумаги и совершенно потерял ко мне интерес. Я вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Глава 7.

Я отнесла коробку с лекарствами в свою спальню. Взглянув на часы, я увидела, что было почти два. Согласно новому расписанию, я не должна была больше приходить к Вивианн в десять вечера. Весь остальной уход, за исключением принятия лекарства, был прежним. Как и время посещения. Сверившись еще раз с листком, который дал мне Марцелл, я поспешила к Вивианн.

У меня все сильнее создавалось впечатление, что я была единственным человеком, который беспокоился о ее состоянии.

Она уже не спала, но выглядела намного хуже, чем обычно. Ее мутный пустой взгляд был направлен куда-то в стену.

– Вивианн, – прошептала я, подходя к ней. Она не реагировала на меня, словно не видя. Я мягко коснулась ее руки. Кожа ее была сухой и жесткой.

– Вам нужно поесть, – выдавила я, понимая, как глупо звучат мои слова. Глядя на нее, я сомневалась, слышит ли она, что я говорю, и понимает ли, что я здесь. Я вспомнила слова Эмметта о деменции. Сейчас она действительно походила на очень старую слабую женщину, вся жизнь которой превратилась в ожидание смерти. Хотя можно ли это назвать жизнью?

Я сидела на краю ее постели, держа в руках ее тонкую ис-

сушенную ладонь. К горлу подступил комок. Она смотрела куда-то мимо моего лица, в ее пустом взгляде не было никаких эмоций.

– Прошу вас, держитесь. Вы сильная... Не сдавайтесь, – я сильнее сжала ее руку. На мгновение мне показалось, что пелена с ее глаз спадет, и она снова посмотрит на меня своим презрительным гордым взглядом. Но этого не произошло. Я вздохнула, поднимаясь на ноги.

Горничная снова оставила для нее еду на тумбочке. На этот раз, это был какой-то бульон в чашке. Я горько усмехнулась, со злостью подумав, что Марцелл успел позаботиться и об этом. Подавив в себе желание вылить содержимое миски в раковину, я усадила Вивианн и поднесла ложку к ее рту.

Она не сопротивлялась, и весь бульон беспрепятственно переключал ей в горло.

Закончив, я посмотрела на часы. У меня еще было время до обеда, но мне не хотелось оставаться в ее комнате. Мне было больно видеть ее такой, пусть я и провела в этом доме всего несколько дней.

– Я пойду, Вивианн. Увидимся вечером, – я взглянула в ее безжизненные глаза и вышла из спальни.

Я не понимала, что с ней происходит.

– Деменция... Болезнь Пика, – прошептала я, припоминая разговор с братьями.

Спустившись на первый этаж, я остановилась. Сбоку от меня была дверь в библиотеку. Эмметт разрешил мне при-

ходить туда и читать, значит, я могла бы поискать информацию о заболевании Вивианн.

Я толкнула дверь и осторожно вошла. Почему-то мне не хотелось, чтобы кто-то из братьев видел меня здесь. Я принялась ходить вдоль полок, вглядываясь в корешки книг.

Я довольно быстро обнаружила издания медицинской тематики. Под них была выделена целая полка.

– «Большой справочник фельдшера», «Энциклопедия глазных болезней», «Хирургия. Том 1», – читала я названия. Вытащив одну из книг, я принялась листать оглавление. Мое сердце взволнованно екнуло, когда я нашла нужную главу.

– «... Болезнь Пика развивается у людей старше 60 лет... для нее характерны поведенческие и речевые признаки нарушения работы центральной нервной системы. Среди основных симптомов выделяют: агрессивность, сменяющуюся пассивным поведением, грубость, забывчивость, нарушение речи... Заболевание быстро прогрессирует, приводя к полному распаду личности...»

Внутри у меня все сжималось, пока я читала. Все описанное соответствовало тому, как вела себя Вивианн, но у меня все равно оставалось ощущение, что что-то не сходится.

Я снова и снова пробегала глазами строки с описанием болезни.

– Наверное, я просто отказываюсь в это верить. Эмметт прав, как я могу судить о том, что в голове у другого, если не понимаю даже себя.

Я захлопнула книгу, и вернула на полку. Я собралась уже выйти, как мое внимание привлекло название одного издания. «Ритуальная магия. Практические жертвы на крови». По моей спине побежали мурашки. Я протянула руку и вытащила книгу с полки. Полистав ее, я обнаружила, что она полна описаний странных древних ритуалов. Мое сердце пропустило удар, когда я увидела рукописный текст рядом с печатными буквами. Я могла поклясться, что слова были написаны рукой Марцелла.

– «Жертвенная кровь родственницы», – гласили аккуратные ровные буквы.

Я совершенно не хотела вникать в это. Быстро захлопнув книгу, я втиснула ее на полку. Из-за двери до меня донеслись чьи-то шаги. Я замерла, прислушиваясь. Кажется, кто-то из братьев прошел в столовую. Мне тоже пора было туда отправиться. Подождав, пока шаги стихнут, я выскользнула за дверь и столкнулась лицом к лицу с Родериком.

– Алекса.., – он чуть склонил голову, глядя на меня. К груди он прижимал котенка, – Ты выглядишь растерянной.

– Извини, просто я не ожидала...

– Я напугал тебя?

– Нет, – я скосила глаза на серый комочек в его руках. Котенок вцепился тоненькими коготками в жилетку своего покровителя и смотрел на меня круглыми глазками, – Ты решил взять тех котят в поместье?

– Да, чтобы играть с ними в любое время, – на его лице

появилась странная улыбка. Я тоже улыбнулась.

– Ладно, идем в столовую? Правда Марцеллу наверное не понравится, что ты принес туда котенка.

Когда мы вошли, Эмметт уже сидел за столом. Одного взгляда на него мне хватило, чтобы понять – он снова был не в духе. Одной рукой он подпирал голову, второй крутил по столу вилку. Когда я подошла ближе, он бросил на меня короткий холодный взгляд.

Родерика ничуть не смутило плохое настроение брата. Он усадил котенка прямо на стол, и тот сразу же принялся обнюхивать стоящие рядом блюда с едой.

Я опустилась на свое место, и поспешно придвинула к себе тарелку с тушеным мясом, пока туда еще не успела залезть усатая мордочка.

Я была голодна, и с аппетитом принялась за еду. Родерик тоже наполнил свою тарелку, спокойно наблюдая за котенком. Тот уже прошел на середину стола и вцепился в кусок фаршированной индейки.

Эмметт совсем ничего не ел. Посуда перед ним оставалась пустой. Я подняла на него глаза, и увидела, что он внимательно и напряженно в меня всматривается. Я с трудом проглотила кусок, чувствуя нарастающее беспокойство.

– Тебе у нас нравится, Алекса? – спросил он, наконец.

– Э.. ну да, конечно, – растерянно ответила я.

Он не успел больше ничего сказать, потому что дверь столовой распахнулась, и в комнату вошел Марцелл.

– Убери, – безразличным тоном приказал он Родерику. Тот послушно сдернул котенка со стола.

– Я поеду в город, – сказал Эмметт, – Мне скучно.

– Поступай, как знаешь, – Марцелл наполнил свою тарелку и исчез за книгой. Я попыталась рассмотреть название на корешке, но он держал ее так, что мне не удалось это сделать.

– Вернусь завтра. Может быть, – средний брат поднялся из-за стола. Я заерзала на стуле. Мне тоже нужно было в город, чтобы забрать свои вещи из дома, и он мог взять меня с собой. Но помня о том, как резко может реагировать Марцелл, я боялась просить об этом.

Я нерешительно посмотрела на Эмметта. Тот поймал мой взгляд, и к моему изумлению, сразу же повеселел.

– Не грусти, Алекса, – с улыбкой сказал он, – Я приеду назад совсем скоро. Но мне приятно, что ты уже скучаешь по мне.

– Нет, я не... – начала я, но он подмигнул мне, и, хихикая, скрылся за дверью.

Его постоянные издевательства начинали меня выводить. Я перевела дыхание, и сердито уставилась в тарелку.

После обеда я вернулась в свою комнату. У меня было много свободного времени, и я принялась бесцельно мерять шагами спальню, думая, чем заняться. Мой взгляд упал на коробку, которую дал мне Марцелл.

– Смешаю пока лекарства для Вивианн, – решила я, извлекая содержимое. Письменного стола в моей комнате не

было, поэтому я принялась дробить таблетки на комод. Намешав достаточную порцию на несколько дней, я затолкала коробку с остатками в шкаф. Бутылочка с готовым лекарством отправилась в мой карман, и тут же ударилась там обо что-то твердое.

Я рассеянно извлекла свой телефон. Со всеми хлопотами я снова совершенно о нем забыла. Индикатор на экране показывал отсутствие сигнала. Я вздохнула и убрала устройство в карман.

Выйдя из комнаты, я решила вновь отправиться в библиотеку. Спустившись в холл, я увидела там Родерика. Он сидел на корточках спиной ко мне, и перед ним вились его пушистые подопечные. Услышав шаги, он обернулся.

– Ты пришла посмотреть на котят? – спросил он.

– Вообще-то нет, я шла в библиотеку.

– Побудь со мной, – он отвернулся, вновь склонившись к котяткам.

Я подошла к нему и присела рядом. Котятки терлись о его брюки, как и тогда, в заброшенном доме. Когда он протягивал к ним руку, они оба тут же подставляли головы, в ожидании что он их погладит.

– Они привязались к тебе, – сказала я, рассеянно наблюдая за происходящим.

Родерик погладил одного котенка. Тот довольно мурчал, щуря глазки. Тонкие пальцы перебирали серую шерстку. Я расслабилась, глядя на эту умиротворяющую картину. Сев

удобней, я случайно придвинулась ближе, и мое плечо коснулось плеча Родерика.

Он опрокинул котенка на спину, и слегка надавил пальцами на его шею. Пушистый малыш растерянно смотрел на своего покровителя, недоумевая, почему прежде ласковая рука причиняет ему боль. Из его горла вырвался слабый писк.

Едва я открыла рот, чтобы спросить Родерика, что он делает, как он повернулся ко мне.

– Они милые, – его глаза пробежали по моему лицу. Внезапно он протянул руку и коснулся моих волос. Я замерла от неожиданности и изумления.

– Тебе нравится? – он гладил пальцами прядь, наблюдая за моей реакцией, – нравится, когда я так делаю?

Пару мгновений я молча смотрела ему в глаза. Наконец, придя в себя, я осторожно отодвинулась от него.

– Родерик, – нервно сглотнув, начала я, – не надо так делать.

– Почему? – он разочарованно выпустил мои волосы.

– Это неправильно. Просто не делай так больше, – я поднялась на ноги.

– Ты хочешь, чтобы я играл только с ними? – кивком головы он указал на котят.

– Да.

– Тогда, я сделаю так, – он схватил одного котенка за шкурку. Малыш, привыкший к его ласке, доверчиво смот-

рел на парня.

– Что ... Родерик, что ты делаешь? – я отступила на шаг, глядя на него испуганно. Происходящее нравилось мне все меньше, и я едва сдерживалась, чтобы не броситься прочь.

– Иди ко мне и дай погладить твои волосы. Они такие красивые, длинные. Или я обижу его, – он встряхнул котенка, от чего тот протяжно пискнул.

Я растерянно смотрела на него. Он наблюдал за мной исподлобья со странным выражением на лице.

– Нет, – я повернулась и побежала по лестнице. Но не успела я сделать и нескольких шагов, как он догнал меня и схватил за руку.

– Почему ты убегаешь? – его милостивое личико исказилось от злости, в голосе звучало разочарование. Выглядел он по-настоящему пугающе. Его тонкие пальцы намертво вцепились мне в запястье, – я ведь тебе еще ничего не сделал.

Мне стало страшно.

– Родерик, – сказала я тихо. Голос меня плохо слушался, а сердце стучало так, что эхом отдавалось где-то в ушах, – отпусти меня, пожалуйста.

– Я думал, что тебе нравится со мной играть, – его большие синие глаза смотрели на меня со злостью. Он стоял так близко, что я видела в них свое отражение, – так значит... я тебе не нравлюсь?

Мне хотелось убежать. На втором этаже, прямо над нами, я услышала шаги. Мое сердце екнуло, я оттолкнула Родери-

ка, с трудом высвободила руку и бросилась наверх. Поднявшись, я увидела спину Марцелла, исчезающую в конце коридора.

Не раздумывая, я бросилась за ним. Рванув на себя дверь дрожащими от страха руками, я увидела небольшую комнату, и лестницу, ведущую наверх.

– Чердак, – мелькнуло у меня в голове, и я вспомнила, что Эмметт упоминал это место.

Я начала осторожно взбираться по шатким деревянным ступенькам. Они были старыми и ветхими, и я опасалась, как бы они не провалились под моими ногами.

Добравшись до верха, я увидела дверь. Помявшись некоторое время, я взялась за ручку и потянула на себя.

– Что ты здесь забыла? – передо мной возникло непроницаемое лицо Марцелла.

– Я... Прости, Родерик напугал меня, и...

– Разве Эмметт не говорил, что тебе нельзя здесь находиться? – он перешагнул через порог, плотно закрыв за собой дверь, в которую я пыталась ворваться. Мои слова остались совершенно незамеченными.

Я растерянно смотрела на него. Мне пришлось спуститься на несколько ступенек ниже, и теперь он грозно возвышался надо мной.

– Родерик схватил меня за руку... когда я попыталась убежать. Он вел себя странно, – пролепетала я, чувствуя, как нелепо и глупо звучат мои слова.

– И ты решила, что можешь войти в ту часть дома, в которую тебе запрещено?

Его глаза смотрели на меня безразлично. В этот момент я отчетливо вспомнила, как он швырнул в меня тарелку вчера. И поняла, что он мне не поможет. Было глупо искать у него защиты. Я опустила глаза.

– Нет. Прости.

– Впредь сама решай свои проблемы, не впутывая в это меня. Мне нет дела, что с тобой сделает Родерик. Главное, чтобы ты была в состоянии выполнять работу и не лезть куда запрещено.

Я сжала кулаки. Больше всего мне хотелось послать его и всех братьев к черту, но острая нужда в деньгах заставила меня промолчать. Память услужливо нарисовала мне бесчисленные собеседования, на которых мне отказали за последнее время.

– Я поняла, – сказала я, глядя в пол.

– А теперь уходи. И забудь сюда дорогу.

Я молча кивнула и побрела прочь. Уже дойдя до нижней ступеньки, я отчетливо услышала, как он сказал: «Хорошая девочка», прежде чем скрыться за дверью.

Оставшееся время до посещения Вивианн я провела в своей комнате, обдумывая произошедшее. В принципе Родерик не сделал мне ничего плохого, а к грубости Марцелла я успела привыкнуть.

Решив, что буду вести себя осторожней с братьями, я по-

смотрела на часы, и вышла из спальни.

Глава 8.

Вивианн лежала на кровати, безразлично глядя в потолок. Ее карие глаза казались стеклянными. В новом расписании Марцелл подчеркнул, что сначала я должна буду искупать ее, а после дать лекарство и покормить.

Я пересадил ее в кресло и покатила в ванную. Голова Вивианн безвольно дергалась, пока я везла ее.

Я набрала воду и с трудом усадила ее туда. Ее тонкая рука свесилась за край ванны.

– Вивианн, – прошептала я, пытаюсь отдышаться. Она совсем не шевелилась, и у меня возникло ощущение, будто я вожусь не с живым человеком, а с большой тяжелой куклой.

С усилием разогнув спину, я постояла некоторое время, глядя в окно.

– У вас болезнь Пика, Вивианн. Я знаю, что это такое, я прочитала об этом в библиотеке сегодня, – сказала я. Вряд ли она меня понимала, но я верила, что в ней еще теплится частичка разума, – Ваши сыновья считают, что вы умираете. Но я так не думаю. Вы можете быть очень упорной и сильной. И я уверена, что вы понимали все, что я говорю. Так что, за один день все изменилось? Я не верю в это.

Ее белая рука слегка дернулась. Она с усилием, медленно повернула голову и посмотрела на меня. Взгляд ее с трудом сфокусировался на моем лице.

– Вивианн, – я наклонилась к ней.

Лишь на мгновение в ее карих глазах что-то мелькнуло, после чего они снова стали стеклянными и пустыми. Мое сердце дрогнуло от этого. Я отвернулась, взяла в руки бутылочку с мылом и мочалку и принялась за работу.

Искупав ее, я покатила коляску обратно в спальню. Оставалось дать ей лекарство и покормить.

Я взяла с тумбочки ложку и наполнила ее из пузырька. Когда я приблизилась к ней, она вновь перевела на меня взгляд. Мне показалось, что она начнет упрямиться, и не захочет пить лекарство, но я ошиблась. Жидкость беспрепятственно перекечевала ей в горло. Видимо, она была слишком слаба, чтобы бороться со мной.

Следом за лекарством она выпила бульон.

– Теперь отдыхайте, – я оставила пустую миску, – увидимся завтра, Вивианн.

Я нарочно опоздала к ужину, чтобы не оставаться в столовой наедине с Родериком. Когда я зашла, оба брата сидели за столом. Никто из них не обратил на меня внимания, и я с облегчением опустилась на свое место.

В молчании мы провели трапезу, после чего Марцелл поднялся на ноги и вышел. Мы с Родериком остались вдвоем. Я скосила на него глаза, но он вел себя как обычно. Он медленно ел, задумчиво ковыряя вилкой в тарелке. Его глаза печально скользили по столу, по стенам, по моему лицу. Мне стало неловко за мое резкое поведение.

«Наверное, я слишком близко все принимаю к сердцу», – подумала я, рассматривая его. Он выглядел по-детски хрупким и трогательным, и казался еще печальнее, чем обычно. Меня начали терзать угрызения совести.

– Родерик, – начала я нерешительно. Он не смотрел на меня, продолжая грустно разглядывать свою тарелку. Его брови слегка нахмурились, – Я хотела извиниться. Я, наверное, отреагировала слишком резко. Прости меня.

– Уже не в первый раз ты извиняешься, – ответил он, немного помолчав. Он не отвечал так долго, что я решила, будто он вообще не хочет разговаривать со мной.

– Ну... ты повел себя грубо, – осторожно сказала я. Он перевел на меня взгляд.

– Незачем просить прощения. Если ты так ведешь себя, мы не сможем общаться.

Я растерялась. Он встал из-за стола и пошел прочь. Я молча сидела, сбита с толку, глядя перед собой. У двери он остановился.

– Ты не милая, Алекса. Я больше не хочу с тобой играть, – сказал он, – ты такая же, как и все другие.

Он ушел, оставив меня наедине с моими мыслями. Я уныло покрутила вилку в пальцах, и тоже поднялась на ноги.

Мне не хотелось идти в спальню, и я побрела в библиотеку. Было еще рано ложиться спать, и я могла скоротать время за какой-нибудь книгой. Я подумала даже о том, чтобы написать очередную историю, но почему-то находясь в этом до-

ме, мне совсем не хотелось этого делать. Все происходящее здесь было каким-то странным. Моя реальная жизнь стала близка к тем непонятным пугающим вещам, о которых я обычно пишу.

Я внимательно осмотрела стеллажи. Мой взгляд упал на «Алису в Стране Чудес». Я вытащила книгу с полки. Обложка была очень старой и, открыв издание, я с удивлением обнаружила 1866 год в качестве даты публикации.

Получается, в моих руках была настоящая реликвия. Я опустилась в кресло, положив книгу перед собой на стол, и погрузилась в чтение.

Время пролетело незаметно. Глаза мои начали слипаться от сонливости, но я продолжала с интересом следить за сюжетом произведения.

Сдавленный тихий крик вернул меня к действительности. Я подняла голову и осмотрелась, пытаюсь понять, что происходит. Вокруг было темно, и я не сразу сообразила, что заснула в библиотеке за чтением.

Я наощупь закрыла книгу и хотела подняться на ноги, как вновь услышала крик, теперь уже совсем рядом. Я замерла, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

Крик повторился, сопровождаемый сдавленным стоном и всхлипами. У меня создалось ощущение, что кого-то пытаются прямо в холле. В следующий момент с новой волной ужаса, я поняла, что узнаю этот голос.

«Дэйна... Это точно она», – подумала я, испуганно при-

слушиваясь.

За дверью раздался глухой звук удара, и мерзкий хруст, после чего последовал новый крик.

Я зажала уши руками, чтобы не слышать этого. У меня закружилась голова. Мне хотелось, чтобы это прекратилось, но я была настолько напугана, что не могла сдвинуться с места.

Через некоторое время я поняла, что стало тихо. Я внимательно вслушивалась, но кроме звука собственного сердцебиения, не слышала ничего. Осторожно выбравшись из кресла, я на непослушных ногах добралась до двери. В холле никого не было.

«Мне же не могло это присниться...»

Я поднялась на второй этаж, стараясь ступать как можно тише. Платье неприятно липло к спине, меня била мелкая дрожь. Добравшись до своей спальни, я скользнула внутрь. Щелкнула ключом, облегченно переводя дыхание.

Я сбросила одежду и упала на кровать. Меня все еще колотила дрожь, после произошедшего. Постепенно мое тело расслабилось и мне удалось заснуть.

Проснувшись по будильнику, я сразу вспомнила о том, что было ночью. Я быстро освежилась в душе и нацепила платье, после чего уселась на постель. Было уже девять тридцать утра, мне было пора идти на завтрак, но я нарочно осталась в спальне. Сегодня я твердо решила выяснить, что происходит.

Через несколько минут в комнате появилась Дэйна. Уви-

дев ее, я почувствовала, как внутри у меня что-то оборвалось.

Все ее лицо и руки были покрыты синяками и глубокими порезами. Одна рука, как и вчера, была туго перемотана. Второй она с трудом держала корзинку.

Она замерла, увидев меня. Я ужаснулась, как сильно изуродовано ее милое прежде лицо. Один глаз заплыл в огромном фиолетовом пятне, а нос был перекошен. Пару мгновений мы смотрели друг на друга, после чего она низко опустила голову, словно стыдясь своего вида, и прошла в ванную комнату. Несколько секунд я осмысливала увиденное, после чего двинулась следом.

– Что происходит? Кто это с тобой сделал? – спросила я, подходя к ней.

Она молча вытащила из корзинки несколько бутылочек с мылом и поставила на мою полку.

– Дэйна, – тихо сказала я, – Что здесь происходит? Пожалуйста, скажи мне. Я хочу тебе помочь.

Она бросила на меня быстрый полный отвращения взгляд, и направилась в спальню. Я преградила ей путь.

– Это кто-то из них? Марцелл? Или Родерик? – спросила я, глядя на нее сверху вниз. Она молча стояла передо мной, опустив голову, – Прошу тебя, Дэйна, не молчи! Скажи мне, что происходит? Почему ты это терпишь? Я не понимаю...

– Вас тоже ожидает подобное, мисс, – ответила она, наконец. В ее тоненьком голоске звучало злорадство.

– О чем ты говоришь? – я нахмурилась.

– Отсюда нет выхода, – она подняла на меня полные боли глаза. Я увидела в них искорки отчаяния.

– Что?... Они тебя бьют? Но за что?.. И почему ты просто не уволишься. Я не понимаю.

– Скоро вы сами все поймете.

– Подожди, позволь мне помочь тебе... Скажи мне...

– Мне без нужды ваша жалость, мисс, – отрезала она, – вас ждет тоже самое, даже похуже. Мне недолго осталось мучиться, а вы здесь останетесь умирать.

Она скользнула мимо меня в спальню. Я осталась в ванной, обдумывая ее слова. Что все это значит? Мой мозг лихорадочно соображал, отказываясь верить в происходящее. Наконец, горничная ушла, закрыв за собой дверь. Я бросила взгляд на наручные часы. Почти десять. Мне было пора идти к Вивианн.

Я добрела до ее спальни и толкнула дверь. Она лежала на кровати, безразлично глядя в стену. Я подошла к ней, вглядываясь в ее лицо.

– Вивианн, что же такое происходит в вашем доме? – прошептала я, – Я не понимаю ничего.

Она не обратила на меня внимания. Я дала ей лекарство и бульон, после чего пошла к шкафу. Из моей головы не выходили слова Дэйны. Я постаралась направить мысли в другое русло, распахнула шкаф и вытащила одежду для прогулки. Переодев Вивианн, я усадила ее в кресло, и покатила на

улицу.

Погода была хорошая, и я с удовольствием вдохнула утренний свежий воздух. Внезапно я почувствовала вибрацию в своем кармане. Быстро выхватив телефон, я нажала кнопку «Принять вызов».

– Мама, привет, – сказала я в трубку.

Ответа не последовало. На экране снова горел индикатор «Нет связи». Я выругалась и принялась бродить перед домом, в надежде поймать сигнал. Зайдя за угол поместья, я услышала голоса. Осторожно выглянув, я увидела две фигуры. Эмметт стоял ко мне спиной, и что-то говорил девушке перед собой. Она выглядела испуганной и заинтересованной одновременно. Он сделал к ней шаг, и принялся что-то шептать на ухо. Рука его погрузилась в ее волосы. Девушка вздрогнула, лицо ее было обеспокоенным. Я заметила, что одежда ее была очень старой и поношенной. У нее было красивое лицо и рыжеватые волосы. Кожа ее была немного смуглой, как у Марцелла.

Я с интересом наблюдала за происходящим. Одна рука Эмметта продолжала гладить девушку по голове, а вторая обвилась вокруг талии. В один момент я увидела, как его губы касаются ее шеи. Она дернулась, явно намереваясь вырваться, но он только крепче прижал ее к себе, продолжая покрывать поцелуями кожу. Ее растерянный взгляд внезапно остановился на мне.

Это словно вывело ее из транса, она испуганно встрепе-

нулась, и бросилась в мою сторону. Я невольно сделала шаг назад. Она пробежала мимо, нервно посмотрев на меня, и скрылась за оградой.

Телефон в моей руке снова начал вибрировать.

– Алекса, – голубые глаза Эмметта горели, пока он шел ко мне. На губах играла странная улыбка, – Ты спугнула мою добычу.

– Прости, – растерянно пробормотала я, – я не хотела вам мешать. Я искала...

– Значит, ты займешь ее место, – он подошел ближе. Я замолчала, с непониманием глядя на него.

– Мне не нужны проблемы, – осторожно сказала я.

– Но, кажется, ты их нашла. Ах, – он провел пальцами по моей щеке, – как жаль, что я не могу тебя трогать. Пока что. Он засмеялся. По моей спине побежала дрожь.

– Что такое? – он склонился к моему лицу, – Ты даже не будешь убегать?

Я молчала, нервно глядя на него. Щеки мои пылали жаром.

– Мне некуда бежать, – выдавила я.

Он схватился за мое лицо двумя руками, притягивая к себе. Его голубые глаза светились от восторга.

– Надо же, ты сообразительная. Хотя мне нравится играть в догонялки. Я не прочь поохотиться еще раз, – он хищно улыбнулся.

Я вспомнила изуродованное лицо Дэйны. И ее слова, о

том, что я останусь здесь и умру. Глядя в его холодные глаза, я начала верить в это.

– Мар сделал мне замечание, – сказал он внезапно, отстраняясь, – О том, что ты полезла на чердак. Хотя я предупредил, что туда нельзя.

– И что же там находится? Вы прячете там трупы? – с сарказмом спросила я.

Он улыбнулся, глядя на меня весело.

– Ты такая любопытная, Алекса, везде все вынюхаешь, – он легонько щелкнул меня пальцем по носу, – Вот иди и проверь, что там.

– Мне же туда нельзя.

Он быстро осмотрелся и потянул меня за руку. Я побрела следом, пытаясь понять, что он задумал. Мне стало не по себе.

Мы вошли в поместье и поднялись на второй этаж. Он довел меня до двери своей спальни.

– Я не пойду туда, – я сделала шаг назад.

– Не бойся, я тебя не трону. Обещаю, – он приобнял меня за плечи, увлекая за собой в комнату. Понимая, что сопротивляться бесполезно, я стиснула зубы и вошла.

Он закрыл дверь, и привалился к ней спиной. Я прошла вглубь комнаты, искоса на него глядя.

– Ну и зачем мы здесь? – осторожно поинтересовалась я.

Он молча рассматривал меня, словно обдумывая что-то. Затем направился в мою сторону.

– Я так устал. Потратил столько времени и сил, чтобы восстановить энергию. А ты все испортила, – он начал расстегивать рубашку, неторопливо нарезая вокруг меня круги. Я уже знала, что он получает удовольствие от моего смущения и страха, и потому старалась придать лицу безразличное выражение, – Что мне теперь делать, Алекса?

– Я не хотела. Я больше не буду мешать твоим... играм.

– Ты даже не представляешь, что это за игры, – его холодные глаза заглянули мне в лицо, после чего он подошел к тумбочке. Он извлек откуда-то из ее недр длинный старый ключ, и протянул мне.

– Что это? – спросила я, рассматривая предмет. Ключ был покрыт ржавчиной в нескольких местах.

– Ты же хочешь узнать больше, да? – игриво прошептал он мне на ухо, – Можешь считать, что я дал тебе такой шанс.

– Им давно никто не пользовался, он весь ржавый, – я посмотрела на Эмметта холодно, – Это ключ от твоего сердца?

Он снова захихикал.

– Мне нравится твое чувство юмора. Но это, – он кивком указал на ключ, – будет наш маленький секрет. Хорошо?

– Это ловушка? Зачем мне идти на чердак? Вдруг там что-то опасное, – я всматривалась в его лицо, пытаюсь понять, что за игры он ведет.

– Тебе решать. Я просто дал его тебе. Убийца не тот, кто кует кинжалы, а тот, кто ими пользуется.

Я рассматривала его лицо еще некоторое время, после че-

го сунула ключ в карман.

– Мне пора возвращаться к работе, – я вышла из его спальни.

Проходя по коридору, я услышала писк и шипение из-за приоткрытой двери гостиной. Замерев на мгновение возле нее, я услышала голос Родерика:

– Ты совсем не милый. Ты тоже меня разочаровываешь?

Затем раздался жалобный протяжный плач одного из серых котят. У меня внутри все похолодело. Я поспешила прочь, быстро спустившись по лестнице.

– Вивианн? – позвала я, подходя к ее креслу. Она снова спала, голова ее была откинута назад. Я посмотрела на нее грустно, и покатила коляску обратно в спальню. Там с трудом я перетащила ее на кровать. К моему удивлению, она продолжала спать, хотя я была уверена, что мои неуклюжие потуги должны были ее разбудить.

«Наверняка это из-за лекарства», – подумала я, всматриваясь в ее лицо.

Мой желудок напомнил о себе голодным спазмом. Я сверилась с часами, и побрела в столовую.

Там никого не оказалось. Я рассеянно остановилась перед пустым столом, и нерешительно направилась в сторону кухни.

– Простите, – осторожно позвала я, заглянув в комнату. Передо мной возник повар. Он смерил меня взглядом, после чего неторопливо побрел к столу, на котором лежал большой

кусок сырого мяса. Решительно повернувшись ко мне спиной, он принялся нарезать его.

Я растерялась.

– Э... я не хочу вас отвлекать, – пробормотала я, – я опоздала на завтрак. Можно мне что-нибудь поесть?

Он игнорировал меня, продолжая орудовать ножом.

Мне не хватило наглости пройти мимо него и самостоятельно залезть в холодильник. Посверлив его затылок недовольным взглядом, я вышла из кухни.

Поднявшись на второй этаж, я направилась в свою комнату. Мне не хотелось просить никого из братьев о помощи, все они вели себя странно по отношению ко мне. Пытаясь игнорировать голодные судороги в животе, я подошла к двери своей спальни.

– Эй, Алекса, ты уже поела? – из комнаты досуга выглянул Эмметт, – Давай сыграем в карты?

– Нет, повар не дал мне еды, – хмуро отозвалась я.

– Вот как, – глаза среднего брата насмешливо блестели, – Значит, ты не так уж и голодна?

Из гостиной снова донесся жалобный кошачий плач. Я посмотрела на Эмметта. Он продолжал рассматривать мое лицо с улыбкой.

– Что он делает?

– Кто? – Эмметт изогнул бровь.

– Твой брат. С тем котенком, – ответила я, начиная терять терпение.

– Почему ты задаешь этот вопрос мне? Спроси у него сама.

– Он отказывается со мной общаться. Говорит, что я не милая.

– Вот как? В таком случае, можешь его не спрашивать. Скоро испытаешь все это на себе, – сказал он, посмеиваясь. Я пропустила его насмешки мимо ушей.

– Пожалуйста, Эмметт. Я очень голодна. Ты не мог бы попросить повара...

– Снова я? Алекса, мне кажется, тебе самой нужно чаще общаться с людьми. Ты же писатель. А когда поешь, возвращайся – поиграем в карты, – он улыбнулся и скрылся за дверью.

Я сжала руки в кулаки.

– Прекрасно, – спустившись на первый этаж, я снова направилась к кухне.

Помедлив пару секунд, я дернула дверную ручку. Повар бросил на меня высокомерный взгляд и снова отвернулся. Я прошла к холодильнику и открыла его. Я ожидала, что на меня обрушится недовольство и повар выдворит меня из кухни. Но он просто стоял, оскорбленно поджав губы, и нарезал овощи.

Я извлекла из холодильника тарелку с сэндвичами и кувшин с молоком. Распахнув дверцу буфета, я достала стакан.

– Большое спасибо, – сказала я, выходя из кухни. Повар продолжал шинковать ингредиенты, старательно меня игно-

рируя.

Глава 9.

Расположившись в столовой, я с жадностью набросилась на еду. Хлеб с курицей и огурцами казался мне невероятно вкусным. Внезапно дверь открылась, и в столовой появился Родерик. В одной руке он держал миску с виноградом, а в другой – большой нож. Я удивилась этому странному сочетанию. Поставив на стол тарелку, он повернулся ко мне:

– Ты снова не пришла на завтрак. Почему?

– Я думала, ты больше не хочешь со мной общаться, – сухо отозвалась я.

– Ты меня разочаровываешь, – он задумчиво посмотрел на нож в своей руке, затем поднял глаза на меня. На его бледном милом личике читалась грусть, – Ты не хочешь быть ласковой со мной, Алекса?

– Что? Родерик, ты.... А-а-а!..

Он взмахнул ножом, так резко, что я не успела среагировать. Сэндвич вылетел из моей руки.

– Что ты творишь? – ужаснулась я, глядя на тонкую полоску крови, выступившую на руке.

– Я тебе не нравлюсь? – спросил он.

Я вскочила на ноги. Он печально рассматривал меня, водя пальцами по лезвию.

– Ты больше не хочешь со мной играть, Алекса? – протянул он нежно. Я смотрела на него шокировано. Его невинная

милая внешность меня обманула, скрыв ужасающую сущность. Тот, кого я принимала за наивного ребенка, оказался садистом и психопатом. Я заметила несколько небольших пятен крови на его правом рукаве, и по моей спине побежал холодок.

– Отпусти меня, – звенящим от страха голосом попросила я.

– Как жаль, – он снова взмахнул ножом, я едва успела выставить вперед руку. Боль обожгла мое запястье.

– Что ты делаешь, ненормальный? – я бросилась прочь, в надежде убежать от него. Но это было ошибкой. Я почувствовала толчок в спину и упала на пол.

– Ты разочаровываешь меня, Алекса. А ты ведь так мне понравилась.

Он присел на корточки передо мной. Его глаза смотрели на меня с привычной печалью.

Пульсирующая боль и паника мешали мне думать. В голове была только одна мысль – сбежать. Но я понимала, что чем больше я сейчас буду противиться ему, тем хуже. С трудом взяв себя в руки, я подняла на него глаза.

– Ты мне тоже, – прошептала я.

Он смотрел на меня, и я заставила себя не отводить взгляда от его лица.

– Ты убежала от меня.

– Я больше не буду убегать. Я... я хочу играть с тобой.

– Я не верю тебе.

– Постой, – я вскинула ладонь, увидев, что он снова хочет меня ударить, – помнишь, как мы ходили в заброшенный дом? Мне было весело с тобой. А потом ты взял меня за руку, и мы шли вместе.

Он поднялся на ноги, пока я говорила, и взял со стола тарелку с виноградом. Оторвав одну ягоду, он сунул ее мне в рот.

– Я хочу потрогать твои красивые волосы, – прошептал он, нежно глядя на меня. Я нервно кивнула, чувствуя, как к горлу подступает комок.

Он придвинулся ближе, подцепив прядь. Мои волосы струились между его пальцев.

– Тебе нравится?

Я снова кивнула. Свободной рукой он сунул мне в рот еще одну ягоду.

«Пожалуйста, пусть это быстрее закончится», – думала я, наблюдая, как он наматывает мои волосы на палец.

– Ты милая. Будь всегда такой со мной, хорошо?

Я почувствовала, как по моей щеке течет слеза.

– Да.

Он ласкал пальцами мои волосы и кормил меня виноградом. Наконец, наигравшись, он поднялся на ноги.

– Увидимся позже, Алекса, – он бросил на меня томный взгляд, и вышел в коридор. Я с трудом поднялась на ноги, которые предательски дрожали.

Мое сознание до сих пор не могло поверить в произошед-

шее. Порезанные руки болели.

Я снова вспомнила утренний разговор с Дэйной. Мне хотелось бежать, прямо сейчас, как можно дальше отсюда. Я вытащила дрожащей рукой телефон из кармана. «Нет Связи».

Пошатываясь, я вышла на улицу. Поймав сигнал, набрала номер мамы. Мне не хотелось ее пугать, рассказывая о том, что со мной творится. Она жила очень далеко отсюда, и ничем не смогла бы мне помочь.

– Мама, – протянула я, когда она взяла трубку. Я почувствовала, как глаза мои защипало внутри, и едва сдержалась, чтобы не расплакаться. Мне хотелось рассказать ей обо всех тех ужасах, с которыми я столкнулась, но я не могла. Я ощутила себя беспомощной и одинокой в этот момент.

Мы немного поговорили, я рассказала, что у меня новая работа.

– Да, у меня все хорошо, – жизнерадостным голосом сказала я в трубку. Мне хотелось кричать от отчаяния и от собственной лжи. – Только здесь плохо ловит связь, и у меня много хлопот. Мы не сможем часто общаться. Но я здесь ненадолго. Я позвоню тебе снова, как освобожусь, ладно?

Мамин голос из динамиков телефона подействовал на меня успокаивающе. Поговорив с ней, я почувствовала себя лучше. Я бросила взгляд на горизонт.

Вдали маячили холмы и деревья, кое-где виднелись силуэты заброшенных старинных домов.

Постояв немного, я вернулась в поместье. Мне пора было кормить Вивианн.

Еще раз сверившись с часами, я побрела в ее спальню. Она снова спала, лицо ее было спокойным и расслабленным. Я присела на край ее постели.

– Вивианн, – тихо позвала я.

Она не отреагировала, продолжая безмятежно дремать. Я посмотрела на нее некоторое время.

– Я вам немного завидую, – сказала я, – Вы сильная. А я нет. Вы прошли через многое, и это все равно вас не сломило. Вы просто устали. Поспите, я приду к вам вечером.

Я поднялась на ноги, и в этот момент увидела, что глаза ее открыты. Она смотрела на меня с усилием, старательно пытаясь сконцентрировать взгляд на моем лице.

– Отдыхайте, – прошептала я, отворачиваясь. Ее блуждающий взгляд уткнулся в стену. Я вылила бульон в раковину и вышла из спальни, прикрыв за собой дверь.

Мне совершенно не хотелось идти на обед. Но я понимала, что так будет только хуже.

В столовой был только Эмметт. Перед ним лежала открытая книга. Подойдя ближе, я узнала ее.

– «Алиса в Стране Чудес», я читала ее вчера, – сказала я, усаживаясь за стол. Эмметт поднял на меня глаза. Его взгляд скользнул по порезам на моих руках.

– Ты ведь не убежишь от нас? – спросил он.

Пару мгновений я молчала, затем подала голос:

– Мне страшно, Эмметт.

– Не бойся. Никто не причинит тебе вреда. Поверь, я пытаюсь тебе помочь, – его голубые глаза внимательно смотрели на мое лицо, – Если ты решишь бросить нас, будет только хуже.

– Хуже? О чем ты говоришь? – спросила я сердито, – А что, если я вызову полицию?

– Никто не поможет тебе, – сладко протянул он, глядя мне в глаза. Теперь на его лице играла усмешка, – Можешь попробовать бежать. Я уже говорил, мне нравится играть в догонялки. Но тогда я уже не обещаю тебе безопасность.

– Я хочу расторгнуть с вами контракт, – ответила я решительно.

– Это невозможно.

– Почему?

– Ты внимательно его прочитала, Алекса? – он искренне наслаждался моим замешательством, – Тебе теперь некуда бежать.

Я не успела ответить. В комнате появился Родерик. Он опустился на стул возле меня.

– Эй, Род, – обратился к нему Эмметт, – Кажется, Алексе скучно с нами. Она хочет уйти. Наверное, ты недостаточно ее развлек сегодня?

По моей спине побежали мурашки. Я уставилась на него с ужасом. Он бросил на меня насмешливый взгляд. Едва поборов желание вскочить из-за стола, и ринуться прочь, я улыб-

нулась. Никогда прежде мне не стоило таких усилий выдать улыбку.

– Нет-нет, Эмметт, – пролепетала я, – я не хочу уйти. Я хочу оставаться здесь.

– Так и будет, – отозвался тот. – Ты обещала мне игру в карты, помнишь? Сыграем после обеда?

– Конечно, – стиснув зубы, ответила я. Оба брата приступили к еде. Я уставилась в пустую тарелку перед собой. Мне совершенно не хотелось есть, мне было страшно.

Через несколько минут в столовой появился Марцелл. Заняв свое место, он наполнил тарелку и по обыкновению, скрылся за книгой.

Я смотрела на него, несколько раз порываясь попросить его разорвать со мной контракт. Но так и не решилась сказать этого вслух. Возможно, Эмметт говорит правду, и в документе был какой-то подвох. Я закусила губу, мысленно коря себя за невнимательность.

– Я закончил, – Эмметт отодвинул пустую тарелку и встал из-за стола. – Алекса, ты так ничего и не съела? Бедняжка. Идем.

Он схватил меня за руку и потащил прочь. Я не сопротивлялась.

Мы добрались до гостиной. Я увидела несколько алых пятен на полу, и почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Эмметт повлек меня в дальний конец комнаты.

– Эй, что с тобой? Ты такая вялая, – он хмуро заглянул

мне в лицо, – ну нет, так не пойдет. Мне не нравится, когда твои прелестные глазки смотрят на меня так равнодушно.

Я почувствовала, как его холодные пальцы касаются моей щеки. По моей спине побежала дрожь. Я отшатнулась.

– В чем дело? А может мне выковырять твой глаз? Я вытащу его и заберу для моей коллекции, – он поднял пальцами мне веко. Я молча смотрела на него, не в силах пошевелиться от ужаса, – Отдашь мне его?

– Пожалуйста, не надо, – я попыталась отступить от него, но он ухватил меня за талию, притягивая к себе.

– Тогда не смей на меня так смотреть. Поняла? Иначе, – он придвинулся, и его губы коснулись моего века, – я заберу его. Или даже оба.

Я нервно кивнула, опуская глаза в пол. Он крепко меня обнял, прижимая к себе. Мое сердце колотилось как испуганная птица, угодившая в ловушку.

– Не стоит так бояться, – сказал он, выпуская меня из объятий. – Ты скоро привыкнешь.

Он улыбнулся и взял со стола колоду карт.

– Хочешь, позовем Рода и Мара поиграть с нами? Правда Мар откажется, он вечно занят. И часто исчезает на чердаке.

Я подняла глаза на Эмметта. Он задумчиво тасовал колоду.

– И что же он там делает? – осторожно спросила я.

– Не скажу. – он раздал карты, – На что играем? Может быть, на желание?

– Нет, сыграем просто, – быстро ответила я.

Мы играли снова и снова, и я не заметила, как пролетело время. Я немного расслабилась, увлекшись игрой. Эмметт наблюдал за мной с улыбкой.

– Что тебе нравится, Алекса? – спросил он.

– В каком смысле? – растерянно спросила я, изучая свои карты.

– Ну, я, например, люблю историю и путешествия. А еще коллекционирую бабочек. И красивые глазки, как твои, – Я посмотрела на него испуганно, – А что любишь ты?

– Ну... я пишу рассказы...

– И все?

Я задумалась. У меня было много увлечений, но большинство из них я давно забросила.

– Может, тебе нравится готовить, или вышивать?

– Нет, – я поморщилась.

Эмметт усмехнулся. Я внезапно почувствовала голодный спазм в желудке и посмотрела на часы. Половина пятого. Я отложила карты и поднялась на ноги.

– Я проголодалась. Пойду на кухню, хорошо?

– Нужно было обедать вместе со всеми, – он тоже встал с дивана, – но ты вольна делать, что хочешь. Поэтому, иди.

Я повернулась, чтобы выйти из комнаты, но он удержал меня за руку. Мое сердце испуганно екнуло, когда он повернул меня к себе лицом.

– Мы ведь тебе нравимся, Алекса? – спросил он.

– Эмметт... отпусти меня.

– Тебе страшно? Я вижу испуг в этих красивых глазках, – он снова потянулся пальцами к моему веку.

– Не надо, – я оттолкнула его руку. К моему ужасу, он засмеялся. В его холодном взгляде мелькнула искра.

– Запретный плод сладок. Ты знаешь об этом, Алекса? Можно мне тогда попробовать его на вкус?

– Что... о чем ты?..

Он придвинулся ко мне, крепко удерживая за талию. Пальцы второй руки распахнули мое веко. Я с ужасом смотрела, как его лицо приблизилось ко мне. Его язык коснулся моего открытого глаза.

Я оттолкнула его. По моей щеке потекли слезы.

– Не бойся, он от этого не пострадает, – Эмметт снова притянул меня к себе. Глаз неприятно щипало. Мне с трудом удалось его открыть, – идем, я закапаю тебе специальные капли.

– Ну уж нет, – я уперлась ладонями в его грудь.

– Ты не ослепнешь от этого, не переживай. Я не хочу, чтобы это произошло.

– Прошу тебя, не делай так больше, – мой голос дрожал от испуга.

– Не могу этого обещать. Он такой сладкий, – его губы коснулись моего закрытого глаза.

– Ты... сумасшедший. Вы все здесь ненормальные, – теперь слезы текли по моим обеим щекам. Я вырвалась из объ-

ятий Эмметта и бросилась прочь.

Мое сердце испуганно трепетало, пока я бежала к своей спальне. Я захлопнула за собой дверь и повернула ключ.

Из моей груди рвался отчаянный стон, но я зажала руками рот.

– Алекса, – раздался за дверью ласковый голос Эмметта, – Ты ведь обещала не убегать. Иди ко мне, не бойся, я тебя не обижу.

Он засмеялся, и мои внутренности сжались от ужаса. Я сползла на пол, молча глотая слезы.

Глава 10.

До семи вечера я просидела в своей спальне, пытаюсь успокоиться, и вздрагивая от каждого шороха. Мне было страшно выйти в коридор, но пересилив себя, я открыла дверь.

Почти бегом я добралась до комнаты Вивианн. Она безразлично смотрела куда-то сквозь меня.

– Что происходит с вашими сыновьями? – обратилась я к ней. Голос мой дрожал, – Что творится в этом доме?

Ее затуманенный взгляд скользил по моему лицу. Я подошла к ней и схватила за плечи.

– Вивианн, мне страшно. Я не смогу помочь ни себе, ни вам. Я боюсь... Мне кажется, я...

Ее белая рука дрогнула и с трудом оторвалась от постели. Я растерянно наблюдала за ней. Ее пальцы коснулись моего лица, неуклюже, словно она едва могла ими двигать.

Мое сердце кольнула тоска. Проникшись безмерной жалостью к себе, я готова была сбежать и бросить ее. Она не нужна своим сыновьям, я прекрасно это понимала.

«А что если они сделали ее такой?» – мелькнула в моей голове жуткая мысль.

– Я что-нибудь придумаю, Вивианн, – сказала я твердо, – я обещаю вам.

Ее рука бессильно опустилась обратно на постель.

Я пересадила ее в коляску и покатила в ванную комнату. Мои мысли были далеко отсюда. Каждый раз, когда мои порезанные руки опускались в воду, я стискивала зубы от боли.

Закончив с купанием, я отвезла Вивианн обратно в спальню. Я взяла с тумбочки ложку и дала ей лекарство. На мгновение что-то изменилось в ее лице, но она послушно проглотила жидкость. После чего я дала ей бульон.

Она еще некоторое время смотрела мне в глаза, безразлично и рассеянно. Затем веки ее тяжело опустились и она заснула. Я сидела на краю постели, грустно всматриваясь в ее лицо. Мне было ее жаль.

Я поднялась на ноги и вышла в коридор. Постояв некоторое время, я направилась в столовую.

В комнате было пусто. Заставленный едой стол одиноко маячил посреди помещения. Я села на свое место, и придвинула стоящее рядом блюдо. Я решила не ждать никого из братьев, быстро поесть и вернуться в свою спальню. Чем меньше я с ними сталкивалась, тем спокойнее мне было.

Я быстро насытилась, и встала из-за стола. Уже в дверях я столкнулась с Родериком. Он посмотрел на меня печально и молча прошел мимо. Я выскользнула в коридор и побежала на второй этаж.

Оказавшись в своей спальне, я ощутила себя в безопасности. Щелкнув в замке ключом, я упала на постель. Сытость приятно расслабила тело, гася страхи и переживания, которые на меня обрушились за день. Я закрыла глаза, обдумыв-

вая, что мне делать дальше. Мысли тяжело скользили в моей голове. Зевнув, я перевернулась на бок и уснула.

Странный громкий звук разрезал тишину. Я подскочила на кровати, пытаюсь понять что происходит. Звук не прекращался, назойливо пробираясь в уши. Я принялась вертеться в темноте, пытаюсь определить, откуда он исходит. Нащупав рукой кнопку на тумбочке, я включила прикроватную лампу. В комнате стало светло, и мне удалось найти источник звука. Я подскочила к комоду, растерянно вертя в руке пищущее устройство. Впервые за мое пребывание здесь, Вивианн нажала на кнопку, чтобы меня вызвать.

По моей спине побежал холодок. Я отключила устройство, и выскочила в коридор. Было темно, а значит, пока я спала, наступила ночь.

Я осторожно ступала, высматривая в полумраке путь. Добравшись до двери ее спальни, я рванула ручку на себя и вошла.

– Вивианн, – зашептала я, подходя к ней. Я щелкнула выключатель, и в комнате загорелся свет.

Вивианн лежала на постели, глядя на меня. В ее мутных глазах читалась немая мольба. Рука ее лежала на кнопке.

– Что случилось, Вивианн? Вы хотите пить? Вам плохо? – я склонилась над ней, беспокойно вглядываясь в лицо.

Она с усилием мотнула головой. Я видела, что ей тяжело, и каждое движение дается с трудом. Она снова посмотрела на меня.

– Вивианн, – растерянно прошептала я, – я не понимаю вас. Давайте я позову Марцелла и...

К моему изумлению, от этих слов она резко дернулась и схватила меня за край платья. Рот ее приоткрылся, словно она хотела что-то сказать.

– Я... не понимаю, – я смотрела на нее обеспокоенно, понятия не имея, что мне делать.

Внезапно ее рука отпустила мою одежду и двинулась вбок.

– Письменный стол, – выдохнула я, проследив направление, – Вы хотите, чтобы я взяла там что-то?

Она устало кивнула. На ее белом лбу выступили капли пота.

Я метнулась к столу, совершенно не представляя, что должна там найти.

На нем лежала пустая записная книжка и перьевая ручка. Я схватила эти предметы и вернулась к ней.

Ее дрожащие тонкие пальцы с трудом обхватили ручку.

– Вы хотите написать что-то, – догадалась я, распахнув блокнот и протянув ей.

Она с усилием вывела всего одно слово.

– «Яд», – прочитала я, – Что это значит?

Ее рука потянулась ко мне и коснулась моего кармана.

– Лекарство, – выдохнула я, – оно вас убивает? Это из-за него вы стали такой?

Она кивнула, устало откинувшись на подушке. Ее грудь тяжело вздымалась.

– Это ужасно, – прошептала я испуганно, – простите меня. Я не знала этого... Я верю вам. Ваши сыновья безумны, они творят ужасные вещи. Простите меня, Вивианн...

Она снова приподняла голову и потянулась к блокноту. В этот раз она писала очень долго. Ручка несколько раз падала из ее слабых пальцев, и я вновь и вновь поднимала ее и возвращала ей.

Когда она закончила, я уставилась недоуменно в блокнот. – «Я Катрин», – разобрала я. Она устало закрыла глаза.

Я некоторое время всматривалась в бумагу, пытаюсь понять, что это значит.

– Ваше имя, – мелькнула догадка у меня в голове, – Вас зовут Катрин?

Она едва заметно кивнула. Лицо ее расслабилось, и она заснула.

Я сидела еще некоторое время, растерянно глядя на нее. Аккуратно вырвав листы, на которых она писала, я вернула блокнот и ручку на стол.

– Спокойной ночи, Катрин, – прошептала я, погасив свет, и выйдя из спальни.

В коридоре я остановилась, прислонившись спиной к стене. В моей голове роилось множество мыслей. Чем больше времени я проводила в этом поместье, тем больше непонятных и ужасающих вещей мне открывалось.

От мыслей меня оторвал звук шагов. Я подняла голову, растерянно всматриваясь в потолок. Шаги доносились отку-

да-то сверху.

Мое сердце екнуло, я опустила руку в карман и нащупала ключ, который дал мне Эмметт.

«Кого они там прячут? – думала я, прислушиваясь, – быть может, мне удастся узнать больше, если я поднимусь туда»...

Мне было страшно. Я осторожно, стараясь ступать как можно тише, побрела к двери на чердак. Она была не заперта. Плотнo прикрыв ее за собой, я начала подниматься по ступенькам. Стук моего сердца отдавался где-то в голове. Несколько раз ступенька предательски скрипела, заставляя меня замирать.

Наконец, дойдя до верха, я остановилась перед дверью. Ключ вошел в замочную скважину. Моя рука дрожала, пока я поворачивала его.

Я осторожно толкнула дверь.

Передо мной открылся небольшой и довольно темный коридор. На стенах висело несколько портретов. Все они изображали светловолосую девочку. Я вспомнила картины в столовой, и мне стало не по себе.

Помещение тускло освещалось единственным светильником, стоящим на старом потертом комодe. Я нерешительно шагнула внутрь. Осторожно ступая, я рассматривала картины на стенах и вслушивалась. Внезапно мой взгляд упал на единственную дверь, маячившую справа. Она была приоткрыта. Из-за двери доносились шаги и какие-то шорохи. Мне стало страшно.

Я медленно попятилась назад и задела комод. Он качнулся с тяжелым скрипом. Звуки за дверью затихли. Я замерла, чувствуя, как по моей спине течет капля пота.

– Марцелл, это ты? – донесся до меня голос из-за двери. Мне хотелось повернуться и броситься прочь, но я не успела. В коридоре появился молодой человек.

Выглядел он очень пугающе. У него было бледное, приятное лицо с правильными чертами. Но огромные глаза смотрели на меня с каким-то отрешенным безумием. Темные волосы пестрели седыми прядями. На нем была черная одежда, похожая на ту, что носят братья. Всмотревшись в его лицо внимательней, я заметила, что внешне он очень походил на них.

Он замер, и в течение нескольких секунд мы молча друг друга рассматривали. Затем на его бледном лице появилось странное выражение.

Он бросился ко мне.

– Простите, я не хотела вас потревожить, – испуганно сказала я, пятясь назад.

Он меня словно не слышал. Оказавшись прямо передо мной, он вперился в меня странным взглядом. В его зеленых глазах плясали безумные огоньки.

– Это ты? Ты пришла ко мне, – он протянул ко мне руку, осторожно коснувшись моего лица. Мы оба вздрогнули от этого прикосновения. Он отдернул пальцы, глядя на меня испуганно, словно я могла испариться в любой момент, –

прошу, скажи мне, что это не сон.

– Я... пожалуйста, я хочу уйти, – осторожно прошептала я, делая шаг назад.

– Не уходи, не оставляй меня снова, – тонкие пальцы впились мне в плечи. Его красивое, горящее одержимостью лицо оказалось прямо передо мной.

– Отпустите меня...

– Ты не узнаешь меня? – в его голосе послышалось разочарование, – Как это возможно?.. Моя Элеонор... Ты меня забыла?

Паника внутри меня нарастала. Я смотрела ему в глаза испуганно, не в силах вымолвить ни слова.

– Элеонор, – продолжал он, всматриваясь в мое лицо. Его грудь тяжело вздымалась, а пальцы так сильно держали меня за плечи, что мне было больно, – ты меня так наказываешь?.. Прости меня... Я хотел как лучше, ты это знаешь, правда?

– Я... я не Элеонор, – сдавленным голосом проговорила я, наконец, – Меня зовут Алекса. И я вас не знаю... Отпустите меня.

– Что?.. Зачем ты так говоришь, Элеонор? – в его глазах появилось странное выражение, – Зачем ты делаешь мне больно?

– Послушайте, я...

– Ты теперь ненавидишь меня?.. Прости меня, умоляю... Прошу, скажи, что прощаешь меня! – его пальцы коснулись моей щеки. Я с ужасом увидела, что из его глаз текут слезы.

– Я прощаю вас, – растерянно сказала я, испуганно на него глядя. В его взгляде что-то потеплело. Пальцы, сдавливающие мое плечо, расслабились.

– Элеонор... Я все исправлю... Ты мне веришь? – он нежно гладил меня по щеке. Меня настолько пробирал ужас от происходящего, что я едва понимала, что он говорит.

– Да... да, – бормотала я, чувствуя как подкашиваются ноги. Голова кружилась от испуга.

– Ты ведь знаешь, что я сделал это для тебя, правда? – продолжал он. Я совершенно не слушала его, единственным моим желанием было быстрее вернуться в свою спальню, – Я обещаю, я все исправлю. Поверь мне.

– Прошу вас, отпустите меня, – пролепетала я.

– Марцелл прятал тебя от меня, да? Он все эти годы лгал мне... Но я не потеряю тебя снова... Моя Элеонор...

Он придвинулся к моему лицу. Его губы оставили страстный поцелуй на моей щеке. Сдавленно вскрикнув, я оттолкнула его.

– Элеонор... Нет!..

Я бросилась бежать. Выскочив на лестницу, я быстро захлопнула дверь, и повернула ключ. Я слышала, как он подорвался следом, как стучится и зовет меня этим странным именем. Едва дыша от страха, я сбежала по лестнице и помчалась в свою спальню.

Оказавшись в комнате, я с трудом перевела дыхание. Что происходит? Что это за человек, которого они держат на чер-

даке? И кто такая Элеонор?

Я медленно стянула платье, стараясь не паниковать. Улеглась в постель, но до утра так и не смогла заснуть. В голове моей роились мысли, а страх толкал бросить все, и бежать прочь. Но я понимала, что нельзя действовать безрассудно.

«Сегодня утром все узнаю у Дэйны, хочет она того или нет», – решила я. Постепенно успокоившись, я почувствовала как меня клонит в сон. Из-за штор уже пробивались первые солнечные лучи.

Глава 11.

Звук будильника вырвал меня из объятий сна, вернув к реальности и моим хлопотам и страхам. Я быстро привела себя в порядок, и, облачившись в свежее платье, принялась ждать Дэйну. Завтрак пришлось бы снова пропустить, но я не переживала из-за этого. Гораздо важнее было узнать от нее как можно больше о происходящем здесь.

Услышав шаги в коридоре, я поднялась на ноги. В дверь постучали, и на пороге возник Эмметт. Мое сердце испуганно екнуло.

– Доброе утро, – протянул он, облокотившись о дверной косяк, – Почему ты не спускаешься вниз? Уже девять тридцать.

– Я немного задержусь, – пробормотала я, – Мне нужно...привести себя в порядок...

– Алекса, ты всегда выглядишь прекрасно, – он подошел ближе. На его губах играла насмешливая улыбка, – Ты снова решила не завтракать с нами? Ты так сильно нас ненавидишь?

– Но...

– Мне повести тебя силой? – его глаза хищно сверкнули.

Я сжала кулаки, бессильно глядя ему в глаза. Мне ничего не оставалось, как подчиниться и последовать за ним в столовую.

В помещении никого не было. Я опустилась на свое место. В моей голове роились мысли. Я нервно ковыряла вилкой омлет в своей тарелке.

– Алекса, почему ты такая напряженная? – услышала я краем уха голос Эмметта.

Я неопределенно мотнула головой. Как мне теперь поговорить с Дэйной? Я знала, где находятся комнаты прислуги, и могла рискнуть, пробравшись туда.

– Ты снова меня игнорируешь? – теперь голос среднего брата звучал требовательно. Я подняла голову и рассеянно уставилась на него. Он внимательно смотрел мне в глаза, его лицо выражало недовольство.

– Что? – переспросила я, пытаюсь выбросить из головы свои размышления.

– Кажется тебе совсем скучно со мной. Может быть, мне попробовать развлечь тебя?

В мгновение ока он оказался возле меня. Обойдя со спины, он наклонился к моему уху:

– Что мне сделать с тобой, Алекса, чтобы ты начала меня снова замечать?

– Я просто думала о Вивианн и предстоящей работе, – ответила я нервно, поднимаясь на ноги. На мои плечи тут же легли его руки, заставив меня опуститься на место.

– Не беспокойся, сейчас все твои заботы покажутся пустяками.

Я с ужасом увидела, как он встает и стаскивает со стола

нож.

– Нет, не надо, – нервно выдавила я, наблюдая за ним. Едва я попыталась убежать, как он снова оказался за моей спиной, приставив лезвие к моей шее.

– Что такое? Теперь ты не думаешь ни о чем другом, да, Алекса? – прошептал Эмметт. Его учащенное дыхание обжигало мне ухо, а пальцы свободной руки крепко держали запястье. – Прочувствуй этот момент, запомни его.

Я стиснула зубы. Холодное лезвие легко коснулось моей кожи, медленно и мучительно вырисовывая кровавые узоры на шее, плечах, руках. Из моего горла вырвался невольный стон. Это было совсем не похоже на то, как меня кромсал ножом Родерик. Эмметт явно старался, чтобы каждое его действие доставило мне как можно больше страданий.

В столовой появился младший брат. Он окинул нас печальным внимательным взглядом.

– Эй, Род, – позвал его Эмметт, – Хочешь присоединиться и поиграть с нами?

– Отпусти меня! – я резко дернулась, пытаюсь вырваться из его захвата. Мое сердце испуганно колотилось в груди.

Родерик наклонил голову, рассматривая мое лицо. В голове пронеслись самые ужасающие картины, как эти двое будут мучать меня, пока не убьют. Я сжала веки, приготовившись к новой порции страданий.

Но этого не последовало. Я услышала, как хлопнула дверь. С трудом открыв глаза, я увидела дворецкого. Он шепнул

что-то Родерику на ухо. Тот бросил странный взгляд на Эмметта, и выскочил из комнаты.

Средний брат поднялся на ноги, и направился к столу. Он положил нож на место, и я увидела на лезвии кровавые разводы. По моему телу снова прокатилась волна дрожи.

Мою кожу неприятно жгло от порезов, а грудь тяжело вздымалась от страха и ярости.

Я перевела глаза на Эмметта, который спокойно сел за стол. Он одарил меня улыбкой.

– Я разрываю с вами контракт, – я подскочила на ноги, – С меня хватит. Я не намерена терпеть эти издевательства.

С этими словами я метнулась к двери. Выскочив в коридор, я бросилась в свою спальню. По пути я увидела Родерику, который исчезает вслед за дворецким за дверью. Он бросил на меня грустный взгляд, и скрылся в комнате.

Сердце мое бешено билось в груди. Оказавшись в спальне, дрожащими руками я принялась перетрясать свои вещи, в попытках отыскать телефон.

– Где же он? Где? – сердито шептала я, рыская по комнате. Внезапно я вспомнила, что оставила устройство в кармане платья, которое было на мне вчера. Но горничная успела унести его в стирку, и вместо него на моей постели лежал чистый наряд. Я в отчаянии швырнула его в угол.

Медленный стук в дверь вызвал новую волну паники в моей груди. На пороге возник Эмметт. Тяжело дыша, я уставилась на него, безуспешно пытаюсь придумать, что мне делать.

Он прислонился спиной к двери и скрестил на груди руки. Его голубые глаза смотрели на меня с нескрываемым любопытством.

– Ну и что же ты будешь делать, Алекса? Убегать? – сладко протянул он, – Давай, беги, стань моей добычей, позволь поохотиться на тебя. Доставь мне это удовольствие.

– Зачем вы это делаете? – закричала я срывающимся голосом.

– Не думаю, что ты в состоянии понять, – ответил он.

– Теперь ясно, почему вы не могли найти сиделку. Что случилось с предыдущими? Вы их замучили до смерти, да? – не унималась я. От страха у меня развязался язык, слова вырывались прежде, чем я успевала себя остановить. Я сделала несколько шагов назад, затравленно глядя на Эмметта через всю комнату.

– Возможно, – он нежно улыбнулся, глядя на меня. Его глаза жадно скользили по моему испуганному лицу.

– И с Дэйной вы делаете тоже самое, да? И со всей прочей прислугой?

– Это служанка Рода, а у него довольно грубые методы. Со своими горничными я развлекаюсь немного иначе, – протянул он с улыбкой. Он получал явное удовольствие от происходящего, – Кстати, именно из-за тебя он стал так жестоко ее наказывать.

– Из-за меня? – я уставилась на него с недоумением.

– Она новенькая, и нарушила одно из основных правил

нашего дома. Она разговаривала с тобой, хотя делать это запрещено. А как ты знаешь на собственном опыте, за непослушанием следует расплата.

– Как вы узнали, что она говорила со мной?

– Ты сама ее выдала, – Эмметт широко улыбнулся, – Назвав ее имя в столовой, когда спросила меня о пропаже телефона. Значит, она сама тебе его сказала, верно?

Внутри у меня что-то оборвалось. Перед глазами снова встало ее искаженное ненавистью лицо.

– Не стоит так беспокоиться о ней. Она украла твой телефон, надеясь с его помощью сбежать. Дворецкий поймал ее на улице за попытками найти сигнал и позвонить, представляешь? Род наказал ее, а мне пришлось придумать для тебя глупое объяснение тому, как твой телефон попал ко мне.

Я помолчала, обдумывая его слова.

– Теперь твой телефон снова у меня, – он извлек из кармана устройство и помахал передо мной, – Угадай, кого сейчас наказывает Род за очередную кражу?

– Верни, – я нерешительно сделала шаг к нему, но он тут же спрятал телефон обратно.

– Прости, Алекса, я не могу теперь тебе доверять. Я ведь предупреждал, чтобы ты не пыталась бороться с нами и убежать. Если бы эта горничная снова не попыталась похитить твой телефон, я все равно сам отнял бы его у тебя.

Я снова попятилась, пока не почувствовала, как моя спина коснулась стены. Эмметт криво усмехнулся.

– Ты будешь моей добычей? – прошептал он. Он сделал несколько шагов в мою сторону. Его ледяные глаза смотрели на меня насмешливо. Подойдя почти вплотную, он склонился к моему уху, заставив меня вжаться в стену еще сильнее, – Если я поймаю тебя, отдашь мне в награду свой сладкий глазик?

Не помня себя от ужаса, я оттолкнула его, и бросилась прочь из комнаты. На лестнице я оступилась в спешке, мои колени с треском ударились о ступеньки. Я подскочила на ноги, и помчалась к выходу. Страх гнал меня прочь из этого дома, заглушая боль и затуманивая разум.

Мои руки беспомощно бились в закрытую дверь.

«Тупик. Бежать некуда. Я останусь здесь до самой смерти»

Отчаянно вскрикнув, я помчалась в коридор. В висках болезненно пульсировало. Услышав жалобный стон за одной из дверей, я, не раздумывая, бросилась туда.

Родерик выпрямился и посмотрел на меня. Его грустные бездонные глаза не выражали никаких эмоций, на губах появилась странная улыбка. В его руке покачивался большой окровавленный тесак.

Перед ним на полу сидела Дэйна. Ее бледное лицо искажалось от боли, широко распахнутые глаза неотрывно смотрели в окно на голубое небо.

Левая рука была изрублена до костей, с нее струйкой стекала кровь.

Я почувствовала болезненный спазм в желудке от увиденного.

– Ты пришла поиграть, Алекса? – спросил Родерик, наклонив голову и нежно меня разглядывая.

Я молча смотрела на эту жуткую картину, не в силах пошевелиться или вымолвить хоть слово.

«Это просто сон... Кошмарный сон» – пульсировало в моей голове.

– Теперь ты будешь ласковой? – продолжил младший брат, приближаясь ко мне.

«Это лишь сон... Я хочу проснуться»

– Да, – выдавила я, улыбаясь. Мое сердце отчаянно стучало о ребра, а в голове гудело так, что я едва слышала собственный голос.

«Прости меня, Дэйна... Я не хотела твоих мучений... И я не повторю твоих ошибок»

Родерик подошел ближе, вглядываясь мне в глаза. На его милом личике появилась слабая улыбка. В этот момент он снова выглядел хрупким и трогательным, но окровавленный тесак в его руке красноречиво кричал об обратном.

Его пальцы коснулись моего лица. По спине пробежал холодок от его прикосновения.

– Алекса, – прошептал он, придвигаясь ближе. Я замерла, позволив его рукам обвиться вокруг меня. Дэйна прикрыла глаза и снова слабо застонала.

– Убирайся прочь, – приказал ей Родерик, – В следующий

раз я отрублю твою мерзкую руку.

Маленькая горничная с трудом поднялась на ноги. Сделав пару шагов, она снова повалилась на пол. Ее пустые глаза безжизненно смотрели в потолок.

– Снова грохнулась в обморок? – голос Родерика звучал раздраженно, – Никчемная игрушка.

«Ты не милая, Дэйна. Ты не играешь по правилам... Ты пыталась сбежать» – подумала я, наблюдая за тем, как увеличивается лужа крови возле нее. Младший брат хлопнул дверью и через несколько мгновений в комнате возник дворецкий. Даже не взглянув на меня, он подхватил девушку под руки и поволок прочь из комнаты. Его лицо оставалось таким же бесстрастным, как и в тот день, когда он привез меня в этот дом.

– Я тебе нравлюсь, Алекса?

Я неотрывно смотрела в бездонные синие глаза. В них играли странные блики, напоминая мне вечернее звездное небо. Как бы я хотела раствориться сейчас в этих глазах.

– Да...

– Ты убегала.

Короткий взмах тесаком и острая обжигающая боль в плече. Я стискиваю зубы.

– Больше не стану, – с усилием проговариваю я.

«Нужно забрать телефон... Я еще смогу все исправить»

– Так значит, тебе весело со мной?

«Нельзя больше давать лекарство Катрин»

– Да...

– Лгунья.

Снова вспышка боли, рассекающая на этот раз мою грудную клетку. На мгновение мне даже захотелось, чтобы следующий удар пришелся по сердцу и прекратил мои мучения.

В моей голове возникло лицо парня, которого я встретила ночью на чердаке. Он тоже их пленник? И что за девушка, чьим именем он меня называл?

– Элеонор, – прошептала я едва слышно.

– Что? – Родерик резко отпрянул от меня. Его большие глаза распахнулись еще шире. Тесак выскользнул из его руки и с глухим стуком ударился об пол.

– Кто такая Элеонор? – спросила я, всматриваясь в его лицо. Моя голова кружилась так, что мне с трудом удавалось держаться на ногах.

– Откуда ты знаешь это имя?

Он отошел на несколько шагов, словно я внезапно стала опасна для него. Я молчала, он снова приблизился и грубо схватил меня за порезанное плечо. Я вскрикнула от боли. Глаза мои подернулись темной пеленой.

– Отвечай, – услышала я голос Родерика. Он встряхнул мое тело, которое стало тяжелым и ватным. Последнее, что я увидела, было его бледное напряженно лицо, склонившееся ко мне, после чего сознание мое погасло, и я погрузилась в темноту.

Очнувшись, я поняла, что нахожусь в своей спальне. Надо

мною склонилась горничная, накладывая бинты на мое порезанное плечо.

– Дэйна, – осторожно позвала я. Девушка подняла голову, и я поняла, что это была не она. У этой служанки было усыпанное веснушками лицо и вьющиеся волосы, убранные под чепчик. Она смотрела на меня единственным золотисто-карим глазом. Вместо второго была белая повязка. Мое сердце екнуло.

«Наверное Дэйна совсем в плохом состоянии», – подумала я. Перед глазами снова встала картина ее окровавленного тела.

– Ты уже очнулась? – в комнате появился Эмметт. Горничная опустила голову и продолжила заниматься моими ранами.

Мое сердце пропустило удар, но я заставила себя посмотреть ему в глаза и кивнуть.

– Как ты себя чувствуешь? – на его губах появилась улыбка.

– Что... что со мной будет? – спросила я осторожно.

– Этот вопрос можешь задать Мару. Он попросил тебя зайти к нему после работы. И да, уже одиннадцать. Ты опоздала к матушке, – Эмметт сокрушенно покачал головой, – Подумать только, Алекса, ты готова была бросить свою подопечную и сбежать? И что еще хуже, ты хотела бросить нас. Не делай так больше, будь умницей.

Я стиснула зубы.

– Ты хочешь, чтобы я оставалась здесь? И делала вид, что ничего не происходит? – моя грудь тяжело вздымалась, отчего мне было больно дышать. Но я не обращала на это внимания.

– Именно. Тебе же нужны деньги, верно? А нам нужна сиделка. Видишь, Алекса, мы нужны друг другу. Разве нет? – он снова улыбнулся.

– Нет, мне не нужны деньги. Я хочу вернуться домой.

– Твой дом теперь здесь. Другого больше у тебя нет.

– Что ты такое говоришь? – я резко села. Горничная мягко толкнула меня обратно на кровать, продолжая перетягивать мое тело бинтами.

– Ах, Алекса, ты восхищаешь меня все сильнее, – он засмеялся, – Ты же пишешь страшные рассказы про глупых людей, которые приходят в логово монстров. Сами, по своей невнимательности и наивности. Так почему же ты ведешь себя точно также?

Я замолчала, глядя ему в глаза. Я в логове монстров. Именно так. Но так просто было сидя за ноутбуком размышлять о том, как неразумно ведут себя герои моих рассказов. Сейчас, когда это происходит со мной... что мне делать?

Эмметт смотрел на меня со странной нежной улыбкой, явно наслаждаясь моей беспомощностью. Горничная закончила обрабатывать мои раны, поклонилась ему и вышла из спальни.

Я осторожно пошевелилась. Каждое движение отдавалось

болью в моем туго забинтованном теле.

Эмметт подошел ко мне и присел на край постели.

– Ну и что ты решила, Алекса? Бороться с монстрами или принять их правила? – его холодные глаза неотрывно смотрели на меня.

Я молча рассматривала его насмешливое лицо, пытаюсь понять, как вести себя теперь. В голове всплыл образ Дэйны, лежащей в луже крови.

Наверняка что-то подобное ждет и меня. Непонятно только, чего они добиваются. Зачем они все это делают? Если они кормят свою мать ядом вместо лекарства, зачем им нужна сиделка? Что за странные игры они ведут?

Все эти вопросы проносились в моем мозгу, пока мы с Эмметтом молча смотрели друг на друга.

«Нет, мне нельзя ничего спрашивать. Он не должен знать то, что я узнала от Катрин»

– Вивианн ждет меня, – ответила я через некоторое время, – Если ты не возражаешь, я вернусь к работе.

– Разумеется, – уголки его губ поползли вверх, а ледяные глаза продолжали всматриваться в мое лицо, – Не забудь зайти к Мару как закончишь.

Я подождала, пока он выйдет из моей спальни, после чего с облегчением выдохнула. Происходящее казалось страшным сном, и только боль многочисленных ран по всему телу напоминала о том, что все это реальность. Жуткая, пугающая, непонятная реальность. Я запустила обе руки в волосы

и закрыла глаза, в попытке успокоиться.

«Что мне делать? Что мне делать?»

Глава 12.

Я с трудом сползла с постели, и направилась в комнату Катрин. Каждое резкое движение отдавалось болью в теле. Видимо, мне повезло, что Родерик остановился, иначе я была бы сейчас не в лучшем состоянии, чем Дэйна.

Впервые в жизни я потеряла сознание, и это спасло меня. Голова кружилась, и меня то и дело заносило, пока я плелась по коридору. Добравшись до спальни Катрин, я открыла дверь.

– Доброе утро, – прошептала я, – Простите, я опоздала.

Она окинула меня взглядом, и в ее глазах мелькнуло странное выражение. Казалось, она не была удивлена тому, в каком состоянии я была. Ее карие глаза смотрели на меня с сочувствием и легкой скукой. Так смотрят на что-то будничное, закономерное и привычное. С таким лицом пересматривают грустный фильм, который давно набил оскомину. С таким лицом сообщают тысячному пациенту о его неутешительном диагнозе.

Я подошла к ней и извлекла из кармана пузырек с микстурой.

– Время лекарства, Вивианн, – сказала я. Я предполагала, что кто-то из братьев может следить за мной теперь, поэтому старалась вести себя как обычно.

Я прошла в ванную комнату и вылила ложку мутноватой

жидкости из пузырька в раковину. Я не была уверена, что поступаю правильно, перестав давать ей лекарство. Возможно, эта женщина действительно была очень больна. Возможно, ночью она бредила, или пыталась обмануть меня. Если у нее действительно была болезнь Пика, она могла вести себя неадекватно и даже стать опасной для меня. Но у меня не было выбора, кроме как довериться ей. Происходящее в этом доме обернулось для меня полнейшим кошмаром, из которого вырваться самостоятельно я была не в силах. Несмотря на то, что она являлась матерью этих троих, они с самого начала вели себя странно и отчужденно с ней. Что если она здесь такой же заложник, как и я?

Перед моими глазами снова всплыло лицо того странного парня на чердаке. Кто он такой? И что за девушка, именем которой он меня называл?

Я встряхнула головой, отгоняя мысли, и вернулась в спальню. Взяв непослушными руками миску с супом, я повернулась к Катрин.

– Я помогу вам, – прошептала я, склонившись к ней, – Я вам верю.

«Надеюсь, я поступаю правильно»

Катрин послушно выпила бульон, после чего я пересадила ее в коляску.

Пока мы прогуливались, у меня в голове роились мысли. Я смотрела на бледную худую женщину в инвалидном кресле, которое я толкала перед собой. Что произошло с ней на

самом деле? Что вообще происходит в этом доме? Перестав давать ей лекарство, я нарушила одно из основных правил, которые обязалась исполнять при приеме на работу. Я даже не представляла, что со мной будет, если мой обман раскроется. Мне было страшно, но безысходность толкала меня на этот шаг.

Закусив губу, я с усилием отвела глаза от бледного лица Катрин.

Ласковое солнце освещало деревья, прогоняя прочь страх и отчаяние. Я замерла, залюбовавшись пейзажем. Мой взгляд остановился на воротах. Они были приветливо распахнуты, как и всегда, и я могла убежать прямо сейчас. Я едва поборола желание ринуться прочь, на волю, и забыть все, что здесь происходило.

Вздохнув, я повернулась и покатила коляску обратно к поместью. Мои глаза выхватили чей-то силуэт в одном из окон. Дом смотрел на меня тусклыми стеклами, наблюдая, всматриваясь. Я поежилась, и поспешила внутрь.

На втором этаже я слышала музыку. На мгновение я остановилась, прислушиваясь. Кто-то играл на скрипке. Красивая, нежная мелодия лилась из-за двери чьей-то спальни. Сердце мое сжалось, наполняясь чарующими звуками, я застыла в коридоре, вцепившись в коляску. Было удивительно, что кто-то из братьев так виртуозно владел этим музыкальным инструментом. Вздохнув, я толкнула кресло с Катрин вперед и скрылась за дверью ее спальни.

Я молча пересадила женщину обратно на кровать, с усилием выпрямилась. Из-за приоткрытой двери до меня доносились звуки скрипки.

– Отдыхайте, Катрин, – прошептала я, грустно глядя на нее. Моя голова снова начала кружиться, а боль в грудной клетке усилилась.

Выйдя из спальни, я направилась к комнате Марцелла. Сделав над собой усилие, я коротко постучала в дверь. Ответа не последовало, и я растерянно стояла в коридоре, чувствуя нарастающее напряжение. Постучав еще несколько раз, и поняв, что в комнате никого нет, я повернулась прочь. Пройдя несколько шагов по направлению к своей спальне, я снова остановилась, прислушиваясь.

Музыка доносилась из-за приоткрытой двери комнаты, в которой я еще не была. Мое сердце екнуло, когда я поняла, кто был исполнителем этой нежной мелодии. Я подошла ближе и осторожно заглянула в спальню.

Родерик стоял лицом ко мне, но глаза его были закрыты. Смычок в его руке плавно летал по струнам. Он играл с таким чувством, словно весь мир перестал существовать для него в этот момент. Я невольно залюбовалась им, застыв на пороге его спальни. Тонкие пальцы второй руки нежно скользили по корпусу скрипки, зажимая струны. Красивая музыка, очаровывающая сердце лилась из-под его рук также непринужденно, как и жестокость, с которой он расправлялся со своими жертвами. Подумав об этом, я сделала

шаг назад, намереваясь вернуться к себе. Словно прочитав мои мысли, Родерик вывел последнюю плавную дугу смычком и открыл глаза.

Я ожидала, что он рассердится моему вторжению в его комнату, но напротив, он улыбнулся, увидев меня.

– Тебе понравилось? – спросил он.

– Да, очень, – ответила я искренне, – ты потрясающе играешь.

– Я играл для тебя, – он повернулся и принялся укладывать скрипку в футляр. Я молчала, совершенно не представляя, что должна на это ответить, – Если тебе нравится, я буду делать это снова.

– Спасибо, – выдохнула я.

– Я хочу, чтобы ты делала тоже самое для меня.

– Я не умею играть на скрипке, – растерянно ответила я.

– Я не об этом. Я уже просил тебя написать что-то для меня, – он снова повернулся ко мне лицом. Его синие глаза смотрели на меня внимательно и печально.

– Ну... я не уверена.

– Пожалуйста, – он подошел ближе, и я невольно попятилась назад. В его больших глазах полыхнул недобрый огонек.

«Успокойся, Алекса, возьми себя в руки», – подумала я, стискивая зубы. Больше всего я боялась, что он снова схватится за нож и начнет на меня нападать.

– Я не обещаю, что тебе понравится. Но я постараюсь... для тебя, – выдавила я с усилием.

Он склонил голову на бок, глядя на меня. Его синие глаза скользили по моему лицу. Я нервно сглотнула.

– Я буду ждать, – ответил он наконец.

– Хорошо, – я улыбнулась ему, чувствуя, как быстро бьется о ребра мое сердце, – Кстати, ты не знаешь, где Марцелл?

– Сначала Вивианн, теперь еще и Марцелл?

– Что? – я растерялась, глядя на него напряженно. Мне все сложнее было с ним общаться, буквально каждое мое слово могло вызвать негативную реакцию. Ситуация осложнялась тем, что я панически боялась этого ненормального, его ножа и этих жутких огромных, словно стеклянных глаз.

– Ты снова убегаешь от меня?

– Нет, просто мне нужно зайти к Марцеллу, он хотел поговорить со мной.., – я снова попятилась в коридор.

Он нахмурил брови, подошел ко мне, и грубо вцепившись в мое запястье, затащил в свою комнату.

Его спальня была светлой и уютной. Белые обои, шоколадная мебель и синие тяжелые шторы на окнах. Несколько фарфоровых светильников и большой папоротник в углу. Я совершенно иначе представляла себе его комнату, но оказавшись здесь, я удивилась тому, насколько она ему подходит. В этих ящиках наверняка прячутся тесаки и ножи, которыми он кромсает тех несчастных, что попадут ему под руку. Моя фантазия буйно рисовала мне самые устрашающие картины, пока я осматривала его спальню.

– Давай поиграем?

– Может, лучше поиграешь с котятами? – осторожно ответила я, снова пробегая глазами по комнате, – Где они, кстати?

– Ты больше их не увидишь, – он приблизился ко мне, – они были милыми только пока я не начал играть с ними так, как мне хочется. Можно я поиграю с тобой также, Алекса?

– Но.. мне ведь будет больно, Родерик.

– Тебе будет больнее, если откажешься. Или я тебе не нравлюсь?

Его глаза смотрели на меня печально. Я снова видела в них свое отражение. Я стояла напротив него, рассматривая собственное лицо в этих ужасных синих глазах. По моей спине пробежала дрожь. Я вспомнила слова Эмметта, которые он сказал мне сегодня.

«Я в логове монстров. Что мне делать?» – пульсировало в моей голове.

Его пальцы коснулись моих волос.

«Что бы сделали герои моих рассказов, окажись они здесь?»

– Тебе нравится?

Я стиснула зубы. Он запустил руку в мои волосы, совсем как тогда, на кухне. Пальцы нежно перебирали пряди, он подошел еще ближе, всматриваясь в мое лицо. Я закрыла глаза, чтобы не пересекаться с ним взглядом.

– Теперь я буду играть с тобой, Алекса, – раздался его голос возле моего уха.

Его пальцы стянули мои волосы так, что я едва не вскрикнула от боли.

– Ты ведь будешь милой?

Я услышала звук шагов в коридоре. Повернув голову, я бросила короткий взгляд на дверь.

– Родерик, кажется, Марцелл вернулся и...

Он с такой силой дернул прядь, которую держал, что ее половина осталась в его руке. Тонкие пальцы вцепились в меня мертвой хваткой.

– Тебе с ним интереснее, чем со мной?

– Отпусти меня, ненормальный, – вскрикнула я, пытаюсь вырваться из его захвата. Синие глаза потемнели, и его миловидное лицо приняло пугающий вид. Он снова ухватил меня за волосы.

– Ты опять меня разочаровываешь?

Мое сердце бешено стучало в груди. Голова начала кружиться, и мне показалось, что я снова потеряю сознание. Я пошатнулась и повалилась на Родерика, больно ударившись лбом о его зубы. Он подхватил меня, прижимая к себе.

– Что с тобой? Снова собралась отключиться? Я еще ничего не сделал, – раздраженно сказал он.

Я с трудом вернула себе равновесие и отодвинулась от него. Он смотрел на меня со странным выражением, слизывая кровь с разбитой губы.

– Это твоя вина, – сообщил он, – за это я сделаю так.

Он схватил меня за руку и выгнул мой указательный палец

в обратную сторону. Я вскрикнула от боли.

– Прекрати, – свободной рукой я с силой ударила Родерика по лицу. В моей голове звенело, и я едва держалась на ногах.

– Ты... не милая, – почти шепотом проговорил он. В его печальных глазах сверкнул холод. Он грубо и резко толкнул меня, отчего я повалилась на пол.

«Мне конец», – мелькнуло в голове. Мне было так плохо, что я едва воспринимала происходящее.

– Почему ты так ведешь себя со мной?

«Будет совсем как тогда? Только в этот раз он меня убьет?»

Он присел на корточки рядом со мной, и склонил голову на бок, рассматривая меня.

– Молчишь? А если так?

Я почувствовала его прикосновение к своей руке. Он снова выгнул мой палец, в этот раз сильно и резко. Мой отчаянный протяжный крик заглушил хруст, с которым разорвалось сухожилие.

Сквозь боль, заполняющую мой разум, я увидела его глаза. Они смотрели на меня грустно и внимательно, как и всегда.

– Зачем... ты это сделал? – с трудом выдавила я.

– У меня тот же вопрос. Зачем ты меня ударила? – он с силой надавил на мой сломанный палец. Из моего горла вырвался новый крик.

– Прекрати!

– Ты постоянно убегаешь от меня. Вивианн, Марцелл... тебе интересно с ними?

От боли я почти ничего не понимала. Все происходящее превратилось для меня в одну сплошную пытку. Лицо Родерика расплывалось перед глазами.

– Ты опять молчишь?..

Новая вспышка мучительной невыносимой боли и жуткий хруст.

– Пожалуйста... хватит! – вскричала я. По моему лицу текли слезы, капая на пол, но я даже не замечала этого.

– Ты не отвечаешь на мой вопрос. Тебе интереснее с ними, чем со мной?

– Нет, – отчаянно взывала я, кусая губы от невыносимой боли.

– Тогда почему ты убегаешь?..

– Эмметт попросил меня... зайти к Марцеллу.

– То есть это тоже твоя работа?

– Да.

Прошло несколько мгновений, в течение которых Родерик молча смотрел на мою жалкую распластанную на полу физиономию.

– Алекса, нам будет сложно общаться, если ты будешь так вести себя со мной, – сказал он, наконец.

– Я ничего не сделала!

– Ты меня вынудила так поступить.

Я лежала на полу, глотая слезы. К ним примешивался вкус крови из губ, которые я искусала от боли. Мой мучитель улегся рядом со мной и снова начал играть с моими волосами, наматывая их на палец.

– Я буду делать все, что захочу с тобой, – сказал он, выдергивая волосинки по одной, – и если ты противишься мне – будет только хуже.

Я молча наблюдала за его действиями, не в силах пошевелиться. Боль в сломанных пальцах затуманивала разум. Я потеряла счет времени, мое сознание то на мгновение гасло, то снова возвращало меня к действительности.

«Это просто сон... Я хочу проснуться из этого кошмара»

Внезапно, Родерик поднялся на ноги. Окинув меня на прощание взглядом, он вышел из комнаты. Еще некоторое время я лежала, боясь пошевелиться, после чего предприняла неуклюжую попытку встать. Сломанные пальцы тут же напомнили о себе, едва я повернула руку. Стиснув зубы, я с трудом встала, едва сдерживаясь, чтобы снова не закричать.

Пошатываясь, я с трудом добрела до спальни Марцелла. Я понятия не имела, сколько времени провела в комнате Родерика. Моя голова кружилась так, что я едва стояла на ногах, а пальцы гудели не переставая.

Глава 13.

Я постучала в дверь, и тут же услышала шаги.

– Ты заставляешь себя ждать, – услышала я безразличный голос старшего брата. Он смерил меня взглядом, после чего прошел вглубь комнаты. Я последовала за ним, едва переставляя ноги.

Бросив взгляд на стол, я увидела гору бумаг. Некоторые из них были испещрены непонятными символами и рисунками, но мне было слишком плохо, чтобы вникать в их содержимое.

Марцелл обошел меня, равнодушно повернулся ко мне спиной и уселся за бумаги. Кажется, его совсем не смущало мое состояние. Перед ним на столе лежала раскрытая книга, в которой он поставил какие-то пометки.

– С сегодняшнего дня я ввожу для тебя несколько новых правил, – сообщил он, не отрываясь от своего занятия, – первое: посещать мать ты будешь дважды в день. Этого достаточно, учитывая ее состояние. Утром в десять, и вечером, в семь. Прием лекарств и весь прочий уход остается прежним.

Я привалилась к стене возле стола, пытаюсь справиться с головокружением. Мой измученный разум едва воспринимал то, что он мне говорил.

– Второе. Я знаю, что ты снова ослушалась меня. И по этой причине, я буду лично следить за всеми твоими пере-

мещениями по поместью. И третье: теперь ты будешь жить в комнате по соседству с моей. После десяти вечера тебе запрещено покидать спальню. И лучше тебе не нарушать это правило. Узнаю, что ты бродишь по дому ночью – пеняй на себя. Понятно?

Внутри у меня все похолодело. Но я быстро кивнула, понимая, что спорить с ним бесполезно.

Марцелл снова смерил меня равнодушным взглядом, после чего выдвинул ящик стола. Вытащив связку ключей, он отделил от нее два маленьких одинаковых золотых ключика.

– Иди за мной, – он поднялся на ноги и вышел из комнаты. Я поспешно засеменила следом. Подойдя к соседней двери, он открыл ее ключиком.

Я помнила, что Эмметт упоминал эту комнату как спальню человека, которого давно нет в живых. Мне не очень нравилась перспектива жить в таком месте, но спорить с Марцеллом было еще хуже. Потому я послушно шагнула внутрь вслед за ним.

Увиденное меня поразило. Комната была светлой, нежной и очень красивой. Спальня каждого из членов семьи была искусно отделанной, но это помещение напоминало обитель какой-нибудь принцессы.

Нежно-розовые стены, серебряная люстра и изящная позолоченная белая мебель, настолько красивая и резная, что казалось игрушечной. Туалетный столик с выдвигающимися ящиками и большим зеркалом, кровать, две тумбочки возле

нее и несколько кресел. Мягкий пуфик, обтянутый розовым шелком и такого же цвета подушки и покрывало.

Я восхищенно осматривалась, пока не пересеклась с безразличными зелеными глазами Марцелла, который смотрел на меня все это время.

Он молча протянул мне один из двух ключей, после чего вышел из комнаты. Я осторожно села на постель, стиснув зубы от боли, и принялась крутить головой. Никогда прежде мне не доводилось спать в такой потрясающей комнате. Наверное, при других обстоятельствах я бы радовалась этому. Но сейчас мне совсем не было радостно.

Я устало облокотилась на подушку и закрыла глаза. Казалось, прошла целая вечность, пока я пыталась забыть о своих сломанных пальцах. Постепенно мое тело и разум расслабились, и я погрузилась в сон.

Из дремоты меня выхватил настойчивый стук в дверь. Не успела я сказать «Войдите», как на пороге снова возник Марцелл. В руках он держал коробку, в которой позвякивали какие-то бутылочки.

– Это лекарство для ... Вивианн? – растерянно спросила я. Каждый раз произнося ее имя, я боялась ошибиться, и случайно проговориться о том, что знаю, как ее зовут на самом деле.

Марцелл не удостоил меня ответом, бесцеремонно усаживаясь на кровать рядом со мной. Он по-хозяйски взял меня за руку, осматривая поврежденные пальцы. От неожиданно-

сти я впала в ступор, молча наблюдая за его действиями.

Он легонько надавил на место перелома, и, явно убедившись в чем-то для себя, извлек из коробки шприц.

– Что ты собираешься делать? – испуганно пролепетала я.

– Не дергайся, – холодно ответил он, вколлов иголку мне в руку. Я вздрогнула, беспомощно наблюдая, как жидкость из шприца перетекает мне в вену.

Затем вытащил бинт и принялся перевязывать мне пальцы. Действовал он очень умело, и в мгновение ока, моя поврежденная рука была туго зафиксирована. Боль постепенно сходила на нет, и я догадалась, что он вколол мне обезболивающее.

– Спасибо, – пробормотала я, удивленная его внезапной добротой.

– Ты должна быть в состоянии работать, – спокойно отозвался он. Он извлек из коробки еще один шприц, на этот раз пустой, возил его мне в вену, и наполнил моей кровью. Бережно сцедив ее в маленькую склянку, он сложил свои инструменты, и вышел из комнаты.

Я расслабилась, почувствовав себя намного лучше. Боль прошла, голова кружилась гораздо меньше. Я посмотрела на наручные часы. Было как раз время обеда.

Я поднялась на ноги и направилась к двери. В проходе я лицом к лицу столкнулась с горничной. Это была та самая девушка, которая обрабатывала мне раны утром. В ее руках была большая корзина, в которой аккуратно были сложены

простыни и бутылочки с мылом и шампунями. Я сделала шаг в сторону, давая ей дорогу. Она посмотрела на меня своим единственным глазом, после чего скользнула в спальню.

Я спустилась на первый этаж и прошла в столовую. После того, как начало работать обезболивающее, я поняла, что ужасно хочу есть.

Родерик и Эмметт уже сидели за столом. Я села на свое место, стараясь не пересекаться взглядом ни с кем из них. Наполнив тарелку отбивными и тушеными овощами, я с аппетитом принялась за еду.

– Мар уже показал тебе твою новую комнату, Алекса? Как тебе она?

Я едва не поперхнулась от этого вопроса, и подняла глаза на Эмметта. Он склонил над своей чашкой маленький молочник, задумчиво наблюдая, как наполняется белая жидкость.

– Очень красивая, – осторожно ответила я.

– Это особенная комната, – Эмметт протянул руку к заварнику и добавил в молоко чай. Помешав ложкой, он сделал глоток. – Так что береги ее.

– Разумеется, – я посмотрела на горку еды перед собой и отложила вилку. Аппетит почему-то пропал.

Посидев еще немного, я поднялась из-за стола.

– Мы настолько ужасны, что ты не хочешь провести с нами ни минуты, – заключил Эмметт, печально вздохнув. Он отставил пустую чашку, и тоже поднялся на ноги. – Надеюсь,

ты позволишь мне проводить тебя до комнаты?

Я рассеянно кивнула, и мы вместе покинули столовую. Уже почти дойдя до двери своей спальни, Эмметт внезапно остановился.

– Кажется, я придумал, что немного может тебя развеселить. В прежние времена были очень популярны балы, ты ведь наверняка слышала об этом? Что если мы устроим что-то подобное сегодня вечером? Что скажешь, Алекса?

– Я не умею танцевать медленные танцы, – ответила я, делая шаг назад, – И в таком состоянии я вряд ли смогу много двигаться. Так что извини.

– Но это ведь будет бал специально для тебя, – Эмметт подошел ближе, несмотря на то, что я старательно пятилась от него, – Насчет танцев не волнуйся – вальс очень простой, я с удовольствием научу тебя ему.

– Как много у тебя талантов, – мрачно выпалила я. Мне совершенно не нравилась перспектива танцевать с этим ненормальным, – Но, к сожалению, я вынуждена отказаться. У меня много работы, а после десяти вечера Марцелл запретил мне покидать комнату.

– Алекса, я ведь пытаюсь быть с тобой обходительным, – холодные голубые глаза смотрели на меня насмешливо, – Или тебе больше нравится, когда я веду себя иначе?

Он прижал меня к стене. Мое сердце испуганно екнуло в груди.

– Если не хочешь танцевать со мной, может, станешь ча-

стью моей коллекции? Я обещал, что заберу твой глаз, помнишь? Не волнуйся, я буду хорошо о нем заботиться. Но перед тем как вытащить его из глазницы, я хочу снова его облизать. Это ведь по-своему возбуждает, правда?

– Эмметт, прекрати, пожалуйста, – испуганно залепетала я, пытаясь его оттолкнуть. Но он буквально втиснул меня в стену. Его пальцы распахнули мне веко, – Нет, только не снова!

– Расслабься, – ответил он, посмеиваясь, и наклонился к моему лицу. Его язык прошелся по моему открытому глазу, но в этот раз я не ощутила боли. Хотя ощущение было не из приятных, лекарство Марцелла спасло меня от новой порции страданий.

– Эмметт! – вскричала я, упираясь руками в его грудь.

– То, что ты зовешь меня по имени, заводит еще сильнее, – он снова придвинулся к моему лицу.

– Постой, постой, я буду танцевать с тобой! – нервно проговорила я, с силой стиснув веки, – Только не делай так больше, пожалуйста!

– Я прощаю тебя в последний раз, – я почувствовала, как его губы касаются моей щеки. По моей спине пробежала нервная дрожь. – Тогда, увидимся после ужина.

Он снова поцеловал меня в щеку и скрылся за дверью своей спальни. Я постояла в коридоре пару мгновений, пытаясь прийти в себя, после чего направилась к себе.

Времени до момента похода к Катрин у меня теперь было

много. Было странно, что Марцелл каждый раз уменьшал количество ее посещений за день. Если она сказала мне правду насчет лекарства, возможно скоро ей станет лучше, и я узнаю, как сбежать из этого поместья.

Я подошла к туалетному столику, всматриваясь в свое отражение в зеркале. Вид у меня был измученный и очень усталый. Я вздохнула и отвела глаза. Мой взгляд упал на фотографию в рамке, стоящую на столике. Я взяла ее в руки, рассматривая. Это было первое фото, которое я видела в этом доме.

Изображение было черно-белым и довольно мутным, словно сделанное на очень дешевую камеру. Несмотря на то, что ее защищала рамка со стеклом, фотография была потерянной и казалась очень старой. С нее на меня смотрела семья.

Красивая, довольно молодая женщина с уложенными в причудливую прическу темными волосами стояла рядом с мужчиной. В отличие от нее, он был неказистым, лысоватым, с крупным носом. Он казался гораздо старше женщины, и мог по возрасту приходиться ей отцом. Но что-то в их позах и выражениях лиц выдавало семейную пару. Помимо них, на фотографии были дети. Четыре мальчика и девочка.

Старший сын был довольно взрослым, возможно, ему уже минуло восемнадцать лет. У него было спокойное серьезное лицо и светлые аккуратно уложенные волосы. Он стоял между родителями.

Рядом с ним был еще один ребенок, по-видимому, второй

по возрасту сын. Он робко улыбался, держа одной рукой ладонь старшего брата, а второй сжав пальцы матери.

Двое других мальчиков были примерно равны по возрасту. Один из них стоял возле матери, второй рядом с отцом. Первый держался за рукав женщины и смотрел в камеру с улыбкой. Второй же выглядел отчужденным, его голова была наклонена так, что глаз почти не было видно. Отец обнимал его за плечи, но, кажется, мальчик не был этому рад.

Самой младшей на фото была белокурая девочка лет пяти, которую мать прижимала к себе свободной рукой.

Я долго всматривалась в фотографию, но плохое качество мешало мне как следует рассмотреть лица изображенных на ней людей.

Я открыла рамку и вытащила фото, в надежде, что так будет лучше видно. Изображение было настолько старым, что едва не крошилось у меня в руках. Я осторожно перевернула фотографию, и мое сердце оборвалось.

На обороте черными чернилами было выведено: «Джеральд и Вивианн с детьми. 1859»

– Вивианн, – прошептала я, снова и снова перечитывая это имя. Я вновь уставилась на фотографию, внимательно всматриваясь в лица.

Теперь, когда я сделала это удивительное открытие, мне стало казаться, что старший сын на изображении удивительно походил на Марцелла. По всей видимости, передо мной была фотография предков семейства, живших в поместье

более, чем полтора века назад.

Изучив фото еще раз, я бережно убрала его обратно в рамку и поставила на столик.

Горничная уже перенесла мои вещи в новую комнату и застелила постель. Посмотрев еще раз на часы, я решила принять ванну и немного расслабиться.

Потянув на себя ручку белой боковой двери, я, как и ожидала, попала в ванную комнату. По всей видимости, у каждого члена семьи она была индивидуальной, рядом со спальней.

Помещение было совсем небольшим, но очень уютным. Из большого зеркала на стене на меня смотрело собственное лицо, ниже располагался изящный умывальник. Я смотрела несколько мгновений на свое отражение, после чего повернулась к ванне. Набрав воду и добавив в нее несколько душистых смесей из бутылочек, я осторожно сняла одежду и принялась разматывать бинты. Одной рукой делать это было крайне неудобно, и я потратила, по меньшей мере, минут двадцать, пока полностью выпуталась из них.

Опустившись в ванну, я испытала облегчение. Горячая вода расслабляла, прогоняя дискомфорт в теле и переживания в голове. Мысли стали вязкими и тягучими, лениво перекатываясь в моем сознании. Я закрыла глаза, на мгновение забыв обо всем, что происходит со мной в этом доме.

Мне вспомнилась моя прежняя беззаботная жизнь. Как далеко теперь было все это. Казалось, прошла целая веч-

ность с того дня, как я впервые переступила порог поместья. Хотя я не провела здесь и недели. Что будет со мной теперь?

Глава 14.

Я открыла глаза и увидела, как вода постепенно окрашивается в красный цвет от моих порезов. Старательно игнорируя это, я принялась рассматривать узоры на стенах. Впервые за долгое время я позволила себе расслабиться. Мне было страшно, но одновременно с этим совершенно не хотелось думать о проблемах. Моя жизнь словно разделилась на «до» и «после». Я вспомнила день, когда впервые попала сюда. Какие мысли тогда были в моей голове? Я переживала, что долго не могу найти работу. Вспомнив об этом, я горько усмехнулась. Какой мелочью сейчас мне это казалось.

Я просидела в ванне около часа, пока вода в ней не стала неприятного мутно-розового цвета. Я нехотя вылезла и, обернувшись в полотенце, поплелась в спальню. Распахнула дверцы шкафа, и замерла в растерянности. Передо мной висели длинные платья, напоминающие те, что я видела в своей предыдущей комнате. Но что-то сильно отличалось в этот раз. Я извлекла одно платье, рассматривая.

Оно было пышным, красивым и очень тяжелым. Белое кружево потемнело от времени, отчего наряд казался грязным. Голубые банты и ленты были блеклыми и выцветшими. Пахло это платье так, словно провисело не один десяток лет в этом шкафу.

Мне совсем не хотелось облачаться в такую одежду, но

спускаться на ужин в полотенце, хотелось еще меньше. Взглянув на платье повнимательней, я обнаружила еще одну проблему. Талия наряда была такая тонкая, что я едва ли смогла бы в него втиснуться. Осмотрев остальную одежду, я пришла к выводу, что она была сшита аналогичным образом.

Раздраженно фыркнув, я захлопнула дверцу шкафа и накинула на себя свое рабочее платье. Я улеглась на постель, пытаюсь придумать, как скоротать свободное время. Выходить из комнаты мне не хотелось, поэтому я принялась бесцельно рассматривать витиеватые узоры на потолке.

Стук в дверь вернул меня к действительности.

– Алекса, повар приготовил мороженое, – в спальне появился Эмметт, – ты ведь любишь сладкое?

Не успела я ответить, как он оказался возле меня.

– Ты что, сняла бинты? – он склонился надо мной с озадаченным видом, – кажется, твоя рана открылась.

Он указал на кровавое пятно, появившееся на моей груди. Обезболивающее Марцелла оказалось таким сильным, что я не чувствовала никакого дискомфорта.

– Не стоит быть такой беспечной, ты ведь не хочешь, чтобы в твой порез попала инфекция? И да, кстати, ты уже решила, в чем будешь танцевать со мной?

– Ну... я могла бы надеть то платье, в котором ужинала в первый день...

– Какая ты скучная, – Эмметт подошел к шкафу и распахнул его. Его лицо было сосредоточенным и задумчивым, –

Да, эту одежду давно никто не носил. По крайней мере, большую ее часть.

Он повернулся ко мне, окинув взглядом.

– Ты выше ростом, чем она и чуть крупнее, – сказал он, обращаясь скорее к самому себе, – но что-нибудь мы тебе подберем.

– Я не влезу ни в одно из этих платьев, Эмметт, – мрачно сказала я.

– Да, но женщины прошлых столетий вполне успешно влезали в такие платья. Хочешь знать, в чем был их секрет? – он улыбнулся, – они носили корсеты. Я попрошу свою горничную, чтобы она помогла тебе с этим.

– Какой корсет, Эмметт, посмотри на это, – я ткнула пальцем в алое пятно на груди, – Ты хочешь, чтобы все стало еще хуже?

– Тебе понравится, поверь мне. Это будет лучший вечер в твоей жизни, – его глаза смотрели на меня насмешливо. Он прошел по комнате, осматриваясь. Его взгляд остановился на туалетном столике.

Я молча наблюдала за ним, нахмурившись. Что у него за странная одержимость прошлыми веками? Все их поместье и так было отражением девятнадцатого века. Никто из братьев даже ни разу не пользовался смартфоном при мне, и я вообще не была уверена, что они у них имелись.

Проследив за его взглядом, я вспомнила про изображение.

– Я увидела там фотографию, – сказала я, кивнув на столик.

– Да, это семейное фото, – ответил Эмметт после короткого молчания, – Возможно, ты даже узнала некоторых людей на нем, да?

Он взял в руки рамку и подошел ко мне, усаживаясь рядом.

– Мы здесь совсем юные. Это матушка, – он указал пальцем на женщину, – Отец, – его палец переместился на мужчину рядом с ней. Что-то в лице Эмметта напряглось на мгновение, затем он повернулся ко мне, улыбаясь, – Сможешь найти меня?

Я смотрела ему в глаза, не в силах вымолвить ни слова. Внутри у меня все напряглось. Это что, какой-то розыгрыш? Я точно помнила дату, стоящую на обороте снимка. Мозг лихорадочно соображал, но к счастью, мою заминку Эмметт воспринял по-своему. Он усмехнулся, понимающе кивая головой.

– Да, я иногда и сам не верю, что это я, – он указал на скромного мальчика лет пятнадцати, стоящего между женщиной и светловолосым парнем. – Посмотри, каким я был. Как давно это было.

Он мечтательно улыбнулся, вглядываясь в фотографию. Я рассеянно смотрела на него. В моей голове возникали все новые вопросы, но я не решалась их озвучить. Едва я собралась с духом, и открыла рот, как он поднялся на ноги.

– Идем, нас ждет мороженое, – он поставил рамку обратно на столик и протянул мне руку.

– Но, Эмметт, если это ваше семейное фото, то как?..

– Алекса, старые снимки интересуют тебя больше, чем мороженое? В таком случае, я съем твою порцию.

Он схватил меня за руку, игнорируя мои слабые попытки сопротивляться, и потащил меня из комнаты.

– Я заметил, что ты постоянно пропускаешь полдни, – сообщил он с укором, – Даже если ты нас ненавидишь, разве это может помешать наслаждаться вкусной едой?

– Я была занята, у меня много работы и прочих хлопот, – ответила я растерянно.

– Я не верю тебе. Постой здесь, я попрошу служанку снова перевязать тебя. – Эмметт остановился перед комнатами прислуги. Он помедлил, окинув меня взглядом, – Только больше не снимай бинты, хорошо? По крайней мере, до нашего бала. А потом можешь истекать кровью, если хочешь.

Он усмехнулся и скрылся за дверью, оставив меня в одиночестве. Я опустила глаза, рассматривая алое пятно на одежде. Удивительно, но я совсем не испытывала страха при виде своей окровавленной груди. Почти с безразличием отметив, что пятно стало больше, я подняла глаза, осматриваясь. Мой взгляд зацепил картину, висящую возле двери. Я подошла ближе, рассматривая ее.

На ней была изображена девушка с золотыми волосами, достающими до середины спины. На ее бледное лицо падала

ть, и хотя она смотрела прямо на наблюдателя, рассмотреть черты не представлялось возможным. Она тянула руку к кому-то перед собой, словно прося забрать с собой. Я внимательно всмотрелась в ее лицо. Ее ярко-голубые глаза были единственной деталью, которая выделалась на нем. Казалось, она смотрит прямо на меня, и от этого ощущения по моей спине прокатилась неприятная дрожь.

– Скучаешь? – раздался голос за моей спиной. Я с усилием оторвалась от необыкновенных голубых глаз девушки, и, обернувшись, увидела точно такие же. Эмметт стоял, привалившись к стене, рассматривая меня с легкой усмешкой.

– Кто это? – кивнула я в сторону портрета.

– Это просто картина, Алекса, – улыбка на губах среднего брата стала шире, – С чего ты решила, что я знаю ответ?

Я нахмурилась.

– Я попросил горничную зайти к тебе через час. А теперь идем.

В столовой нас ожидал Родерик. Он нежно улыбнулся, увидев меня, и от этого по моей спине побежала неприятная дрожь. Я опустилась на свое место. Помимо нас в столовой сновал повар. Едва Эмметт сел, как тот тут же подскочил к нему.

– Я буду три шарика, и добавь фрукты и шоколад.

Повар учтиво кивнул и повернулся ко мне. Вся вежливость и почтение тут же испарились из его лица. На меня, в отличие от братьев, он косился презрительно, словно я была

грязью на его идеально чистом кухонном столе. Мы молча смотрели с ним друг на друга, после чего Эмметт подал голос.

– Ей тоже принеси три. Ты любишь сладкое, Алекса?

– Ну... да, – нерешительно ответила я.

– Тогда ей тоже с шоколадом и фруктами.

Повар снова склонил голову и исчез. Через несколько минут передо мной и Эмметтом возникло по фарфоровой мисочке и мороженым. Точно такая же стояла перед Родериком. Его мороженое было полито чем-то алым. Мне стало не по себе. В этот момент он поднял голову, и наши взгляды пересеклись. Я с трудом оторвалась от его жутких глаз и снова устала на его мисочку. Красный соус медленно стекал по ванильным шарикам. Память услужливо и совершенно не к месту нарисовала растерзанное, окровавленное тело Дэйны.

– Это клубничный джем, – сказал Родерик, разглядывая мое лицо, – Хочешь попробовать?

– Нет, спасибо, – нервно отозвалась я. В голове неприятно пульсировало. Кажется, я начинаю сходить с ума, и совершенно все в этом доме кажется мне жутким и неправильным.

Я схватила ложку и устала на свою порцию. Мороженое было щедро усыпано кусочками киви, банана и клубники. Разноцветные пятна расплывались перед глазами, я тряхнула головой, чтобы прийти в себя.

Рассеянно поковыряв в своей мисочке, я отложила ложку. Аппетита у меня совсем не было, и все три шарика незна-

дежно растаяли и превратились в кашу.

– Что с тобой? Ты не любишь мороженое? – Эмметт с наслаждением облизнул ложку и отодвинул пустую мисочку. – Надеюсь, танцевать со мной тебе понравится больше. Увидимся за ужином.

Эмметт подмигнул мне и поднялся на ноги. Когда он вышел, я тоже встала, намереваясь вернуться в свою спальню.

– Алекса, – я остановилась, глядя на Родерика. Он смотрел на меня, склонив голову, – возможно, скоро мы расстанемся. Я хочу еще раз сыграть тебе на скрипке, прежде чем это произойдет.

– Что? – я уставилась на него растерянно. Он поднялся из-за стола и прошел мимо, не удостоив меня ответом. Уже на пороге он остановился:

– Постарайся не умирать подольше, ладно?

Его слова вонзились мне в сердце ледяными иглами. По спине побежал холод, и я с ужасом повернулась к нему лицом. Пару мгновений я молча смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Он скользнул взглядом по пятну крови на моей груди, развернулся и вышел в коридор, оставив меня наедине с моими мыслями.

Я побрела к себе, чувствуя полное опустошение внутри. Присев на кровать, я закрыла глаза, пытаюсь решить, что делать дальше. Пузырек с лекарством в кармане платья неудобно впился мне в бок. Я вытащила его, рассматривая. Что за жидкость в нем находится? Флакончик мутно поблескивал в

моих руках.

Я вздохнула и положила его обратно. Без телефона я не смогу сбежать из этого поместья, а забрать его пока не представлялось возможным. Я поднялась на ноги, нарезая круги по комнате. Каждый раз, когда я оставалась одна, в моей голове возникало множество вопросов. Я боялась что-то предпринимать, ведь все мои попытки изменить ситуацию оканчивались провалом. Но слова, сказанные мне Родериком, окончательно выбили меня из колеи.

Я хотела попробовать поговорить с Дэйной, но не была уверена, что та пришла в себя и вообще захочет меня видеть.

– Это все из-за меня, – прошептала я, вновь вспомнив события сегодняшнего утра. Я не сомневалась, что до конца жизни не смогу забыть ее пустых глаз и огромной лужи крови, расплывающейся возле нее. Я вздрогнула и постаралась отогнать эти мысли.

Я вновь подошла к туалетному столику, бросив взгляд на фотографию.

– Вивианн... Почему они представили мне Катрин этим именем?

Из соседней спальни раздались чарующие звуки скрипки. Но они не успокаивали, а внушали мне еще большее беспокойство. Я беглым взглядом осмотрела столик, в надежде найти еще какую-нибудь зацепку. Но помимо фотографии, там не было ничего интересного. Тогда я принялась выдвигать ящики. Быть может, мне удастся найти что-то о преж-

нем владельце комнаты?

Я выдвинула очередной ящик, в полной уверенности, что он тоже окажется пустым, и замерла. Сердце пропустило удар, когда я увидела на дне какую-то книжку в темном кожаном переплете.

Подрагивающей от волнения рукой я извлекла предмет. На обложке не было никаких пометок, книжка была пухлой, с пожелтевшими страницами. Она была стянута бечевкой, и я неумело принялась ее развязывать. Сердце мое колотилось в груди, я напряженно прислушивалась к звукам, надеясь, что никто из братьев не решит ко мне наведаться.

Наконец бечевка поддалась, и я высвободила книжку. Распахнув ее посередине, я с удивлением увидела рукописный почерк. Бегло просмотрев записи, я поняла, что держу в руках чей-то дневник. С новым приливом волнения, я открыла первую страницу.

Глава 15.

На внутренней стороне обложки значилось имя владелицы.

– Элеонор, – прошептала я. От волнения я не сразу вспомнила, откуда знаю это имя. Но мгновение спустя, память выдала мне события прошлой ночи, и жуткого вида парня на чердаке, зовущего меня этим именем.

Почувствовав странный азарт, словно вторгаюсь во что-то запретное, я принялась читать записи. Дневник был очень потрепанным и старым, некоторые страницы были покрыты такими пятнами, что невозможно было разобрать написанное. Первая запись была написана разборчиво, и значилась 17 июля 1867 года. Я старательно напрягла глаза, всматриваясь в рукописные мелкие буквы.

«Сегодня мне минуло тринадцать лет. После смерти ма-тушки и отца, я редко праздновала свои дни рождения, но этот день был другим. Я получила подарки от моих братьев, и они очень мне полюбились. Марцелл подарил мне чудесную книгу о девочке, вроде меня. Я пока не читала ее, но скоро начну. Эм подарил мне милый голубой бант с кружевом, который я смогу носить с любимым платьицем. Он сказал, это под цвет моих глаз. От Лестера я получила портрет. Лестер любит рисовать меня, говорит, я хорошо выхожу на его картинах. Родерик мне ничего не подарил, но он был мил

ко мне сегодня, чему я рада больше, чем любому подарку.»

С замиранием сердца я прочитала в этих строках знакомые имена. Это казалось мне странным и неправильным, но в голове постепенно начала вырисовываться картина происходящего. Я схватила фотографию со столика и прочитала вновь дату, стоящую на ней.

– Что же это такое?..– прошептала я, вглядываясь в лицо маленькой белокурой девочки на изображении.

Вернувшись к дневнику, и перевернув страницу, я увидела, что следующие несколько записей были безнадежно чем-то запачканы. Пролистав дальше, я смогла разобрать еще один небольшой кусок.

«... играли возле озера. Он снова делал мне больно, но велел молчать. Я терпела, потому что иначе он сердится. В прошлый вторник он нашел острый камушек и велел носить мне его в тифле. Марцелл увидел, что я стала хромать, и наказал его...»

Я спросила у Эма, отчего Родерик так не любит меня. Но он не ответил мне, и принялся меня пугать.

Иногда мне бывает одиноко. Мне кажется, будто никто в целом мире меня не принимает. И тогда я плачу и вспоминаю матушку. Матушка была очень добра ко мне. Она не отходила ни на шаг от меня, даже когда совсем заболела и стала другой.»

Я перевернула страницу, поглощенная чтением.

« 5 сентября 1867. Кухарка порадовала меня сладкой ка-

шей с утра. Она думает, я очень грущу, и старается быть добра ко мне. Эм поймал мышь в подвале и пугал меня ею. Я не обижаюсь, но мне было очень страшно...

Сегодня я снова вспоминала о матушке и отце. Отчего-то отец никогда не проводил со мной времени, наверное, у него было много дел. А матушка, помнится, говорила, что я у нее любимица.

После смерти дядюшки, она не отпускала меня от себя. Смотрела на меня подолгу, и плакала. Мне было жалко ее, даже сейчас слезы наворачиваются, но я не знала, отчего она плачет. Сейчас-то я понимаю, что я похожа была на покойного дядюшку, и оттого ей было грустно. Мне тоже было бы грустно, если бы кто умер из моих братьев.»

Следующие несколько страниц были склеены, и мне пришлось их пропустить.

«14 декабря 1867. Я читала книжку, что подарил мне Марцелл на день рождения. Она про девочку по имени Алиса, что попала в волшебный мир. Мне нравится эта история. Я попросила Лестера нарисовать Алису. Он любит рисовать, у него даже есть холст и краски. У него выходит все лучше, а я совсем не умею рисовать...»

Я увлеченно читала, забыв о времени. Записи шли одна за другой, они были короткими и не особо содержательными, но практически каждая из них заставляла меня напряженно хмуриться.

Я перелистнула очередную страницу, оставив позади

несколько десятков записей.

«28 мая 1869. День начался хорошо. Родерик и Лестер взяли меня с собой играть. Они не часто играют вместе, но в этот раз они пошли на озеро ловить рыбу. Родерик снова меня обижал. Он ударил меня по ногам палкой несколько раз, когда Лестер не видел. И велел молчать. Я и молчала, под платьем не видно. Но служанка жалеет меня, когда помогает одеваться. Лестер не заступает за меня, он все больше рисует. Иногда заставляет меня стоять для его картины по нескольку часов. Говорит, я хорошо выхожу на портретах...

На прошлой неделе Эм снова пугал меня, и я побежала на чердак прятаться. Там я случайно увидела, как Марцелл рисует на полу странные круги белым мелом и капают воском на них. Я испугалась, что он увидит меня и примется ругать, но он меня не заметил. Марцелл велит не вмешиваться в то, чем он занимается. Мне очень страшно, теперь я не хожу на чердак.»

Я перевернула страницу и снова углубилась в чтение, чувствуя нарастающее беспокойство. Сердце нервно колотилось, отдаваясь звоном в висках.

«9 июля 1869. Марцелл ругался на меня сегодня. Я никогда не перечу ему, как он и велит, но сегодня он ругался для порядка. Он говорит, матушка велела ему заботиться обо мне, и он заботится...

Я часто вижу ее во сне. Она была красива, матушка. Я совсем не похожа на нее, а на отца и того меньше. Матушка

очень меня любила. Они с отцом ругались много, и тогда я плакала. Но тихонько, чтобы не слышал никто.»

Мелодия за стенкой утихла, но я, поглощенная дневником Элеонор, этого даже не заметила.

« 16 октября 1869. Сегодня Марцелл забрал один из моих портретов, чтобы отправить моему будущему мужу. Я не знаю, кто этот человек, мне не велено видеться с ним. Эм сказал, что он старик и очень некрасив, но я надеюсь, он говорит это нарочно. Лестер очень рассердился на Марцелла, и не хотел давать мой портрет.

Лестер всегда хмурится, когда заводится разговор о моем будущем, и делается еще более нервным, чем всегда. Он хороший, Лестер, и почти всегда добр ко мне. Но он часто бывает очень обидчив на меня, хотя я стараюсь быть с ним мила. Недавно он ударил меня по лицу, когда услышал, что Эм назвал меня хорошенькой. Эм не очень добрый, он часто обижает меня, пока не начну плакать. Но как видит мои слезы, перестает меня пугать. Оттого я стараюсь поскорее заплакать. Сегодня я плакала особенно много, даже служанка меня жалела. Я совсем не хочу замуж...»

Внезапный стук в дверь вернул меня к действительности. От неожиданности я выронила дневник Элеонор.

– Войдите, – крикнула я, поспешно засунув книжечку под подушку. В спальне появилась горничная, которая перевязывала мне раны утром. В руках она держала корзинку с бинтами и какими-то бутылочками.

Подойдя ближе, девушка мягко толкнула меня на кровать. Я послушно села. Она расстегнула мое платье и занялась раной. Я устала на стену, чувствуя себя беспомощно и неловко. Наверное, тоже самое испытывает Катрин, когда я вожусь с ней. Я никогда не думала об этом прежде, и в этот момент испытала к ней новый прилив жалости.

«Что же с ней произошло?.. Что они сделали с вами, Катрин?..»

А что если я просто поверила сумасшедшей старой женщине, которая потеряла рассудок из-за болезни?

Горничная туго стянула мою грудную клетку бинтом. Я посмотрела на нее, и мы пересеклись взглядами. Ее единственный глаз смотрел на меня с нескрываемым любопытством. Это настолько отличалось от того, как вела себя Дэйна, что я невольно впала в ступор.

– Тебе здесь нравится? – спросила я. Я не слишком надеялась на ответ, но к моему удивлению, девушка улыбнулась и кивнула.

Я устала на нее с непониманием. Она явно не пыталась убежать из этого места, и на ней не было никаких видимых повреждений. Кроме одного.

– Что случилось с твоим глазом? – я указала на повязку. Улыбка исчезла с лица горничной, она резко поднялась на ноги, и, поклонившись, вышла из спальни. Проводив ее взглядом, я снова вытащила дневник Элеонор. Пролистав его, я увидела вложенную фотографию, которую не заметила

в прошлый раз. Она была такая же старая, как и та, что стояла на комодке. Взглянув на нее, я увидела молодую девушку. У нее было миловидное личико, светлые волосы, завитые на концах и пышное длинное платье. Ее лицо не выражало никаких эмоций, в глазах застыла грусть и покорность судьбе. Я сразу поняла, что на фото запечатлена хозяйка дневника.

– Так вот ты какая, Элеонор, – пробормотала я, рассматривая ее. Я внимательней взгляделась в ее наряд, и почувствовала, как у меня заколотилось сердце. Отложив дневник, я бросилась к шкафу. Из кучи старых кружевных нарядов я извлекла один и бросила на кровать. Сверившись с фото еще раз, я поняла, что передо мной лежит то самое платье, что и на изображении.

На черно-белом снимке оно смотрелось роскошным и дорогим, в живую же представляло собой грудку ткани грязно-розового цвета, украшенную рюшками и бантами.

Странная одержимость окружающих прошлыми веками, старинная одежда и даты в дневнике и на фото натолкнули меня на единственную логичную мысль.

«Хочешь, чтобы я надела одно из этих платьев, Эмметт? Хорошо, я сыграю по твоим правилам», – подумала я со злостью.

Едва ли я сумела бы повторить прическу, которая была на снимке, но завить мои длинные волосы, было вполне реально.

Наконец-то я начала понимать происходящее. Внезапное

осознание того, в какие игры здесь играют все окружающие, пугало меня еще больше, чем неведение, в котором я находилась прежде. Но путей к отступлению у меня не было.

Я спрятала дневник Элеонор под подушку, а найденную в нем фотографию бережно положила в карман. Бросив взгляд на часы, я направилась к Катрин.

В коридоре я столкнулась с Родериком. Он стоял в дверях своей спальни. Когда я появилась, он уставился на меня внимательным грустным взглядом, и я поняла, что он ждал меня.

– Спасибо, что сыграл для меня снова. Твоя музыка очень красивая, – выдавила я, улыбаясь. Мне совершенно не хотелось, чтобы он вновь начал свои издевательства надо мной. Мое сердце нервно билось о грудную клетку, пока он молча смотрел на меня. Затем, на его лице появилась слабая улыбка.

– Побудь со мной.

– Я очень хотела бы, – солгала я, чувствуя, как предательски дрожит голос, – но я должна сейчас идти к Вивианн. Мне нужно работать, Родерик, ты это знаешь.

Он снова замолчал, рассматривая меня.

– Ты мне нравишься, Алекса, – сказал он, наконец, – Очень сильно. И ты мила со мной. Ты не похожа на других.

– Тогда тебе будет больно, если со мной что-то случится? – осторожно спросила я, вспомнив его слова, сказанные мне в столовой.

– Все когда-нибудь умрут, – сказал он спокойно, – Возможно, тебе повезет, и ты останешься с нами надолго. И тогда я смогу проводить с тобой столько времени, сколько захочу.

«Что он имеет в виду?» – крутилось у меня в голове.

– А если нет, – продолжил он, – тогда я буду это делать, пока ты с нами.

Я нервно сглотнула, глядя на него. У меня не было никакого желания попытаться у него что-то выяснить, и те слова, которые он говорил, лишь пугали и ставили в тупик еще больше.

Я сделала шаг назад.

– Я пойду, Родерик. Увидимся за ужином.

Он бросил на меня печальный взгляд и скрылся за дверью своей спальни.

Я подошла к комнате Катрин.

Она лежала на постели, безразлично глядя в потолок. Когда я вошла, она повернула голову в мою сторону.

– Как вы себя чувствуете? – я наклонилась к ней, всматриваясь в ее лицо. Ее карие глаза все еще выглядели мутными и стеклянными. Я отвернулась. – Идемте купаться.

Я пересадила ее в коляску и покатила в ванную комнату. Сердце мое нервно колотилось в груди. Включив воду, я вновь повернулась к Катрин.

– Я на вашей стороне, вы это знаете, правда? – я присела на корточки перед ней. Ее белое лицо не выражало никаких

эмоций. – Пожалуйста, помогите мне. Я начинаю понимать, что происходит в этом доме...

Я осеклась и беспокойно скосила глаза на дверь. Мне показалось, что я слышала какое-то движение снаружи. Помолчав мгновение, я продолжила, понизив голос:

– Катрин, я верю вам. Я... вы меня слышите?

Она скользнула взглядом по моему лицу. Ее глаза смотрели на меня устало.

– Давно вы в таком состоянии? – спросила я.

Она напряженно сомкнула веки, словно мои вопросы были назойливыми мухами, выющимися возле нее.

– Я понимаю, вам неприятно отвечать... Но вы должны. Поймите, я не смогу вам помочь иначе, – я осторожно коснулась ее руки. Она с усилием открыла глаза и уставилась на меня. Даже сквозь мутную пелену, ее взгляд казался холодным и жестким. Она смотрела на меня некоторое время, затем медленно качнула головой.

– Вы... недавно стали такой, – я почувствовала, как мои внутренности сжались. Переведя дыхание, я снова посмотрела на нее, – Это они сделали вас такой? Ваши сыновья.

Теперь она кивнула почти сразу.

– Но зачем? Я знаю, что они сумасшедшие и играют в какие-то безумные игры. Вот, посмотрите...

Повинуясь внезапному порыву, я вытащила фотографию Элеонор из кармана.

– Вы знаете, кто это? – спросила я, поднеся изображение

к лицу Катрин. Ее глаза безразлично скользнули по снимку, после чего она устало прикрыла их и медленно, с усилием качнула головой.

Я спрятала фото в карман, обдумывая полученную информацию. Бросив взгляд на ванную, я с ужасом увидела, что та наполнилась почти до краев. Я подорвалась с места и быстро закрутила кран.

Глава 16.

Искупав Катрин, я одела ее и покатила обратно в спальню. Мои мысли были заняты тем, что я узнала за сегодня. Голова кружилась от избытка противоречивых фактов, едва мне начало казаться, что я приближаюсь к истине, как выяснилось, что я запуталась лишь сильнее. Но в одном я была уверена. Неважно, какие причины толкнули братьев приковать к постели собственную мать, неважно, что Эмметт считал себя человеком, запечатленным на фото девятнадцатого века. Очевидно было то, что оставаться дальше в этом поместье я не могла.

Я уложила Катрин в постель, и дала ей бульон. Она морщилась и пила его с явным отвращением.

– Отдыхайте, – сказала я, поднимаясь на ноги.

Впереди был ужин, после которого меня ждал бал с Эмметтом. Я прекрасно понимала, что ничего хорошего там не произойдет. Но выбора у меня не было. Я спустилась на первый этаж и направилась в столовую.

Почти дойдя до двери, я услышала голоса. Невольно замерев на месте, я прислушалась.

– ... это было бы гораздо полезнее, чем твои бессмысленные игры с ней, – донесся до меня безразличный голос Марцелла.

– У нас ведь есть и другие источники, – со смешком отве-

тил ему Эмметт. – Эти глупые нищие женщины готовы пойти куда угодно за богатым парнем. И самое приятное, что их никто не станет искать.

– Не следует вести себя так беспечно. Твои поступки подставляют нас всех.

– О чем ты говоришь, Мар? Разве я стараюсь не ради нас?

– Хватит. Сосредоточимся на нашей цели.

Я с замиранием сердца слушала их диалог. Они говорили достаточно тихо, и мне пришлось осторожно приблизиться к двери, чтобы было лучше слышно.

– Что ты делаешь? – раздался голос за моей спиной.

Я подскочила от неожиданности и испуга. Родерик стоял прямо позади меня, глядя на меня с привычной грустью.

– Ты подслушиваешь, Алекса? – спросил он, рассматривая меня.

– Н-нет, – быстро соврала я. В горле пересохло от волнения, и мой ответ прозвучал хрипло и совершенно неубедительно. Голоса в столовой стихли, и было очевидно, что Марцелл и Эмметт замолчали, прислушиваясь.

Я быстро отвернулась от младшего брата и толкнула дверь. Пытаясь придать своему лицу невинное выражение, я прошла к столу и опустилась на свое место. Родерик молча последовал за мной. В напряженной тишине мы принялись за еду. Мое сердце колотилось, а щеки предательски пылали под взглядами всех троих.

«Надеюсь, после того, что я услышала, они не захотят из-

бавиться от меня как можно быстрее», – напряженно думала я, ковыряя в своей тарелке.

Мой взгляд зацепил раскрытую книгу, лежащую перед Марцеллом. В ней были странные символы, похожие на виетиеватые узоры неправильной формы. Я вгляделась внимательней, в попытке рассмотреть их получше, как вдруг старший брат захлопнул книгу. Я подняла взгляд и пересеклась с его безразличными холодными глазами.

Почувствовав нервный спазм внутри, я опустила голову и уставилась в свою тарелку.

Закончив еду, я выскользнула из-за стола, в надежде прошмыгнуть в свою комнату и избежать танцев с Эмметтом. Но едва я успела выйти в коридор, как он перехватил меня.

– Ты так спешишь, чтобы быстрее нарядиться для меня? – ласково пропел он, крепко вцепившись в мое запястье.

– Э... я себя чувствую плохо, Эмметт. Может быть, потанцуем в другой раз? – выдавила я напряженно. Улыбка на его лице медленно увяла, пока я лепетала отговорки. Его голубые глаза сверкнули.

– Другого раза может не быть, Алекса. Ты меня так сильно ненавидишь?

– Нет, просто...

– Ты должна быть благодарной, – он обхватил свободной рукой мою талию и притянул меня к себе, – Я ведь стараюсь развлечь тебя.

– Отпусти меня, – нервно проговорила я, пытаясь его от-

толкнуть.

– Знаешь, что я хочу в качестве благодарности? – продолжил он, совершенно игнорируя мои сопротивления. Сердце нервно екнуло, когда я поняла, что он имеет в виду. Я в ужасе уперлась руками в его грудь. На его лице появилась улыбка, – Правильно, я хочу твой глаз. Как приятно, что ты уже запомнила мои повадки. Так что, Алекса, выбирай – я могу забрать твой глазик и избавить тебя от обременительной необходимости танцевать со мной. Либо тебе все же придется быть моей дамой сегодня.

Я замолчала, напряженно думая, что мне делать, пока он прижимал меня к себе.

– Хорошо, – сказала я, наконец, – Только пообещай, что не будешь трогать мои глаза.

– Ставишь мне условия? – улыбка на его лице стала шире. Голубые глаза смотрели на меня с таким холодом, что я невольно поежилась.

– Нет, Эмметт, – ответила я осторожно, – просто ты обещал, что этот вечер станет для меня лучшим в жизни. Я хочу запомнить его именно таким.

Он помолчал немного, глядя на меня с насмешкой:

– Свою сладкую ложь оставь для Рода.

– Ты откажешь своей даме в такой маленькой просьбе? – я чувствовала, как колотится мое сердце. Моя внезапная нахальность могла как помочь, так и окончательно испортить ситуацию.

– Я поражен, – Эмметт рассмеялся, глядя на меня с восторгом, – ты довольно забавный человек, Алекса. Я не ошибся в тебе.

Он наклонился к моему уху, отчего у меня по спине прокатилась нервная дрожь.

– Ладно, будем считать, что ты впечатлила меня. Я не буду трогать твои глазки. Но не заигрывайся со мной слишком сильно, – он был так близко, что его губы практически касались моего уха. Меня буквально парализовало от напряжения, – ты ведь проиграешь.

Он выпустил меня и пошел по коридору.

«Может, это и к лучшему, – думала я, глядя ему в спину. – Возможно, мне удастся вывести его на чистую воду».

Я опустила руку в карман и коснулась фотографии Элеонор. Почти дойдя до конца коридора, Эмметт остановился.

– Поторопись, Алекса, – сказал он, – у тебя есть полчаса. Если опоздаешь, я не гарантирую тебе выполнение моего обещания.

Я устремилась в свою спальню. Там меня уже ожидала горничная с повязкой на глазу. Она смотрела на меня с любопытством. Я понимала, что бесполезно пытаться с ней заговорить. По какой-то непонятной причине, она не считала себя пленницей и жертвой, как Дэйна.

Девушка кивком указала на платье, лежащее на кровати.

– Да, я хочу надеть его, – ответила я на ее немой вопрос.

Я стойко вытерпела облачение в корсет. Мои внутренне-

сти, казалось, сжались в несколько раз, и сделать более-менее глубокий вдох больше не представлялось возможным. Пока я пыталась привыкнуть дышать через раз, горничная закрепила странный каркас на моей талии и облачила меня в платье. Голова у меня сильно кружилась, и я едва стояла на ногах.

Пришла в себя я, когда девушка мягко, но настойчиво начала перебирать мои волосы.

– Фото в кармане... моего платья. Сделай прическу, как там, – с трудом выдавила я.

Она послушно извлекла изображение из кармана. Ее глаз быстро пробежал по фотографии. Мягко толкнув меня на кровать, она принялась колдовать над моими волосами. Буквально из ниоткуда у нее в руках возникли щипцы для завивки и заколки, которыми она фиксировала прическу.

– Давно ты здесь? – поинтересовалась я, наблюдая за ней краем глаза. Девушка замерла на мгновение, глядя на меня с изумлением. После чего улыбнулась, и кивнула.

Я нахмурилась. Ее жизнерадостный вид слишком уж противоречил тому, что я видела прежде.

– Ты знаешь Дэйну? Как она?

Горничная покачала головой.

– Пожалуйста, скажи, она в порядке? – не унималась я.

Девушка посмотрела на меня. В ее лице не было сочувствия, жалости, грусти. Ее золотисто-карий глаз смотрел на меня с холодным интересом. Мы смотрели друг на друга

несколько мгновений, после чего она медленно кивнула.

– Такое уже было прежде? На моем месте был кто-то другой?

Горничная улыбнулась, и отвела взгляд от моего лица. Она снова принялась завивать мне локоны.

– Ты не ответишь, – прошептала я, – ты ведь на их стороне, да?

Закончив с моей прической, она сложила заколки и щипцы для завивки в корзинку. Я с трудом поднялась на ноги и неуклюже проковыляла к зеркалу. Осмотрев себя, я изумилась тому, насколько стала схожа с Элеонор. Удивительно, как такое простое преобразование превратило меня в девушку девятнадцатого века.

– Надеюсь, ты будешь доволен, Эмметт, – процедила я, всматриваясь в свое отражение.

Горничная поджидала меня возле двери. Я подошла к ней и вместе мы пошли по коридору. Тяжелое пышное платье и тугой корсет сильно сковывали движения, но я старалась не обращать на это внимания.

Девушка остановилась перед дверью в комнату досуга. Я стиснула зубы, и вошла туда.

Эмметт уже ожидал меня. Когда я появилась в помещении, он улыбнулся и повернулся ко мне. Мне показалось, что его холодные голубые глаза рассматривают меня целую вечность.

– Интересный выбор, Алекса, – сказал он, наконец, – Ты

выглядишь потрясающе. Впрочем, как и всегда.

– Рада угодить тебе, – язвительно отозвалась я.

– Ах, почему ты злишься? Разве это не прекрасное ощущение – почувствовать себя настоящей принцессой?

На его лице играла улыбка. Его голубые глаза почти светились в полумраке комнаты.

– Я чувствую себя кое-кем другим, – сказала я. Мне больше не было страшно, когда я находилась с ним наедине. Все, что я испытывала в данный момент – раздражение.

Эмметт подошел к столику, на котором я увидела граммофон. Я никогда прежде не видела его вживую. Покрутив ручку, он поместил на него пластинку.

– Будем надеяться, музыка и танцы тебя немного расслабят. А если нет... Мне придется придумать что-нибудь эффективней.

Из граммофона донеслась мелодия. Она была нежной и красивой. Я закрыла глаза, чувствуя странное головокружение. Наверное, причиной был тугий корсет, который мешал нормально дышать.

В этот момент рука Эмметта нежно обхватила меня за талию. Второй рукой он сжал мою кисть. Удивительно, но даже в таком состоянии и неудобном платье, танцевать с ним было легко. Он уверенно вел меня, и небольшого пространства комнаты нам вполне хватало, чтобы кружиться в вальсе. Поначалу я спотыкалась и нервничала, но постепенно привыкнув, расслабилась. В этот момент я действительно ощутила

себя графиней на балу.

– Ты быстро учишься, – одобрительно сказал Эмметт.

– А ты где научился так танцевать? – спросила я, глядя ему в глаза. Я не успела заметить, как теперь мы находились намного ближе друг к другу. Я чувствовала, как поднимается и опускается его грудь и ощущала тепло его тела. Пальцы моей левой руки гладили шелк его рубашки. В момент, когда я осознала все это, мои щеки запылали жаром. Я смущенно отодвинулась от него, но он, казалось, только того и ждал. Его рука крепко держала мою талию.

– Я много раз танцевал на балах, – сказал он, прижимая меня к себе еще сильнее, – много лет назад я танцевал под эту музыку с моей невестой.

– У тебя есть невеста? – удивилась я, перестав его отталкивать.

– Была, очень давно. Но мы так и не стали мужем и женой. Видишь ли, тогда произошло кое-что, после чего... женитьба отошла для меня на второй план. И ее выдали замуж за другого.

– О.. сочувствую, – смущенно сказала я, понятия не имея, что на это можно ответить.

– Не стоит, – глаза Эмметта холодно сверкнули, – она была красива и молода, но я не любил ее. Это должен был быть обычный брак по расчету.

– Она была богата? – спросила я, пытаюсь поддержать беседу. Его внезапная откровенность смущала меня не мень-

ше, чем его странный флирт.

– Да, мы оба были богаты, – Эмметт усмехнулся.

– И что с ней сейчас? Она... э.. счастлива?

Голубые глаза внимательно пробежали по моему лицу. Я покраснела еще сильнее, чувствуя, что спросила полнейшую глупость.

– Она давно мертва, – ответил он, наконец. Его голос прозвучал буднично и безразлично, словно он озвучил очевидную вещь. Видя мое замешательство, он добавил скучающим тоном, – это было много лет назад.

По моей спине пробежал холодок. Я снова вспомнила фотографию на столике.

– И как давно это было? – нервно спросила я.

– Ты что, ревнуешь? – Эмметт игриво улыбнулся, – не волнуйся, Алекса, это было достаточно давно, чтобы я забыл даже ее лицо.

Я напряженно замерла, всматриваясь в его глаза. Он издевается надо мной? Или он действительно сумасшедший? Как много лет, по его мнению, прошло? Сто? Сто пятьдесят?

В любом случае, происходящее нравилось мне все меньше. Немного помолчав, я решила углубиться в другую тему:

– Кому принадлежала комната, в которой я живу?

– Ты сегодня задаешь слишком много вопросов, – Эмметт криво усмехнулся, – И почему тебя вдруг это начало интересовать?

– Ты сказал, этот человек давно мертв, – продолжила я,

пропустив мимо ушей его слова.

– Алекса, в разговорах, как и в танцах, я предпочитаю вести, – он сделал шаг назад, отчего я споткнулась и упала на его грудь, – Поэтому, позволь мне сменить тему.

– Но, я ведь...

– Знаешь, твое любопытство меня забавляет. Кажется, оно заводит тебя все дальше. Ты подставила бедную горничную, пусть и не нарочно, пробралась на чердак... да, я знаю, что ты там была, – добавил он, увидев мой испуганный взгляд, – Теперь ты подслушивала мой разговор с Маром. Алекса, как низко ты пала.

– Я не подслушивала, – быстро выпалила я, чувствуя, как колотится сердце.

– Не переживай, все равно ты не услышала ничего важного. Что ты пытаешься выяснить? Кто мы такие? Чем мы занимаемся? На эти вопросы нет ответа. Даже если я расскажу тебе, ты все равно мне не поверишь.

– Я хочу домой, – сказала я. Мой голос прозвучал еле слышно, заглушаемый мелодией, льющей из граммофона. Эмметт наклонился ко мне. Медленно заправил прядку волос мне за ухо.

– Твой дом теперь здесь, – прошептал он.

Я не успела ответить, как внезапно поняла, что что-то не так. Мое тело начало болеть и ныть с такой силой, что я едва не вскрикнула. Сломанные пальцы загудели, дышать стало в несколько раз тяжелее. Я нервно выдохнула, пытаюсь понять,

что происходит.

«Кажется, действие обезболивающего закончилось» – подумала я, стиснув зубы от боли. На глаза навернулись слезы.

– Мм, тебе так хорошо со мной, что ты даже расплакалась? – Эмметт смотрел мне в глаза с насмешкой.

– Н-нет, – с трудом выдавила я, – мне... мне нужен Марцелл.

– Алекса, я начинаю ревновать, – обиженно протянул средний брат, выпуская меня из объятий.

– Мне не до шуток, – я закрыла глаза, пытаюсь справиться с головокружением, – Мне нужно, чтобы он снова дал мне обезболивающее.

– Вот как? Выходит, теперь не только матушка сидит на его лекарствах. Сочувствую.

Мне было так плохо, что я пропустила его слова мимо ушей. Единственным моим желанием было избавиться от невыносимых страданий. Я закусил губу, чувствуя, что вот-вот упаду в обморок. Нежная мелодия из граммофона казалась мне теперь невероятно громкой и ужасной.

– В твоей беспомощности есть что-то чарующее, ты это знаешь? – услышала я голос Эмметта сквозь пелену. Он мягко обнимал меня, пока я кусала от боли губы и пыталась кое-как удержаться на ногах. Я открыла глаза, с трудом сфокусировав взгляд на его лице.

– Эмметт... – с усилием выговорила я, – помоги мне.

– Ты очаровательна, – его глаза с жадностью скользнули

по моему искаженному болью лицу. Он склонился к моим искусанным губам, слизывая с них кровь.

«Ему наплевать на мои мучения... Он будет издеваться, пока я не потеряю сознание»

Слезы катились по моим щекам, а тело и разум сходили с ума от боли. Руки Эмметта крепко держали меня, не давая упасть. Я почти не понимала, что происходит, я перестала слышать все вокруг себя. Музыка из граммофона и голос среднего брата слились для меня в один непонятный назойливый звук.

– Кажется, тебе совсем плохо, – с трудом разобрала я голос Эмметта. Мои губы горели и были влажными от его поцелуев, что только добавляло неприятных ощущений. Он выпустил меня из объятий, и я тут же повалилась на пол. Корсет туго давил мою изрезанную грудную клетку, и я принялась расстегивать платье, в попытках избавиться от него. Мне было совершенно все равно, что подумает Эмметт.

В этот момент, я почувствовала, как он подхватывает меня под руки и с силой тащит куда-то. Я не сопротивлялась, едва передвигая ноги от боли и слабости. Мы прошли через дверь и спустились на первый этаж. Я плохо понимала, что происходит, в голове гудело так, что я не слышала ничего вокруг.

– Зачем ты привел ее сюда? – как из тумана донесся до меня голос Марцелла.

«Я спасена», – мелькнуло в голове, после чего все во-

круг погрузилось в странный туман. Я почувствовала, как меня усадили куда-то, как мое тело оплетают какие-то трубки. Мне было все равно, что со мной сделают, единственным желанием было, чтобы эти мучения прекратились. И это действительно произошло.

Что-то мягко потекло по моим венам, и спустя несколько мгновений ко мне вернулась способность трезво мыслить. Боль отступила, и я открыла глаза, осматриваясь.

Помещение, в котором я себя обнаружила, выглядело странно. Стеллажи, уставленные склянками, непонятные колбы и ступки. На маленьком столике возле кушетки, на которой я сидела, было несколько книг. Напротив был большой стол, заставленный бутылочками с разными жидкостями.

Не успела я до конца осмотреться, как передо мной возник Марцелл. Его зеленые глаза смотрели на меня с привычным безразличием. Рядом с ним стоял Эмметт. На его лице читалось странное выражение, которого я не видела прежде. Я долго пыталась понять, что именно выражают эти обычно холодные голубые глаза.

– Тебе уже лучше? – спросил он, и в этот момент я поняла, что он смотрит на меня с грустью. Но не с той глубокой, пугающей и обманчивой скорбью, которую обычно выражают глаза Родерика. Эмметт смотрел на меня с легкой задумчивой тоской, словно я в любую минуту могла растаять прямо у него на глазах. Меня это озадачило, ведь я не привыкла видеть проявление нормальных человеческих эмоций в этих

холодных глазах.

– Да, – растерянно отозвалась я, соскальзывая с кушетки.

– Я не разрешал тебе вставать, – равнодушно сказал Марцелл. Я бросила на него взгляд, и послушно уселась обратно, – Сиди здесь и ничего не трогай.

Глава 17.

Эмметт и Марцелл вышли, оставив меня в одиночестве. Из-за двери я слышала их голоса, но они говорили тихо, а желания подслушивать у меня больше не было.

Я снова принялась крутить головой, осматриваясь. Помещение было похоже на лабораторию, в которой Марцелл, по-видимому, готовил лекарства. По моей коже пробежала легкая дрожь от этих мыслей. Внезапно краем глаза я заметила странное движение в углу. Там лежало что-то большое, закрытое куском серой ткани. Пока я всматривалась, движение повторилось, и я поняла, что под тканью находится что-то живое.

Мое сердце тут же начало нервно стучать. Бросив опасливый взгляд на дверь, я соскользнула с кушетки.

«Что же я делаю... зачем... мне конец, если они меня поймают» – думала я, пробираясь в угол. Страх и здравый смысл отчаянно кричали вернуться на кушетку, но любопытство толкало меня вперед.

Приблизившись к странному предмету, я внимательно всмотрелась в него снова. Голова моя начала кружиться от волнения, и я протянула руку вперед, плохо понимая, зачем вообще это делаю.

Осторожно отогнув край ткани, я с ужасом увидела лицо. На кушетке, похожей на ту, на которой я сидела мгно-

вение назад, лежала девушка. Глаза ее были закрыты, а лицо выглядело расслабленным, словно она крепко спала. Она была довольно красивой, и ее лицо показалось мне смутно знакомым. У нее были рыжеватые волосы и приятного теплого оттенка кожа. Я сильнее отодвинула ткань, и увидела, что она абсолютно голая. На ее запястьях и щиколотках я обнаружила странные отметины, словно она долгое время была скованна по рукам и ногам. Присмотревшись, подобный шрам я увидела и на шее.

Конечности девушки периодически подрагивали, словно в судорогах. Я изумленно смотрела на эту ужасающую картину, не в силах пошевелиться от шока.

«Что они с ней сделали?» – пульсировало в голове, пока я испуганно рассматривала пленницу. Раздавшийся из-за двери смешок Эмметта заставил меня испуганно подскочить. Дрожащими руками я накинула ткань обратно, и двинулась на свое место. Краем глаза я успела заметить синяки от уколов на руке девушки.

Едва передвигая от ужаса ноги, я уселась на кушетку. Я почти не сомневалась, что меня ждет такая же участь.

«Что мне делать? Что мне делать?» – отчаянно стучало в голове. В панике я снова начала осматриваться, надеясь найти что-то, чем смогу дать отпор этим двоим. Я понятия не имела, что за жуткие опыты ставил Марцелл, но если они довели до ужасающего состояния собственную мать, они не перед чем не остановятся.

Дверь распахнулась, и я замерла. Марцелл и Эмметт вернулись в комнату, как ни в чем не бывало. Марцелл извлек откуда-то между склянок шприц и устремился ко мне.

– Что ты собираешься делать? – спросила я, исподлобья глядя на него. Мое сердце стучало так сильно, что казалось, эхом отражалось от стен помещения.

– Сиди спокойно, – коротко бросил тот, вонзив иголку в мою руку. Я стиснула зубы и закрыла глаза, пока он наполнял шприц моей кровью. Закончив, он вернулся к столу.

Я растерянно смотрела на его спину, пока он возился, передвигая какие-то склянки.

– Можешь идти, – равнодушно сказал он, не глядя на меня. Я облегченно выдохнула, услышав эти заветные слова, и подскочила на ноги. Эмметт, стоявший все это время у двери, усмехнулся.

– Что с тобой, Алекса? – спросил он, когда мы вышли в коридор, – Ты выглядишь испуганной.

– Ничего, – с усилием выдавила я, пытаюсь выбросить из головы то, что видела под тканью.

Мы добрались до дверей наших спален.

– Спокойной ночи, – рассматривая мое лицо, проговорил Эмметт, – спасибо за вечер, Алекса.

Я подняла на него взгляд. Его голубые глаза были холодными, а улыбка фальшивой, как и всегда.

– И тебе спасибо, Эмметт, – отозвалась я, глядя на него, – спокойной ночи.

Я толкнула дверь и вошла в свою комнату. Почти с отвращением стянула с себя розовое тяжелое платье, сбросила на пол каркас, который был под юбкой. Выбраться из корсета оказалось намного сложнее, но через некоторое время, мне удалось сделать и это. Переведя дыхание, я подошла к зеркалу.

– Я не сдамся, – проговорила я, глядя в глаза собственному отражению, – я смогу. Я сбегу отсюда. Я не позволю им меня мучать.

Из соседней комнаты донесся странный звук, заставивший меня вздрогнуть. Я быстро завела будильник, и улеглась в постель. Почувствовав себя в безопасности среди подушек и одеял, я расслабилась. Все ужасы и волнения отступили на второй план, а чудесное лекарство Марцелла заставило забыть о боли. Устроившись поудобней, я погрузилась в сон.

– ... я хочу снова ее увидеть, где она?

Я поерзала, пытаюсь удержать остатки сна, которые решительно ускользали.

– Почему вы ее прячете?

Распахнув глаза, я прислушалась. В коридоре прямо за моей дверью явно что-то происходило. Я замерла, усиленно вслушиваясь.

– Тише, успокойся, – донесся до меня голос Эмметта, – совсем скоро ты снова ее увидишь.

– Я не верю тебе. Что вы сделали с ней? – я не узнавала голос мужчины, который ему отвечал, но у меня было ощу-

щение, что я уже его слышала.

– Замолчи, – холодно оборвал его Марцелл, – возвращайся к себе.

– Я... хочу быть рядом с ней. Ее кровь снова спасла меня, разве это не прекрасно?

Голос говорящего постепенно стих, исчезнув где-то в конце коридора. Я сообразила, что в той стороне находится дверь на чердак, и мое сердце пропустило удар от волнения.

«Похоже, это был тот парень, который называл меня Элеонор... Он тоже их пленник здесь, как и я», – подумала я, снова вслушиваясь. Но до моих ушей больше не доносилось никаких звуков, и, полежав некоторое время, я снова погрузилась в сон.

Звук будильника раздался, казалось, спустя пару мгновений, как я заснула. Поднявшись на ноги, я почувствовала себя разбитой и уставшей. С трудом доковыляв до ванной, я привела себя в порядок и поспешила на завтрак.

Все три брата уже сидели за столом. Я поздоровалась, и опустилась на свое место.

Положив в тарелку яичницу с беконом и пару тостов, я принялась за еду. Но аппетит мой быстро пропал, едва я вспомнила произошедшее вчера.

«Нельзя здесь больше оставаться» – подумала я, наблюдая, как стекает желток с моей вилки.

Кое-как закончив завтрак, я поспешила к Катрин. К счастью, никто из братьев не пытался со мной заговорить. Даже

болтливый Эмметт был сегодня на редкость молчаливым и задумчивым.

Я добрела до спальни женщины, и толкнула дверь.

– Доброе утро, – сказала я, приближаясь к ее постели.

Ее карие глаза пробежали по моему лицу. Удивительно, прошли всего сутки, как я перестала давать ей лекарство, но выглядела она уже намного лучше. Ее взгляд снова стал живым и осозанным. Она смотрела на меня нетерпеливо, словно ожидала моего прихода.

– Вижу, вам уже лучше, – прошептала я, глядя на нее. Она тряхнула головой.

Я взяла с тумбочки миску с бульоном и поднесла к ее рту. Но пить его она явно не собиралась. Крепко стиснув зубы, она покачала головой. Ее карие глаза горели странным огнем.

– Вы хотите, чтобы я и это вылила? Ну хорошо, – я растерянно прошла в ванную комнату, опустошив миску. Следом в раковину отправилась и утренняя порция лекарства. В этот самый момент мое сердце нервно екнуло. Ведь я и сама дважды принимала лекарство Марцелла, понятия не имея, что оно из себя представляет. Вполне возможно, что и меня он пытается превратить в послушную марионетку. От этих мыслей все внутри меня похолодело.

Вернувшись в спальню, я передела Катрин и усадила в коляску. Я заметила, что ее тело уже может двигаться почти так же, как в первый день нашего знакомства. Несмотря на

это, она не спешила мне помогать, и пока я, надрывая спину, переносила ее в инвалидное кресло, она спокойно наблюдала за моими потугами.

Отдышавшись, я покатила ее на улицу. Погода была ветреная и сырая. Зябко пожившись, я остановила коляску возле дерева и повернулась в сторону ворот. Катрин внимательно наблюдала за мной, пока я с тоской всматривалась в дорогу и лес вдалеке.

Постояв немного, я вздохнула и покатила кресло обратно в поместье.

Прогулка получилась короткой и бессмысленной, но я делала все, чтобы не вызвать никаких подозрений у братьев. Вернувшись в спальню, я с трудом пересадила женщину обратно на постель.

– Катрин, – прошептала я, – скажите, как отсюда можно выбраться?

Ее глаза смотрели на меня с насмешкой и горечью. Она лежала и не двигалась, явно не желая отвечать на мои вопросы.

– Уверена, вы поможете мне. Так же, как и я помогаю вам, правда? – я услышала нотки отчаяния в собственном голосе. Я отвернулась к стене, и помолчав немного, добавила:

– Я не сдамся. Я хочу спастись.

Эти слова прозвучали жалко и неубедительно. Карие глаза теперь смотрели на меня с презрением. Мне стало не по себе от этого взгляда.

– Вы ведь в такой же ситуации, как и я. Я не верю, что ничего нельзя исправить. Вы же их мать! Катрин, почему ваши сыновья такие безумные? – нервно выпалила я. Она устало прикрыла глаза, и я молча уставилась на нее. Моя грудь тяжело вздымалась от ярости и отчаяния.

Я постояла возле нее еще немного. Поняв, что она не будет отвечать на мои вопросы, я сделала шаг к двери.

– Я на вашей стороне, – прошептала я, – Просто знайте это. Если я понадоблюсь вам, звоните.

Я вышла в коридор, чувствуя себя еще более беспомощной, чем прежде. Рассчитывать мне было не на кого. Я ощущала себя птицей, угодившей в захлопнувшуюся клетку.

Я вспомнила про Дэйну, и внутри меня что-то болезненно сжалось. Наверняка она больше не захочет меня видеть. А возможно, ее уже нет в живых.

Я тряхнула головой, отгоняя эти мысли. Выбора у меня не было, я должна была попытаться. Стиснув кулаки, я спустилась на первый этаж. Осторожно ступая и прислушиваясь, я добралась до комнат прислуги.

Нервно ухватившись за ручку, я потянула дверь на себя.

Помещение, в которое я попала, было небольшим.

Серые бетонные стены потрескались от времени, плиточный пол неприятно хрустел под ногами. В комнате было достаточно темно, и освещалась она одной единственной лампой, стоящей на тумбочке. Никаких окон здесь не было. В помещении было четыре одинаковых железных кровати,

большой старый шкаф и несколько тумбочек. Я поняла, что эта комната служила спальней для горничных. Я с удивлением отметила, насколько она отличалась от той, в которой спала я.

Из полумрака на меня смотрело несколько глаз. Дэйна лежала на постели и рассматривала меня со злостью. Увидев ее, я тут же смущенно отвела взгляд. Еще в комнате была девушка с повязкой, которая сидела на постели и болтала ногами. Когда я посмотрела на нее, она улыбнулась, и, соскочив со своего места, устремилась в мою сторону.

– Простите за беспокойство, – пробормотала я, напряженно глядя на нее. Я не доверяла ей, и совершенно не хотела говорить при ней с Дэйной, – э... ты не могла бы принести мне новые полотенца? Я как раз собиралась принимать ванну.

Она снова улыбнулась, и ухватила меня за запястье, увлекая из комнаты. Я нахмурилась, и резко сбросила ее руку.

– Я подойду чуть позже, – холодно сказала я. Ее единственный глаз пробежал по моему лицу, после чего она развернулась, и вышла из комнаты.

Повисла неловкая пауза. Я чувствовала, как Дэйна испепеляет меня взглядом, и смущенно молчала, не зная как начать разговор. Наконец, собравшись с духом, я решительно подошла к ней.

Ее рука была туго перевязана и лежала поверх одеяла. По-

резы и синяки все также уродовали лицо. Ее глаза смотрели на меня враждебно.

– Я понимаю твою ненависть ко мне, – сказала я. Голос звучал хрипло и странным эхом отражался от стен, – но я никогда не желала тебе зла. Я здесь одна из немногих, кто понимает тебя...

Она презрительно фыркнула, и я подняла на нее взгляд. Ее лицо было бледным и искаженным от боли, а глаза смотрели на меня с отвращением.

– Что ж, ты была права. Я не понимала, что здесь происходит, но теперь я испытала это на себе. И я пришла к тебе, как к последней надежде на спасение. Но, если ты не хочешь мне помочь, похоже, я осталась совсем одна. – я повернулась прочь, с трудом оторвав взгляд от ее лица, – Прости меня.

– Надежде на спасение? – донесся до меня ее тоненький голосок. Я остановилась, повернувшись к ней. В ее глазах стояли слезы, – Чем я могу помочь, по-вашему?

Я растерялась.

– Ты здесь дольше, чем я, – выдавила я, стараясь игнорировать ее слезы, – ты знаешь, как выбраться...

– Если бы я знала, я давно сбежала бы!

– Послушай, – я подошла к ней, – расскажи мне все, что ты знаешь. Любая мелочь важна. Я могла бы тоже помочь тебе...

Она затрясла головой, глядя на меня со злостью:

– Уходите. Вы уже достаточно помогли.

– Дэйна, неужели ты правда думаешь, что я нарочно подставила тебя? – не выдержав, выпалила я. – Я понятия не имела, что здесь творится, и случайно упомянула твое имя. Да и ты тоже хороша, стащила мой телефон.

Ее взгляд стал смущенным.

– Мы с тобой в одной упряжке, понимаешь?

Она помолчала некоторое время. Ее глаза лихорадочно перебегали с моего лица на стены и мебель, и обратно.

– Вы в курсе про контракт? – спросила она, наконец.

– Нет... ну то есть я подписала его в самом начале...

– Он составлен так, что вы не можете его расторгнуть.

Кроме того, поставив подпись, вы передали все свое имущество им. У вас больше нет ничего.

– Что? – растерянно проговорила я, не веря своим ушам.

– Я мало понимаю в этом, мисс, не спрашивайте меня, – Дэйна затрясла головой, – Знаю только, что в вашем случае, этот контракт пожизненный. Горничные должны оставаться в доме в течение пяти лет. Я здесь немного больше месяца.

– До меня здесь были другие девушки?

– Да, очень много, – Дэйна говорила быстро и сбивчиво, я едва успевала следить за ходом ее мыслей, – некоторые уезжали, других они мучали, как вас и меня. Убивали, наверное, их и находили новых. А еще я видела, как господин Эмметт привозил девушек, и они потом тоже исчезали.

Я вспомнила подслушанный вчера разговор, и с пониманием кивнула.

– А зачем они все это делают? – тихо спросила я, чувствуя, как дрожит мой голос.

– Не знаю, мисс. Я никогда не интересовалась. Да и если стану, я не доживу до окончания моего срока здесь. Господин Родерик жестоко наказывает за проступки, – при упоминании младшего брата, глаза Дэйны снова полыхнули ненавистью.

Я помолчала немного, обдумывая услышанное.

– Но это странно. Как их не поймали? Если они действительно убивают кого-то, куда они прячут тела и все такое? Не в озере же за домом топят.

– Я не знаю, мисс, – повторила горничная, – знаю только, что все, кто попадают сюда, больше не возвращаются.

– Но у тебя же есть родные? Те, кто может заявить в полицию? – не унималась я.

– Нет. У меня нет близких. Я приехала из другой страны, и почти сразу нашла эту работу. Думаете, прислуживать в богатые дома идут от хорошей жизни?

Я открыла рот, чтобы задать еще вопрос, но Дэйна спокойно завертела головой.

– Уходите, мисс. Я рассказала все, что знаю. Больше мне помочь вам нечем.

– Но...

– Прошу вас, мисс, – нервно зашептала она. Из-за двери донеслось какое-то движение, и мы обе вздрогнули. Я помолчала, прислушиваясь. Убедившись, что все тихо, я снова

повернулась к Дэйне.

– Спасибо тебе, – прошептала я, глядя на нее грустно. – Надеюсь, мы обе сможем это пережить.

– Погодите, – она с усилием свесилась с кровати и запустила руку вглубь тумбочки. Через мгновение, она извлекла ржавый старинный ключ, и протянула мне, – вот, держите. Я взяла его у вас, может он вам поможет.

«Ключ от чердака», – мелькнуло в моей голове, когда я взяла предмет и бережно опустила в карман.

– Спасибо, Дэйна.

– Прощайте, мисс.

Я покинула комнату и вышла в коридор. В моей голове было много мыслей, но информация, полученная от Дэйны, скорее пугала, чем обнадеживала. Если она права, шансов сбежать у меня стало еще меньше. Я вспомнила, что в первый мой день здесь, братья знали обо мне даже то, что я публикую в интернете рассказы. Уже тогда такая осведомленность показалась мне странной. Значит, они все предусмотрели. Они нарочно выбирали тех, кому никто не поможет?

«Их никто не станет искать»

По моей коже пробежала дрожь, внутри все похолодело от ужаса.

Мне хотелось бежать, мчаться прочь, но я с усилием подавила это желание. Моя голова была настолько занята мыслями, что я не помнила, как добрела до двери своей спальни.

Теперь слова Эмметта о том, что у меня нет другого до-

ма, кроме этого обрели новый смысл. Пазл начал понемногу складываться.

Глава 18.

Я толкнула дверь и зашла в комнату. На моей кровати лежали чистые полотенца, принесенные горничной, но я даже не обратила на них внимания. Пошатываясь, я добрела до столика и уперлась в него обеими руками. Из моих глаз против воли потекли слезы. Мне хотелось уничтожить все в этой красивой богато обставленной комнате. Я с ненавистью бросила взгляд на позолоченную резную мебель, на мягкую розовую обивку. Стены давили на меня, и я едва не закричала от бессилия. Из зеркала на меня смотрело бледное заплаканное лицо и горящие отчаянием глаза.

«Успокойся...» – мысленно приказала я себе. Собственное отражение немного отрезвило меня, и постепенно ко мне вернулось самообладание. Я закрыла глаза. Паника постепенно отступила, но страх, неприятно сжимающий мои внутренности, остался.

Я опустила руку в карман, дотронулась до ключа. Теперь я снова могла бы пробраться на чердак. Наверняка тот парень был безумным, и возможно опасным. Но все три брата, с которыми я пересекалась ежедневно, были не менее сумасшедшими.

«Они не запирали бы его там, если бы он был на их стороне» – подумала я, поглаживая пальцами ключ. Моя рука коснулась еще одного предмета.

– Элеонор, – пробормотала я, вытащив из кармана ее фотографию.

Имел ли он ввиду ее, когда называл меня этим именем? Я вытащила из-под подушки дневник, и раскрыла посередине.

«5 мая 1871 года. Минуло уже почти девять лет, как не стало моих матушки и отца, но я по сей день скучаю по ним. Все мои братья разделяют мою скорбь, кроме Родерика. Кажется, он не любил матушку, так же как и меня. Родерик никого особенно не любит.

Немного грустно, что мне не позволяют проводить время с подружками, как другим девушкам моего возраста. Я целыми днями сижу дома, вышиваю и читаю. У меня нет друзей. Я не жалуясь, ведь так велят мои старшие братья.

Эм и Марцелл часто бывают на балах, иногда с ними едет и Лестер. И тогда наступает худшее время, ведь Родерик остается со мной, и может обижать меня, сколько пожелает.

Вот и сегодня братья мои уехали на прием, Марцелл как глава нашей семьи посчитал своим обязательством там присутствовать. Я упростила Лестера остаться со мной. Он один добр ко мне, и мы часто общаемся. Он один здесь мой друг, хотя он очень ранимый и много обижается на меня. Иногда он ведет себя странно, говорит неправильные вещи. Но я не расстраиваюсь...»

Перевернув страницу, я заметила, что записи стали больше и содержательней. Повзрослевшая Элеонор писала о том, как проходят ее похожие дни, делилась с дневником грустью

о том, что ей предстоит замужество с человеком, которого она никогда не видела. Часто она вспоминала о матери, и почти каждая записка пестрела упоминаниями знакомых мне имен.

«10 июня 1871 года. Мой жених прислал мне подарок на днях. Это хорошенькие бусы из белого жемчуга. Он добр ко мне. Я постараюсь его полюбить, хотя он и старше меня на двадцать три года. Марцелл называет моим преимуществом кроткий нрав. Надеюсь, мой жених будет хорошо ко мне относиться. Я боюсь, что он будет бить меня и кричать, как отец делал с матушкой.

Несмотря на то, что я самая младшая в семье, я буду выдана замуж первой. Когда мне минует восемнадцать.

Марцелл тоже был помолвлен, до смерти матушки и отца. Но после он отказался от женитьбы. Он сказал, что он теперь глава нашей семьи, и времени на себя у него нет. Теперь он часто бывает на приемах для поддержания престижа семьи. Но еще чаще он проводит время в библиотеке и своей комнате, и не велит его тревожить без причины. Я боюсь вмешиваться в его дела, он сердится, когда я не слушаю...»

Мне показалось странным, что взрослые парни не торопились жениться, и при этом упорно толкали на замужество свою младшую сестру. Я стала выискивать глазами информацию о личной жизни остальных братьев Элеонор. И вскоре нужная записка попала мне на глаза.

«...На прошлой неделе Эм показал нам фото своей неве-

сты. Она действительно очень хороша собой. У нее гордая осанка и выразительные глаза.

Но Лестер посмеялся над ней, сказав, что ее брови похожи на гусениц, а нос слишком большой. Я спросила, отчего он сам не желает заключить помолвку, ведь как рассказывали слуги, он популярен в свете. Он был страшно сердит на меня за мой вопрос. Он обозвал меня глупой и бесчувственной. А затем сорвал с моей шеи бусы, подаренные женихом, и бросил их в окно.

Я не понимаю, отчего он бывает зол на меня. Я плакала в своей комнате. Мне не было жаль бусы. Мне жаль, что никто здесь ко мне не добр по-настоящему...»

– Никто здесь ко мне не добр по-настоящему, – повторила я вслух. Я захлопнула дневник и повернулась лицом к двери. К моему ужасу, на пороге комнаты стоял Родерик. Он смотрел на меня внимательно, его большие синие глаза скользнули по книжечке в моих руках.

Мы молча вглядывались друг в друга, пока я пыталась прийти в себя и сообразить, что делать.

«Как ему удалось зайти так бесшумно?»

– Родерик, – выдавила я, наконец. – Давно ты здесь?

– Я помешал тебе? – он чуть склонил голову на бок, глядя на меня исподлобья.

– Э... нет. Просто, обычно люди стучат перед тем, как зайти в чужую спальню.

– Ты ведь тоже зашла ко мне без стука вчера, – ответил

он спокойно. Он шагнул вперед. В отличие от Эмметта, Родерик не рассматривал комнату. Его синие глаза были прикованы к моему лицу. Мне было не по себе от его взгляда. Я невольно попятилась от него и ударилась о столик, – Я подумал, что теперь тоже могу делать так. Разве нет?

– Я извиняюсь за это, – я повернулась к нему спиной и сунула дневник Элеонор в ящик. – Больше так не буду делать. И ты не делай. Хорошо?

– У тебя есть секреты, Алекса?

Я растерялась. Он подошел ближе, остановившись прямо передо мной. На его милом личике застыло выражение грусти и легкого любопытства.

– Чья это комната? – неожиданно спросила я. Мое сердце нервно билось в груди. После всего, что я услышала и увидела в этом доме, я едва ли верила, что мне удастся спастись так просто.

« У всех у нас есть секреты, Родерик, – промелькнуло в моей голове, – Посмотрим, расскажешь ли ты мне свои».

Казалось, мой вопрос его совсем не удивил. Выражение его лица не изменилось.

– Твоя, – ответил он спокойно. – Я хотел предложить тебе прогуляться со мной к озеру. Ты ведь пойдешь?

Этот вопрос он озвучил таким тоном, что было понятно – отказа он не примет. Я стиснула зубы, глядя ему в глаза. Своим ответом он загнал меня в угол, отрезав возможность дальнейших расспросов. Чувствуя себя беспомощно и глупо,

я кивнула.

– Конечно, – сухо ответила я, злясь на себя и на него.

«Я не сдамся так просто», – мелькало в моей голове, пока мы спускались на первый этаж.

Мы вышли на улицу и побрели вдоль поместья. Я еще ни разу не была с его обратной стороны. Родерик уверенно пролез сквозь кустарники. Помявшись немного, я нырнула вслед за ним. Ветки тут же исцарапали мне руки, но благодаря злополучному лекарству Марцелла, никакого дискомфорта мне это не доставило.

Озеро было большим и тянулось далеко за пределы территории дома. Родерик опустился на траву. Я рассеянно крутила головой. Здесь было спокойно и красиво. Мы были окружены кустарниками, и прямо над нами раскинулось большое дерево. Водная гладь озера отражала небо. Иногда по поверхности пробегала рябь, расходясь кругами.

– Садись ко мне.

Я послушно опустилась на траву рядом с Родериком. Приятный пейзаж успокаивал, но мой разум был слишком напряжен. Озеро и деревья были не в состоянии затмить ужасы, происходящие здесь на протяжении недели. И тот факт, что я сидела рядом с одним из своих мучителей, совсем не внушал оптимизма.

– Красивое место, – сказала я, взглядываясь в горизонт. – Ты часто здесь бываешь?

Я словно со стороны услышала собственный спокойный

голос. Это сильно противоречило тому, что творилось внутри меня. Я готова была броситься в озеро и вплавь прорываться к свободе. Но так шансов на спасение у меня было немного.

– Да, – ответил Родерик. – Я люблю бывать один.

– Никто не любит быть один, – сказала я. Мой голос снова мне показался на удивление размеренным и чужим, – Каждому нужен близкий человек.

Я почувствовала легкое движение с его стороны, а затем прикосновение его плеча к моему. По моему телу пробежала нервная дрожь, когда он придвинулся, но я ожидала подобного, и это было мне только на руку.

– Родерик, – прошептала я, склонившись к нему, – я рада, что ты стал моим близким человеком.

Мое сердце колотилось как заведенное, и я едва сдерживалась, чтобы не броситься от него прочь.

«Только бы он поверил мне, только бы я смогла заручиться его поддержкой»

– Алекса, – услышала я его голос возле своего уха. Моя голова начала странно кружиться, а щеки пылали от собственного глупого флирта.

Он обнял меня, прижимая к себе. Его лицо теперь было слишком близко к моему, и жуткие синие глаза смотрели неотрывно. Я нервно сомкнула веки, не в силах выдержать его взгляд.

– Я тоже рад. У меня никогда прежде такого не было.

– У меня тоже, – ответила я искренне, едва сдержав истерический смешок. В моей жизни было много странностей, но этот момент я точно запомню навсегда. Если выберусь.

Он обнимал меня на удивление бережно и нежно, второй рукой поглаживая мои волосы. Я поняла, что это лучший момент, чтобы попытаться снова с ним заговорить. Мои пальцы нащупали фотографию в кармане.

– Кто это, Родерик? – я поднесла руку с изображением Элеонор к его лицу.

Его большие глаза пробежали по снимку, и через мгновение в них загорелась злость.

– Ненавижу ее, – он выхватил фотографию из моей руки и разорвал на части.

Я растерянно наблюдала, как он выбросил обрывки в воду.

– Зачем ты это сделал? – пролепетала я.

– Ты пришла сюда, чтобы спрашивать о ней?

– Нет, просто...

– Я не хочу говорить об этом.

Я уставилась на него недоуменно. Кажется, ему было совершенно не интересно, где я нашла это фото. После того, как обрывки снимка оказались в озере, он забыл о нем. Его печальные глаза смотрели на меня внимательно и раздраженно. Я поняла, что продолжать этот разговор сейчас будет неразумно.

Я молча кивнула, чувствуя нарастающее напряжение

внутри. Сделав над собой усилие, я улыбнулась ему.

«Похоже, мне не удастся ничего узнать... Нужно уходить, пока он снова не начал свои издевательства»

– Можно мне потрогать тебя?

Его вопрос меня поразил настолько, что собственный план мгновенно вылетел у меня из головы. Перестав глупо улыбаться, я нервно моргнула и уставилась на него растерянно:

– Что?

Его рука выбралась из моих волос и осторожно коснулась шеи. Я вздрогнула от его прикосновения.

– Постой, давай поговорим, – выдавила я напряженно, пытаясь оттолкнуть его руку. Синие глаза недобро потемнели.

– В чем дело, Алекса? Ты обманула меня? Я тебе не нравлюсь?

Я бросила взгляд на поместье. Раскидистые ветки дерева и кустарников надежно скрывали нас от любопытных глаз. Поняв, что помощи ждать неоткуда, я снова уставилась на Родерика.

– Нет, ты мне...

– Я заметил, что ты много времени проводишь с Эмметтом, – внезапно сказал он. Его пальцы все еще поглаживали мою шею, а взгляд перебегал с одного моего глаза на другой, – он тоже стал тебе близок?

При упоминании среднего брата, мое сердце нервно кольнуло.

– Конечно нет, – ответила я напряженно. – Он просто издевается надо мной, заставляет меня с ним общаться. И угрожает, если я отказываюсь...

– То есть вот какой способ начать нравиться тебе? Угрожать и мучать тебя?

Его пальцы обхватили мою шею. В печальных глазах мелькнул холодок.

«Только не это», – пронеслось в моей голове.

– Родерик, я не сказала, что он мне нравится, – выпалила я. – Я бы с радостью с ним не общалась, если бы он не пытался при любом удобном случае вырвать мне глаз.

– Со мной ты тоже общаешься, потому что боишься? – пальцы на моей шее сомкнулись сильнее. Я почувствовала, как пульсирует кровь под его рукой. Голова снова начала кружиться.

– Н-нет, – выдавила я. Мне стало не хватать воздуха, – Отпусти меня, хватит!

– Если отпущу, ты ведь убежишь?

Я грубо вцепилась ему в руку. Дышать сразу стало легче. Как только он разжал пальцы, я из последних сил толкнула его.

– Ты снова не ведешь себя мило со мной, – сказал он, глядя на меня. Я вскочила на ноги, пятясь назад, – ты пришла сюда, чтобы спросить о ней? Так ведь, Алекса?

– Нет, – соврала я, тяжело дыша, – Я пришла, потому, что ты позвал меня.

– Хочешь убежать? – его глаза следили за мной внимательно и печально. Я пыталась понять, глядя на него, что за мысли проносятся в его голове, и какой мой ответ его бы устроил.

– Алекса, ты снова не отвечаешь на мой вопрос.

– Ты мне действительно нравишься, – сказала я с усилием. Я заставила себя снова опуститься на траву рядом с ним. Мой взгляд был направлен куда-то вниз. Меньше всего мне хотелось смотреть в его ужасные глаза.

– Я больше не верю в это. Говори правду.

«В следующий раз я могу не успеть вырваться, и он просто меня убьет», – мелькнуло в голове. Бежать от него было тоже бессмысленно. Я посмотрела на него. Он был похож на обиженного ребенка, его голова была наклонена, и глаза взирали на меня недоверчиво и грустно. Я вспомнила, как в самом начале нашего знакомства, он казался мне трогательным и печальным. Теперь я больше не испытывала к нему сочувствия, зная какой он на самом деле. Но что-то в его взгляде кольнуло мое сердце.

Я молча рассматривала его, испытывая странную смесь эмоций. Он склонил голову на бок, в его глубоких глазах мелькнула искра. Повинуясь странному порыву, я придвинулась к нему, обнимая.

– Ты милая, Алекса, ты такая милая.

Его руки обвились вокруг меня. Я ощутила неловкость, но назад пути не было. Я чувствовала, как бьется его сердце.

Тонкие пальцы нежно гладили мои волосы.

– Мне хочется сделать что-нибудь с тобой. Я ведь могу делать все, что захочу, да?

В мгновение ока он толкнул меня и опрокинул на траву. Передо мной на секунду оказалось голубое, чуть подернутое облаками, небо. Затем его закрыло лицо Родерика. Он уселся на меня сверху, нависая над моим лицом. Его рука вновь крепко держала мою шею.

– Ты так сильно мне нравишься, Алекса, – давление от его пальцев было таким сильным, что казалось, мое горло лопнет изнутри.

Я дернулась, пытаюсь высвободиться, но свободной рукой он тут же ударил меня по щеке.

Что я сделала не так? Почему он все равно издевается надо мной?

Я вспомнила серых котят, которых мы ходили кормить в развалинах. Теперь я вместо них?

Кажется, это конец.

Мое сознание начало угасать. Перед глазами поплыли разноцветные пятна. Паника сменилась безразличием. Я расслабилась, закатив глаза, в попытке в последний раз увидеть небо над головой своего мучителя.

– Алекса, – услышала я его голос. Хватка ослабла, и он соскочил с моего тела. Я сделала жадный надрывный вдох. Из глаз потекли слезы.

– Ты... ты., – бормотала я, кашляя и пытаюсь отдышать-

ся, – За что?..

– Я буду делать с тобой все, что захочу, – спокойно сказал Родерик, глядя на меня нежно и печально. Он сидел возле меня на коленях.

Я смотрела на него некоторое время, не в силах вымолвить ни слова. Мне хотелось плакать от бессилия и одновременно с этим наброситься на него с кулаками. Мой план провалился, и кроме новых синяков, я не получила от Родерика ничего. Вспомнив, что он уничтожил фотографию Элеонор, я испытала новый прилив ярости.

– Нам пора возвращаться, – сказал он, протягивая мне руку.

Я ухватила за его ладонь, едва сдерживаясь, чтобы не залепить ему пощечину, и мы вместе побрели в сторону поместья.

Глава 19.

Пока мы шли, я бросила взгляд на часы. Уже было время обеда, и мой желудок начинал издавать голодные стоны. Родерик повел меня прямо в столовую. Мы почти дошли до двери, как я почувствовала странные ощущения в теле. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить что происходит. Когда мои раны начали неприятно пульсировать, я с ужасом поняла, что действие лекарства закончилось.

– Иди, я подойду через минуту, – выдавила я, привалившись к стене.

Родерик пару секунд рассматривал меня, после чего повернулся и скрылся в столовой. Мое тело накрыла волна боли. Ноги подкосились, и я беспомощно сползла на пол.

«Терпи, – приказала я себе, кусая губы, – терпи. Больше нельзя брать лекарство Марцелла.»

Мои сломанные пальцы и порезы гудели так, что мне едва удавалось сдерживать крик. Прошло несколько мучительных секунд, которые показались мне целой вечностью. От боли я совершенно ничего не понимала. Мне уже хотелось наплевать на осторожность, и броситься к Марцеллу, чтобы он остановил мои страдания. Едва я попыталась приподняться на ноги, как голова закружилась с новой силой, и я повалилась на пол. Перед глазами поплыли круги, и я поняла, что теряю сознание. Это казалось мне избавлением. Еще

несколько мгновений мое тело терзалось болью, после чего я провалилась в пустоту.

Очнувшись, я с трудом открыла глаза, и поняла, что лежу в коридоре перед столовой. Мне все еще было мучительно плохо, но я сделала над собой усилие и поднялась на ноги. Осторожно, держась за стену, я побрела к лестнице. Это был самый долгий подъем в моей жизни, я шагала, делая перерыв через каждые две ступеньки. Меня била дрожь и я была уверена, что не смогу дойти до спальни, и снова потеряю сознание от невыносимой боли. Но я ошиблась. Мое тело и воля оказались сильнее, чем я думала.

Я привалилась к двери своей комнаты, пытаюсь отдышаться. Дрожащей рукой вытерев пот со лба, я толкнула дверь и вошла в спальню.

Повалившись на кровать, я испытала некоторое облегчение. По крайней мере, здесь меня не увидит никто из братьев. Я закрыла глаза, пытаюсь справиться с головокружением. К моему удивлению, боль постепенно стала сходить на нет. Судорожные подергивания в моих пальцах и порезах становились все реже, и перестали быть такими мучительными. Я осторожно повернулась, устроив руку поудобнее.

Я лежала и рассматривала потолок. В голове роились мысли, а боль из резкой и невыносимой, постепенно стала приглушенной. Поняв, что чувствую себя намного лучше, я поднялась на ноги. Голова моя сразу начала кружиться, а по изрезанной груди полосонула новая волна боли. Переведя ды-

хание, я посмотрела на часы. Я безнадежно опоздала на обед. Короткая стрелка уверенно приближалась к цифре пять.

Было немного странно, что никто не пришел за мной. Я нахмурилась, прислушиваясь. Из коридора не доносилось никаких звуков. Моя рука непроизвольно опустилась в карман, и коснулась ключа от чердака.

«Нет, пока нельзя туда идти. Только не сейчас. Нужно дождаться ночи»

Слегка пошатываясь, я вышла из комнаты. Голова моя кружилась, происходящее странным образом казалось каким-то кошмарным сном. Поравнявшись с дверью спальни одного из братьев, я снова прислушалась.

«Что я делаю?» – мелькнуло в голове. Я сделала шаг прочь, намереваясь пойти в столовую. В этот момент дверь распахнулась.

– Алекса? Ты что-то хотела? – из полумрака спальни на меня смотрели холодные голубые глаза. Едва я открыла рот, чтобы ответить, как в них появилось насмешливое выражение. – Ах, нет, ничего не говори. Ты соскучилась, так? Прости, я сейчас немного занят. Но через пару часов, я весь в твоём распоряжении.

В этот момент я отчетливо услышала шаги, доносившиеся из спальни Родерика. Они затихли, остановившись прямо возле двери. Я вспомнила наш с ним разговор у озера, и мои внутренности беспокойно сжались. Бросив невольный взгляд на дверь его спальни, я снова повернулась к Эмметту.

– Н-нет, извини, – выдавила я, – я просто шла мимо.

Средний брат проследил за моим взглядом, и его усмешка стала шире.

– Тебе не стоит бояться, – он толкнул дверь, делая шаг в мою сторону, – со мной ты в безопасности.

Не успела я опомниться, как его пальцы ухватили мое запястье.

– Идем, я покажу тебе кое-что интересное. Мы ведь уже достаточно близки, чтобы я делился с тобой чем-то личным, да?

Я снова бросила нервный взгляд на дверь спальни Родерика.

– Эмметт, пожалуйста, – начала я, но он оборвал меня на полуслове.

– Тебе понравится, обещаю. Тоже самое я говорил про наш маленький бал, помнишь? И ведь я не ошибся. Мы оба получили удовольствие от этого.

Он решительно затащил меня в свою спальню.

– Что ты делаешь? – сердито выдавила я, едва он закрыл дверь.

– Тебя что-то смущает, Алекса? Разве я не могу показать тебе свое увлечение?

Я молча смотрела в его насмешливые глаза. Меня не покидало чувство, что в этот раз, стоя в коридоре, он пытался вывести на эмоции не только меня.

– Ты кажется сказал, что занят, – проговорила я наконец.

Он проигнорировал мой вопрос, пройдя вглубь комнаты. В ней, как обычно царил полумрак, фиолетовые шторы были опущены. Единственным источником света служила лампа, тускло светившаяся на письменном столе. Помимо нее, там стояли стеклянные баночки, в которых плавало что-то странное. Я подошла ближе, пытаясь понять, что в них находится. Едва я приблизилась, и поняла, что это, как мои внутренности сжались от ужаса и отвращения.

– Ну как тебе? – прошептал Эмметт, наблюдая за моей реакцией. Кажется, он получал удовольствие от происходящего.

– Там настоящие человеческие глаза?... – пролепетала я, пятясь назад.

– Да, я много раз говорил тебе, что я их собираю. Я лекционер, Алекса. Меня притягивает красота, и единственным моим желанием становится сделать ее своей.

Увиденное настолько поразило меня, что я не сразу поняла смысл того, что он сказал.

– Но... тем самым ты эту красоту уничтожаешь, – сказала я, повернувшись к нему лицом, – и где ты берешь ...э... материал?

– Все в этом мире временно, Алекса. Люди издавна пытались сохранить то, что казалось им прекрасным. Например, твое милое лицо, – он провел пальцами по моей щеке. Я едва сдержалась, чтобы не отскочить от его прикосновения, – со временем, оно увянет. Есть, впрочем, другие факторы, по-

мимо времени, – он усмехнулся, – Но не в твоём случае.

– О чём ты говоришь? – растерянно пробормотала я.

– Ты хочешь быть вечно такой? Молодой, красивой?

– Ты сам сказал, что ничто не длится вечно, – ответила я.

В моём горле пересохло от волнения. Его странные вопросы начинали пугать.

– Из любого правила есть исключения, – голубые глаза смотрели на меня холодно, – но для этого нужно заплатить свою цену. Какова цена вечного существования бабочки в моей коллекции? Её жизнь. Какова цена того, что я смогу всегда смотреть в любимые глаза? Слепота этого человека... А теперь скажи, какова может быть цена бессмертия?

– Я не знаю, Эмметт, – мой голос был звонким от страха, – Бессмертие невозможно.

– Все возможно, Алекса. Если ты знаешь, что за это нужно отдать.

– Ну и что нужно сделать, чтобы жить вечно? – мой собственный вопрос прозвучал невероятно глупо. Но теперь я говорила с этим безумцем на одном языке.

– Для этого нужно пожертвовать жизнями других. Вполне очевидно, правда?

От его слов внутри меня что-то оборвалось. Я напряженно всмотрелась в лицо Эмметта, пытаюсь понять, шутит он или говорит серьёзно.

– И моей жизнью вы тоже пожертвуете ради этого? – спросила я, пытаюсь говорить спокойно.

Он молчал, глядя мне в глаза. Его лицо не выражало никаких эмоций. Внутри меня нарастало напряжение. Наконец, когда я решила уже броситься прочь из его комнаты, он рассмеялся.

– Ты напугана, Алекса, – весело сказал он, – не стоит так бояться. Знаешь, многие вещи кажутся гораздо ужаснее, чем есть на самом деле.

– Я надеюсь, ты сейчас говоришь не о смерти? – мрачно уточнила я. Мое сердце все еще бешено колотилось в груди.

– Не бойся, ты не умрешь. По крайней мере, если будешь послушной. – он снова захихикал, поворачиваясь к своему столу. Я наблюдала за ним, внутренне удивляясь странным переменам его настроения. Он уселся за стол, придвинув к себе пустую банку. Я поспешно отвела глаза, совершенно не желая видеть того, что он там делает.

– Я... могу идти? – спросила я осторожно.

– Если хочешь, – ответил он.

– Тогда увидимся за ужином, – я быстро выскочила из его комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

После увиденного, у меня пропал аппетит, и идти в столовую теперь было бессмысленно. Я постояла немного в коридоре, обдумывая произошедшее. Помявшись, я нерешительно направилась в сторону спальни Катрин.

Толкнув дверь, я осторожно вошла. Было еще далеко до семи вечера, но мне совсем не хотелось оставаться одной.

Она лежала на кровати, худая и изможденная. Тонкие бе-

лые руки лежали поверх одеяла. Когда я появилась в комнате, она повернулась ко мне. Ее глаза скользнули безразлично по моему лицу.

– Как вы себя чувствуете? – я присела на край ее кровати. Она молча качнула головой. Ее лицо выражало усталость и нетерпение. Мне казалось, она усиленно ожидает чего-то, и мое присутствие отдаляет желаемое от нее.

– Я вам мешаю? – помолчав, спросила я, – Если вы не хотите меня видеть, я уйду.

Мой голос звучал спокойно, хоть мне и было грустно от такого ее поведения. В конце концов, я совершенно не была виновата в ее мучениях, и была единственным человеком, который пытался ей помочь.

Она молчала, выразительно глядя на меня. Ее белая рука внезапно коснулась моей одежды. Взгляд из враждебного, стал расслабленным и мягким. Она открыла рот, пытаясь что-то сказать. Из горла вырвался хриплый звук.

– Подождите, – я подскочила к письменному столику, схватив уже привычные блокнот и перьевую ручку. Но когда я протянула ей принадлежности, она раздраженно оттолкнула мою руку. Приподнявшись на кровати, она уставилась на меня и снова открыла рот.

– Катрин, – прошептала я обеспокоенно.

– А...Ак..., – хрипела она, пытаясь выдать из себя какое-то слово. Я с ужасом услышала, как скрипнула дверь чьей-то спальни.

– Катрин, тише, кто-то идет, – взмолилась я, испуганно склонившись к ней.

– Акса...Алк...са...

Не выдержав, я рванула прочь от нее. Оказавшись в коридоре, я закрыла за собой дверь. До меня еще доносились обрывки какого-то слова, удивительно напоминающего мое имя.

«Надеюсь, никто этого не слышал» – нервно думала я, пробираясь к своей комнате. Скрывшись за дверью, я щелкнула ключом, и перевела дыхание. Придя в себя, я с удивлением обнаружила, что до сих пор держу в руках злополучную ручку и блокнот. Бросив предметы на кровать, я устало улеглась рядом.

Тишина, прерываемая легким шелестом деревьев за окном, немного меня расслабила. Я устроилась удобней, обдумывая произошедшее со мной за день. Из соседней комнаты раздался легкий стук, заставивший меня вздрогнуть. Я подскочила на ноги, думая чем себя занять до вечера. Ночью я намеревалась снова пробраться на чердак. А пока нужно было просто держаться подальше от братьев.

Я снова устала на блокнот и ручку. Взяв предметы, рассеяно покрутила их в пальцах.

«Как бы мне хотелось, чтобы все происходящее здесь со мной, оказалось просто очередным моим рассказом»

Я села за столик, положив блокнот перед собой. Распахнув его, я занесла ручку над пустой страницей и задумалась.

Помедлив несколько мгновений, я принялась писать. Рука летала по бумаге, рождая новый рассказ. Он отличался от всех предыдущих, написанных мной. Впервые я по-настоящему могла понять чувства моих героев, попавших в лапы чудовищ.

Я писала о девушке, гуляющей по волшебному лесу. Пока светило солнце и пели птички, она смеялась вместе со сказочными обитателями леса. Ей было так весело, что она не замечала, как они своими песнями и чудесами уводят ее все глубже в чащу. Опомнилась она лишь с наступлением темноты. И тогда, все те существа, казавшиеся добрыми и приветливыми, обнажили когти и оскалили клыки, явив свой истинный облик.

Глава 20.

Я так увлеклась, что совершенно забыла о времени. Внезапно раздавшийся громкий звук заставил меня подскочить на месте. Катрин нажала кнопку, чтобы вызвать меня, и я быстро помчалась к ней. По пути глянув на наручные часы, я с ужасом обнаружила, что опоздала к ней на полчаса.

– Простите, – прохрипела я, вбежав в ее спальню. Карие глаза смотрели на меня с плохо скрываемым раздражением. Я смущенно отвела глаза от ее лица, и схватила поднос с бульоном, – Выпьете?

К моему удивлению, она нетерпеливо кивнула. Опустошив миску, она устало откинулась на постель.

– Теперь, я искупаю вас, – сказала я, подкатывая к ней коляску. Но принятие ванной явно не входило в ее планы. Она грубо толкнула меня, так сильно, что я едва не повалилась на пол. В этот момент я впервые по-настоящему пожалела, что перестала давать ей лекарство.

Потирая ушибленное место, я уставилась на нее напряженно и с недоумением.

– Катрин, мне совсем это не нравится, – проговорила я сухо. Ее глаза смотрели на меня с презрением, – я помогаю вам, разве нет? Почему вы не можете проявить хоть немного благодарности?

Она сжала губы и закрыла глаза. Я смотрела на нее молча.

Зря я поверила ей тогда. Она действительно была не в себе. Возможно, она была даже опасна для себя самой. Может, еще не поздно все исправить и начать давать ей лекарство?

Пока в моей голове проносились эти мысли, она снова уставилась на меня. Ее взгляд был совершенно осознанным, и как бы я не выискивала, мне не удалось найти в ее глазах нотки безумия.

Она смотрела на меня устало и грустно, как смотрят на нерадивого и неумелого человека, с которым приходится общаться. В ее глазах не было порицания и раздражения, как прежде. Но в них ясно читалось то, что я уже и сама поняла. Она не считает меня своим товарищем. У нее просто нет выбора, и потому приходится принимать мою помощь.

Удивительно, как ни сказав не единого слова, она донесла до меня свои мысли. Я поняла, что она вовсе не была сумасшедшей. Но что-то с ней было не так. Я нерешительно затолкала коляску обратно в угол.

– Отдыхайте, – бросила я ей. Поежившись от непривычного холода в собственном голосе, я зашагала в коридор.

Занятая своими мыслями, я добрела до столовой. И только почувствовав аппетитный аромат еды, я поняла, насколько была голодна. Я опустилась на свое место, с жадностью придвинув к себе блюдо с котлетами.

– Наконец-то у тебя появился аппетит, – прокомментировал Эмметт, наблюдая за тем, как я поглощаю еду. От его замечания я поперхнулась.

Родерик бросал на меня через стол печальные взгляды, а Марцелла, по обыкновению, еще не было.

– Чем планируешь заняться после ужина? – поинтересовался Эмметт.

Я с трудом проглотила огромный кусок и уставилась на него растерянно.

– Не знаю... Отдохну в своей комнате.

– Но это же скучно. Как насчет того, чтобы провести вечер в семейном кругу? Ты ведь уже почти стала частью нашей семьи.

– Не думала, что вы проводите вечера вместе, – холодно ответила я.

– Не проводим. Но почему бы не начать?

В этот момент в столовой появился Марцелл. Он выглядел уставшим и еще более отстраненным, чем обычно. Его светлые волосы были взъерошены, а глаза не смотрели ни на кого из присутствующих. Он тяжело опустился на стул и, даже не глянув на еду, скрылся за книгой.

Я давно привыкла к холодности старшего брата, и меня его безразличие полностью устраивало. Но сегодня что-то было с ним не так. Эмметт и Родерик тоже это заметили. Никто из них больше не проронил ни слова, и оставшуюся часть времени, мы провели за столом в молчании.

Насытившись, я поднялась на ноги.

– Сядь, – равнодушно бросил Марцелл, не отрываясь от книги.

Я растерянно посмотрела на него, и медленно опустилась обратно на стул.

– Как ты себя чувствуешь?

Мое сердце беспокойно кольнуло от этого вопроса. Я помолчала пару мгновений, прежде чем ответить.

– Все хорошо. Мне уже лучше.

– Действие обезболивающего давно закончилось. Почему ты не пришла за новой порцией?

Я ожидала, что он спросит об этом. Но знать правду ему было ни к чему.

– Мне не хотелось тебя беспокоить, – нервно выдавила я. – И теперь уже все в порядке.

Его зеленые глаза оторвались от книги и уставились на меня. Мы смотрели друг на друга пару мгновений. Я усиленно старалась не моргнуть.

– Хорошо, – бросил он безразличным тоном. Он снова углубился в чтение, потеряв ко мне интерес. Но я увидела, как он едва заметно нахмурил брови.

С чувством беспокойства я покинула столовую и направилась в свою спальню. Мне очень хотелось, чтобы никто из братьев не тревожил меня сейчас. Мне показалось, что Марцелл начал что-то подозревать. А значит, мой обман с лекарством для Катрин тоже мог раскрыться.

Я улеглась на кровать, усиленно размышляя. Моя рука опустилась в карман, нащупав заветный ключ от чердака. Медлить больше было нельзя. Я должна была выяснить, что

это за парень, и почему они держат его взаперти.

Внезапно из коридора до меня донеслись голоса. Я внутренне напряглась, прислушиваясь. Мне не удалось разобрать слова, но я узнала в говоривших Эмметта и Марцелла. Мое сердце нервно забилося в груди.

«Что они постоянно обсуждают? Наверняка что-то связанное со мной».

Голоса затихли, исчезнув где-то в конце коридора. Я немного расслабилась.

Устроившись поудобней, я прикрыла глаза. Боль почти полностью перестала меня беспокоить, и я чувствовала себя не хуже, чем прежде. Постепенно мои мысли стали вязкими и медленными.

«Нужно проверить чердак», – подумала я, и погрузилась в сон.

Я резко подскочила на постели. Вокруг меня царил темнота, и я сонно потерла глаза. Сердце нервно колотилось в груди.

Я осторожно сползла с постели, и подошла к окну. Обрывок луны мутно высветил циферблат моих часов, но этого было достаточно, чтобы я увидела время. Почти три часа ночи.

Переведя дыхание, и изумившись тому, как чудом не проспала свою ночную вылазку, я осторожно, наощупь двинулась из комнаты.

Оказавшись в коридоре, я помедлила. Если меня пойма-

ют, наверняка это будет грозить огромными проблемами.

«Я могу вернуться обратно, пока не поздно»

Я постояла еще пару секунд, борясь с внутренним желанием убежать обратно в свою спальню. В безопасность, защититься от проблем в одеяле и забыться сном.

Из комнаты Катрин доносились странные слабые стуки. Мои пальцы крепко сжали холодный тонкий ключ.

«Я больше не буду в безопасности, пока я здесь», – решила я. – «Больше нет смысла прятаться и ждать. Сейчас или никогда»

Я осторожно двинулась в конец коридора мимо спальни Марцелла. Пока я шла, я каждое мгновение ожидала, что сейчас он распахнет дверь и поймает меня с поличным. Но этого не произошло. Мне удалось благополучно добраться до двери, ведущей на чердак.

Я принялась осторожно подниматься по лестнице. Простой мой поход сюда не закончился ничем хорошим. Но в этот раз, у меня уже не было выбора.

Дрожащей рукой я вставила ключ в замочную скважину. Повернула его, прислушиваясь. Тишина, царившая вокруг, прерывалась только моим нервным дыханием.

Толкнув дверь, я осторожно вошла. Немного помедлив, я плотно прикрыла ее за собой, с ощущением, что собственноручно запираю себя в тюрьме.

Я побрела по уже знакомому коридору. В этот раз, все было тихо. Я медленно направилась к единственной двери.

Потянув ручку, я поняла, что она не заперта. Оказавшись в помещении, я поняла, что она служила спальней. В ней было темно, и я постояла немного, давая глазам привыкнуть.

Комната была похожа на спальни, в которых жили братья. С той лишь разницей, что вместо искусно отделанного ламината, под ногами моими скрипели старые доски. Обои и потолок тоже оставляли желать лучшего.

В углу комнаты я заметила странную кучу чего-то непонятного. Подойдя ближе, я поняла, что это холсты. Было темно, и мне не удалось разобрать того, что было на них изображено. Я осторожно присела на корточки, пытаюсь рассмотреть картины.

Легкое движение в центре комнаты вернуло меня к действительности. Бросив взгляд на кровать, я увидела мужской силуэт.

«И что мне делать теперь, будить его?» – мрачно подумала я, рассматривая темную фигуру.

Это показалось мне единственным логичным решением. Осторожно приблизившись к кровати, я склонилась над лежащим на ней человеком.

– Простите, – прошептала я, – я не хотела вас беспокоить, но... Простите?

Я тронула его плечо. Внезапно он пошевелился и, недовольно морщась, открыл глаза.

– В чем дело? – поинтересовался он с раздражением. Па-

ру мгновений он сонно разглядывал меня, после чего резко свесился с кровати, щелкнув выключателем на тумбочке. Комната озарилась слабым светом маленькой лампы.

Глаза парня пробежали по моему лицу, и губы сложились в странную, безумную улыбку. Я нервно поежилась, открыв было рот, чтобы заговорить с ним. Но он меня опередил.

– Ты... я знал, знал, что ты придешь снова, – он подскочил с кровати, устремляясь ко мне. Его зеленые глаза горели одержимостью.

– Послушайте, – начала я, – мне нужна ваша помощь.

– Помощь? – переспросил он, – они мучают тебя? Я так и думал. Никто не смеет обижать мою Элеонор. Не бойся, – он схватил меня за руку, нежно прижимая мои пальцы к своей груди, – теперь я рядом.

– Да выслушай меня, – резко перебила я. Меня больше не пугало его странное поведение. Я высвободила руку, глядя на него сердито. Что-то в его взгляде погасло от этого моего действия. Его глаза смотрели на меня теперь отчужденно, – я не Элеонор. Меня зовут Алекса. Я не понимаю, что здесь вообще происходит. Кто ты такой? И почему тебя держат на чердаке?

– Кто я такой? – я заметила, что его голос стал едва заметно дрожать. Я напряглась, глядя на него настороженно, – Ты правда не узнаешь меня, Элеонор? Почему ты говоришь мне такие вещи? Почему?

Он сорвался почти на крик, и я с ужасом поняла, что кто-

то из братьев может нас услышать. Я быстро замотала головой.

– Нет-нет, прости, я не хотела тебя обидеть...

– Конечно, ты никогда меня не хотела обижать, бездушная дрянь. Тебе всегда было наплевать на меня. Ты всегда была просто послушным овощем, который делал, что ему велели.

От его гневной тирады я совершенно растерялась. Он злобно смотрел на меня, тяжело дыша. Я помолчала немного, пытаюсь взять себя в руки.

– Я не та, за кого ты меня принимаешь, – осторожно сказала я.

Но мои слова лишь породили новую вспышку ярости. Он резко шагнул вперед, оказавшись почти вплотную ко мне.

– Ты права. Я всегда превозносил тебя, считал почти божеством. Ты была единственной в нашей семейке, кого я ценил и любил. Я всегда заботился о тебе, не меньше чем матушка. Но разве ты этого стоишь, Элеонор? Скажи мне.

Я смотрела ему в глаза растерянно. Было очевидно, что спорить с ним бесполезно. Он совершенно невменяем.

– Я... пожалуйста, – я нервно уперлась руками ему в грудь, пытаюсь придумать, что делать теперь. Он схватил меня за запястья.

– Элеонор, – позвал он тихо. Я никогда прежде не слышала такой тоски в чьем-то голосе. Словно по наитию, я подняла глаза и наши взгляды пересеклись, – я думал, что больше никогда тебя не увижу... но... ты пришла ко мне.

– Я пришла, – проговорила я. Его зеленые глаза смотрели на меня со странной смесью обожания и отвращения. Его сердце билось так сильно, что по моим рукам, прижатым к его груди, проходила вибрация.

– Ты ведь не уйдешь больше? – прошептал он.

– Нет, но ты должен мне помочь, – я внимательно смотрела ему в глаза, наблюдая за реакцией.

– Я сделаю все для тебя.

– Я... я должна знать, почему тебя здесь держат?

– Марцелл поплатится за это, – сказал он, игнорируя мой вопрос, – он сказал, что оживить тебя невозможно. Он соварал мне. Столько лет я мог видеть тебя лишь во сне. А ты все это время была совсем рядом. Ты одна заставляла меня жить дальше. Знаешь, сколько лет прошло?.. И я не знаю. Кому нужна эта вечная жизнь, если нет рядом того, ради кого ее хочется прожить.

Мои внутренности сжались от ужаса. Я молча слушала его монолог, не в силах вымолвить ни слова.

– Но ты должна понимать, зачем я это сделал, – продолжил он, прижимая меня к себе, – я хотел помочь тебе. Я хотел спасти тебя. Освободить! Они собирались выдать тебя замуж за того мерзкого старика. И что тогда? Ты повторила бы судьбу наших родителей?

– О чем ты говоришь? – выдавила я, глядя на него испуганно.

– Ты так ничего и не поняла. Но ты ведь простила меня?

Прошу, Элеонор...

Он стиснул меня в объятиях так сильно, что мне стало тяжело дышать. Когда он отстранился, заглядывая мне в глаза, я увидела, что по его щекам текут слезы. В полном замешательстве я тараторила на него, понятия не имея, что делать.

– У меня не было выбора, понимаешь? Отец поступил точно также с нашей матерью.

– Да о чем ты говоришь? – нервно проговорила я.

– Может ли такое быть, что ты и правда все забыла? – он посмотрел на меня озадаченно. Затем его лицо снова загорелось безумным обожанием. Изумрудные глаза сверкали в полумраке, – я убил тебя.

Пару мгновений я смотрела на него, чувствуя как внутри что-то оборвалось.

– Но это было ради твоего же блага... Они бы выдали тебя замуж за старика... А так... я хотел убить тебя, и тем самым спасти от мучений! Затем я хотел сделать тоже самое с собой, как наш отец... Но Марцелл не дал мне этого сделать. Пойми, я лишь хотел тебя спасти!

Я вырвалась из его объятий, пребывая на грани паники. Спотыкаясь, я бросилась от него прочь. По пути я опрокинула какой-то столик с большой фарфоровой вазой, и она упала, осыпав осколками пол.

– Нет, не убегай! Отец сделал точно также! Ты прекрасно знаешь это! Элеонор!

Он догнал меня, когда моя рука почти коснулась двери.

Грубо схватив меня за шиворот, он развернул меня к себе лицом.

– Ты ненавидишь меня за это? Прости меня, прости... Я... что мне теперь делать? – хватка ослабла, и я высвободилась из его рук.

– Дай мне уйти, – хрипло попросила я, едва дыша от страха.

– Уйти? Нет, ты не можешь уйти. Ты смысл моего... существования... Я не могу назвать это жизнью. И раз уж ты не погибла... Я сделаю то, что должен был еще тогда... Ты будешь навсегда со мной рядом. Я больше не позволю тебе меня покинуть... Никогда.

В его глазах что-то сверкнуло. Я смотрела на него всего пару мгновений, но казалось, что прошла целая вечность. Его красивое лицо снова исказила болезненная жуткая улыбка. Его рука медленно двинулась в сторону моего лица.

– Лестер, – проговорила я, прежде чем успела осмыслить сказанное.

Он замер, глядя на меня почти растерянно.

– Повтори, – потребовал он, всматриваясь мне в глаза.

– Лестер...

– Ты вспомнила, – он склонился ко мне, ласково проведя пальцами по голове. Я увидела, как перед этим что-то выпало из его руки, и с ужасом проводила глазами осколок вазы. Нервно поежившись, я снова уставилась на него.

«Он хотел убить меня... Бежать... бежать» – пульсирова-

ло в моем мозгу.

Воспользовавшись моментом, я снова грубо оттолкнула его. Почти ничего не соображая, я рванула на себя ручку двери.

– Элеонор!

Оказавшись на лестнице, я быстро затолкала ключ в замочную скважину. Заперев дверь, я перевела дыхание. Сердце мое колотилось, как заведенное.

Глава 21.

Я быстро сбежала вниз, стараясь не шуметь. В темноте, пробираясь к своей спальне, я натолкнулась на что-то большое. Не успела я понять, что происходит, как в меня вцепились чьи-то тонкие острые пальцы.

– Отпусти! – испуганно вскрикнула я, пытаюсь вырваться. В следующее мгновение, я услышала шаги. Распахнулась чья-то дверь, ослепив меня неожиданно ярким светом.

– Что происходит? Алекса? – передо мной возник Эмметт. Его волосы были взлохмачены, и вместо привычной элегантной рубашки и брюк, на нем красовались пижамные штаны и расстегнутый халат.

Я быстро перевела взгляд на обладателя цепких пальцев, и с ужасом увидела перед собой Катрин. Она стояла передо мной, пошатываясь, и ее лицо выражало крайнюю ненависть.

– Как тебе удалось подняться с постели, матушка? – протянул Эмметт. Его голубые глаза были такими холодным, что я невольно поежилась.

Катрин оттолкнула меня и бросилась прочь.

– Какая ты упрямая. Алекса, может быть, ты мне объяснишь, как это произошло?

Я растерянно смотрела ей вслед, совершенно сбита с толку. Эмметт скрылся за дверью своей спальни, и мгновение спустя, устремился за Катрин. Я стояла на месте, не в силах

пошевелиться.

«Она просто решила убежать?» – пульсировала в моей голове единственная мысль.

Эмметт без особых усилий догнал ее на полпути. Я видела в полумраке, как она попыталась вступить с ним в схватку. Из ее горла раздался отчаянный душераздирающий крик.

– Хватит, мне уже это надоело, – ледяным тоном сказал Эмметт, – в конце концов, ты нам больше не нужна.

Что-то сверкнуло в его руке, и Катрин с глухим стуком упала на пол. Я услышала, как скрипнула дверь рядом со мной. Через несколько мгновений, в коридоре зажегся свет.

Эмметт стоял, глядя на лежащее у его ног окровавленное тело матери. В его руке был зажат нож, с которого тонкой струйкой стекала красная жидкость.

Мимо меня прошел Марцелл.

– Возвращайся к себе, – бросил он, – утром я разберусь с тобой.

Я не двинулась с места. Он подошел к телу Катрин, кинув на него холодный взгляд. Мне показалось, что в этот момент что-то в его лице болезненно исказилось. Но в следующую секунду, его глаза снова стали безразличными и отчужденными. Он повернулся ко мне.

– Ты меня не слышала? Иди в свою комнату.

– Вы... ты убил собственную мать, – крикнула я. Ко мне вернулось самообладание. Я смотрела на Эмметта так, будто видела его впервые. Он в свою очередь посмотрел мне в глаза

со скучающим видом, и пожал плечами.

– Ты разве еще ничего не поняла, Алекса? Наша мать давно мертва.

– Конечно, потому что вы заставляли меня давать ей яд!

– Нет, я имел в виду, что она давно мертва в прямом смысле этого слова. Ее могила находится недалеко от озера. Также как и могила отца. Эта женщина не была нашей матерью.

– Но... как это... – я растерялась.

Эмметт смотрел на меня с насмешкой.

– Алекса, хочешь занять ее место?

– Довольно, – оборвал его Марцелл. Он пошел вниз по лестнице, потеряв всякий интерес к нашему диалогу.

«Она мертва... Катрин мертва» – пульсировало в моей голове. Я снова уставилась на Эмметта. Он зевнул и двинулся в мою сторону.

– Иди спать, Алекса.

Я медлила всего пару секунд. После чего, все накопившись во мне страх и отчаяние прорвались наружу. Человек, о котором я заботилась столько дней, был мертв. Все было ложью. Это просто была ловушка.

Почти не отдавая отчета своим действиям, я бросилась бежать. В отличие от Катрин, я была молода и здорова. Я слетела по лестнице в считанные секунды, и бросилась прочь из поместья. Больше всего я боялась остаться здесь, и повторить судьбу этой несчастной женщины.

Мое сердце оборвалось, а руки бессильно забились в запертую дверь.

Все как в прошлый раз.

Нет, сейчас я не остановлюсь ни перед чем.

– Алекса, не глупи. Я не в настроении играть с тобой, – донесся до меня голос Эмметта.

В конце коридора возник Марцелл в сопровождении дворецкого.

Я бросилась в ближайшую комнату. Почти не задумываясь над тем, что я делаю, я схватила стул и запустила им в окно. Помещение наполнилось звоном разбитого стекла.

– Что ты делаешь? Тебе тоже надоело жить?

Я с разбегу выпрыгнула в окно. Падение оказалось жестким, но я тут же вскочила на ноги и ринулась прочь.

Ограда, отделяющая меня от свободы, была приветливо распахнута. Как и все предыдущие дни.

«Давно нужно было это сделать. Все равно куда. Лишь бы подальше отсюда»

Я выбежала на дорогу. С обеих ее сторон простиралось поле, обрамленное лесом. Вдали маячило несколько пустующих поместий. Я мчалась, почти не ощущая усталости. Мое сердце выпрыгивало из груди, а дыхание сбилось так, что я едва не теряла сознание.

Остановилась я только когда поняла, что больше не смогу ступить ни шагу. Я бессильно повалилась прямо в траву. Мои внутренности горели от бега и усталости. Я жадно гло-

тала воздух, пытаюсь справиться с дрожью.

Отдышавшись, я приподнялась, осматриваясь. Никакой погони за мной, по-видимому, не было. Из моей груди вырвался ликующий вопль.

«Я смогла... у меня получилось»

Я поднесла к глазам свои дрожащие руки. Они были изрезаны осколками после неудачного падения из окна, но теперь это было неважно. Я спаслась, я выжила.

Полежав немного, и придя в себя, я стала обдумывать, что делать теперь. Положение, в котором я оказалась, было не самым завидным. У меня нет денег, нет телефона. Я не могу связаться ни с кем из близких. Я понятия не имею, где нахожусь.

Радость от того, что я наконец вырвалась на свободу, мгновенно угасла. Мне стало страшно.

«Наверняка здесь ездят машины... Кто-нибудь найдет меня и поможет добраться до города»

Где-то внутри меня начала расти паника. Я сжала кулаки, глядя в ночное небо и пытаюсь успокоиться.

«Все будет хорошо... Главное, что я смогла убежать»

В голове очень некстати возникла еще одна пугающая мысль. Что если Дэйна права, и теперь мне попросту некуда идти?

Они знали обо мне слишком много.

Я приподняла голову, прислушиваясь. Мне показалось, что я слышала какое-то движение. Я усиленно напрягла слух,

но кроме шелеста листьев и травы, ничего не смогла разобрать.

Выждав еще несколько минут, я осторожно поднялась на ноги. Бросив тоскливый взгляд на горизонт, я двинулась вдоль дороги. Я понятия не имела, в какой стороне был мой город. И вряд ли смогла бы добраться до него пешком. Но оставаться на одном месте и вздрагивать от каждого шороха, мне совершенно не хотелось.

Дорога как назло, была совершенно пустой. Я сомневалась в том, ездят ли здесь вообще какие-то машины. Места вокруг казались крайне пустыми и заброшенными, и я была уверена, что помимо жуткого поместья, из которого я чудом убежала, в радиусе нескольких сотен километров нет ни одного жилого дома.

Бредя по траве, я с новым приливом ужаса осознала, что здесь мне никто не сможет помочь. Они продумали даже это. Бежать было некуда.

От страха я ускорила шаг, и теперь почти бегом мчалась вдоль дороги. Небо постепенно светлело, но я и не думала останавливаться. Внезапно мое внимание привлекло что-то темное и большое в траве. Помедлив несколько мгновений, я нерешительно двинулась туда.

Осторожно ступая, я разобрала в темноте человеческую фигуру. Сердце мое оборвалось.

Передо мной лежало тело старой, худой женщины. Едва поборов желание броситься прочь, я осторожно опустилась

на корточках, рассматривая его. Лицо женщины на удивление показалось мне знакомым. Я растерянно всматривалась в нее, пытаясь вспомнить, где прежде могла ее видеть, пока не заметила странные отметины на шее. Внутри меня что-то сжалось, почти не понимая, что делаю, я ухватила ее за запястья, вглядываясь в кожу. Как и ожидалось, на них имелись похожие следы. Я вспомнила девушку, которую видела в кабинете Марцелла. Удивительно, но пожилая дама передо мной, странным образом напоминала ее.

Голова начала кружиться. Внутренности сдавило в странном спазме, и я едва сдержала надрывный крик.

«Этого не может быть»

Я подскочила на ноги, рванув прочь. Спотыкаясь и едва дыша от ужаса и быстрого бега, я летела вперед, не разбирая дороги. Остановилась я только когда мои легкие начали невыносимо гореть. Вцепившись в кустарник, чтобы не упасть, я принялась жадно глотать воздух. По моим щекам текли слезы, но я даже не обратила на это внимания. Немного успокоившись, я затравленно осмотрелась. Все было тихо.

Солнце плавно поднималось над горизонтом, освещая окрестности.

«Мне нужно спрятаться» – пульсировало в голове, и я решительно залезла в кустарник. Со всех сторон в меня тут же воткнулись ветки. Я затаилась, прижав к груди колени и молча глотая слезы. Мне оставалось только ждать.

Бывшая меня дрожь постепенно успокоилась. Вряд ли

братья смогут меня найти здесь, но, тем не менее, лучшим решением для меня было передвигаться ночью. У меня не было часов, но я знала, что время сегодня будет тянуться очень медленно. Голодные спазмы в животе мешали думать. Я устроилась поудобнее посреди веток и листьев, пытаясь унять нытье в затекших конечностях. Щебетание птицы, доносившееся до меня, успокаивало. Солнце пробивалось сквозь густую листву, служившую мне укрытием.

Глава 22.

Внезапный шорох заставил меня встрепенуться. Я разлипла глаза, и с ужасом увидела перед собой лицо Эмметта.

– Доброе утро, Алекса, – насмешливо протянул он, рассматривая меня, – Не лучшее место для сна. Может быть, вернемся домой?

Он отодвинул ветки, схватив меня за запястье. Я резко дернулась, пытаюсь высвободиться из его захвата.

– Отпусти меня, я никуда с тобой не пойду! – резко выкрикнула я. Он застал меня врасплох, появившись настолько внезапно, что я не успела осознать происходящее. Как он меня нашел? Это было невозможно.

По всей видимости, этот вопрос был написан на моем лице. Усмешка Эмметта стала шире.

– Ты же понимаешь, что теперь никуда от нас не денешься. Твой глупый фарс был ошибкой.

Из-за его спины показалось еще несколько фигур. Родерик склонил голову, увидев меня. На его милом личике застыло выражение печали.

– Ты убежала от меня, Алекса, – протянул он, – я разочарован.

– Не переживай, Род, больше она никогда не сбежит. Френсис, – возле меня тут же появился дворецкий, – убедись, что она не будет устраивать сцен по дороге домой.

– Нет, пожалуйста, – взмолилась я, – Эмметт, зачем вы это делаете? Я не...

– Алекса, – уголки губ среднего брата раздраженно дрогнули. Ледяные голубые глаза заглянули мне в лицо, – поверь, тебе сейчас лучше замолчать.

Дворецкий бесцеремонно скрутил мне запястья, шелкнув наручниками у меня за спиной. Я молча смотрела на братьев, понимая, что это конец.

Едва вырвавшись на свободу, я снова оказалась в ловушке. Но теперь, похоже, эта клетка захлопнулась навсегда.

Я пополню список пропавших и убитых ими женщин.

Эта мысль больно резанула мои внутренности. Вчетвером мы проследовали к машине, стоящей у края дороги. На этом автомобиле я впервые приехала к этой ненормальной семье.

Оба брата сели со мной на заднее сидение, зажав меня посередине. Лицо дворецкого не выражало никаких эмоций. Он нажал на газ, и мы двинулись в сторону поместья. Со злостью я смотрела на его лицо через зеркало заднего вида. Если бы эти двое решили расчленить меня прямо в машине, даже тогда он не повел бы и бровью.

Машина плавно остановилась перед особняком. Все совсем как в тот день, когда я впервые здесь появилась. Только сейчас я уже знала, что это за место. Никогда не думала прежде, что за неделю моя жизнь так сильно изменится.

Эмметт вывел меня на улицу. Родерик и дворецкий шли за нами следом.

Я скосила глаза на среднего брата. Его всегда доброжелательное лицо сейчас не выражало никаких эмоций, а голубые глаза были холоднее обычного.

– Эмметт, – осторожно позвала я.

– Что? – его голос звучал безразлично.

– Что со мной будет? – сдавленно выдавила я.

– Ты слишком поздно начинаешь задавать такие вопросы, Алекса.

– Я не хочу умирать!

Мой резкий возглас эхом отразился от стен поместья. Эмметт остановился, нетерпеливо повернувшись ко мне. Я смотрела на него, чувствуя, как по щеке ползет слезинка. Он подошел ко мне вплотную, склонившись к самому уху. Впервые я не отшатнулась от него, продолжая стоять на месте, как вкопанная.

– Никто не сказал, что ты умрешь, – ласково прошептал он, – Играй по нашим правилам, и все будет хорошо.

– Я... я буду жить? – выдавила я с усилием.

– Конечно, – я подняла глаза, глядя ему в лицо. Он смотрел на меня холодно и насмешливо, – Но больше не рой сама себе могилу. Идем.

– Ка... Вивианн больше нет в живых, – начала я, когда он отвернулся и пошел вперед, – раз так, то зачем я вам теперь?

– Ты казалась мне более умной, Алекса. Я же сказал, что наша мать мертва уже давно, – он быстро шагал, и я семенила следом, подгоняемая шедшими сзади Родериком и дворец-

ким, – эта женщина попала сюда также, как и ты.

– Зачем я вам? – повторила я свой вопрос.

– Если бы ты внимательнее меня слушала, уже знала бы ответ.

– Что? Эмметт, я не хочу играть в ребусы. Что вы со мной сделаете? – мой голос снова сорвался на крик.

– Меня начинают раздражать твои вопросы. Пожалуйста, закрой свой ротик и шагай молча.

– Но я...

– Или помимо глаз, мне начать собирать еще и языки? Начну с твоего, если ты не заткнешься прямо сейчас.

Я послушно притихла. Никогда еще прежде Эмметт не разговаривал со мной в таком тоне. Я прекрасно знала, что вся его обходительность была наигранной, но никак не могла ожидать, что он окажется настолько двуличным. Холодно сверкнув на меня голубыми глазами, Эмметт зашагал дальше. Внутри меня что-то угасло, и я поняла, что шансов на спасение стало еще меньше. Я бросила взгляд через плечо, выискивая глазами Родерика. Он шел прямо за мной, не проронив больше ни слова после нашей встречи у кустарников. Заметив, что я смотрю на него, он поднял на меня глаза. Я ожидала увидеть в них отрешенность или безразличие. Но его синие глаза смотрели на меня томно и печально, как обычно. Поймав мой взгляд, он едва заметно улыбнулся. Я отвернулась, продолжая молча шагать вперед. Мой разум отказывался поверить в происходящее.

«Неужели все закончится для меня вот так?»

Я подняла глаза и уставилась на спину шедшего впереди Эмметта. После того, как он одернул меня, мне не хотелось больше с ним заговаривать. Моя голова кружилась, и происходящее казалось просто страшным сном.

«Что бы ни произошло здесь, я спасусь»

Эмметт распахнул дверь и любезно пропустил меня вперед. Шагнув внутрь, я растерянно замерла.

– Знакомое место, да? – усмешка на лице среднего брата стала шире. Я молча осматривала склянки и пробирки, стоящие на столе. Память услужливо нарисовала мне бездыханное тело в углу, которое я обнаружила под тканью в этой комнате. По моей коже побежала дрожь.

– Зачем мы здесь? – спросила я. Мой испуганный дрожащий голос эхом отразился от стен помещения.

Эмметт смотрел на меня со скучающим видом. Дворецкий куда-то испарился, а Родерик замер у входа в комнату. Мой вопрос повис в воздухе. Где-то внутри меня начала закипать ярость.

«Я не позволю вам меня мучать»

Едва я открыла рот, чтобы заговорить снова, как в комнате появился Марцелл. Его безразличные зеленые глаза прошили по моему лицу, после чего он молча направился к шкафчику, висящему на стене. Обычно одного его взгляда было достаточно, чтобы вся моя решимость испарилась, заставив покорно замолчать. Но не теперь.

– Я спросила, зачем мы здесь? – вновь повторила я. Теперь мой голос звучал звонко и уверенно.

– Алекса, ты ведь уже и так все знаешь, – скучающим тоном протянул Эмметт.

– О чем ты?

– Ты ведь читала дневник нашей сестрицы, разве нет?

Я почувствовала болезненный спазм где-то внизу живота.

– Ты говоришь об... Элеонор? – уточнила я с плохо скрываемым раздражением.

– Именно.

– Хватит морочить мне голову, – резко бросила я, не в силах больше сдерживаться, – я видела даты на фотографии и в дневнике. Элеонор жила больше ста пятидесяти лет назад!

– Верно, – губы Эмметта сложились в улыбку.

– Ты слышишь себя? Какую чушь сейчас говоришь! Или ты снова будешь рассказывать мне о бессмертии?

– Алекса, не будь такой приземленной, – голубые глаза сверкнули, – мы живое доказательство тому, что бессмертие возможно.

– Я не верю во всю эту чушь! И что вы собираетесь сделать? Принести меня в жертву? – я вцепилась руками в волосы. Моя голова кружилась от абсурдности ситуации.

– Довольно, – холодно бросил Марцелл, – пора заканчивать с этим.

– Заканчивать с чем? – пролепетала я, затравленно глядя по очереди на каждого в комнате.

– Ты хочешь дать ее то лекарство? – уточнил Эмметт, вновь проигнорировав мой вопрос.

– Нет, достаточно будет транквилизатора, – в руках у Марцелла возник шприц.

«Я не хочу, не хочу, не хочу!»

Не помня себя от ужаса, я бросилась к выходу. Дорогу мне тут же преградил Родерик. Его огромные глаза заглянули мне в лицо.

– Ты снова убегаешь, Алекса?

– Неужели ты тоже этого хочешь? – в отчаянии вскрикнула я.

– Ты будешь послушной после лекарства Марцелла, – на лице Родерика появилась мечтательная улыбка, – и тогда мы снова будем играть, да?

Я отшатнулась от него в ужасе, дернувшись в бок. Вокруг меня стояли люди, на меня смотрело несколько пар глаз. И ни одни не выражали сочувствия.

– Алекса, не глупи, совсем скоро все закончится.

Жуткие существа обступали меня, беря в кольцо. Я истерично металась по комнате, отказываясь поверить в то, что это конец.

Из моего горла вырвался отчаянный протяжный крик.

Паника захлестнула меня, мешая здраво мыслить и превратив меня в затравленного загнанного зверька.

Несколько цепких пальцев ухватили меня с разных сторон. Я дернулась, пытаясь вырваться, но они были сильнее.

Я стиснула веки, чтобы не видеть ужасных стеклянных глаз бездушных монстров, скрывающихся за личинами людей. В мою руку вонзилась игла.

Странная жидкость потекла по моим венам, и через несколько мгновений вся паника и страх ушли прочь. Вместе с мыслями, вместе с чувствами.

Я вновь открыла глаза, безразлично окинув взглядом своих мучителей.

– Добро пожаловать в семью, – Эмметт смотрел мне в глаза насмешливо и немного грустно, – Знаешь, что самое забавное? Ты так и не поняла, что самые жуткие истории всегда происходят наяву. Их невозможно придумать, такое не придет в голову ни одному писателю. Лучшая книга ужасов – реальность, а самый жуткий монстр – кто?

Я равнодушно смотрела на него, не произнося ни слова.

– Это человек, – подсказал Эмметт.

– Заканчивай свои глупые игры, – оборвал его Марцелл, – нам нужно все подготовить для следующего ритуала.

– Кровь теперь у нас есть. Ах да, нужны молодые прекрасные тела, – Эмметт мечтательно улыбнулся, – которые отдадут свою юность нам. Не переживай, – он похлопал меня по щеке, – скоро ты лично увидишь это. Если увидишь, больше не сможешь говорить, что это невозможно, верно?

– У нас много работы, – старший брат скрылся за дверью.

– Как всегда, – Эмметт жизнерадостно подмигнул мне, и последовал за ним. Мы с Родериком остались вдвоем.

– Теперь ты никогда не убежишь от меня, Алекса, – синие глаза скользнули по моему лицу, задумчиво и печально, – и мы будем вместе, пока ты не сломаешься, как предыдущие.

Он приблизился ко мне, ухватив прядь моих волос и намазывая на палец. Я безразлично наблюдала за его действиями, спокойно терпя боль, когда он нарочно выдирает несколько волосинок.

– Ты такая милая теперь, я могу делать все, что захочу с тобой.

– Эй, Род, – в комнате вновь появился Эмметт, – ты идешь?

Родерик бросил на меня томный взгляд, и скрылся вслед за братом. Я осталась одна, опустошенная и лишенная мыслей и эмоций. Постояв некоторое время, я побрела в свою спальню. Я больше ничего не чувствовала, где-то внутри меня образовалась пустота, словно кто-то вырвал всю мою волю к жизни в одночасье. Мне не было от этого ни хорошо, ни плохо. Мне было все равно.

С безразличием я приняла свою новую жизнь, навечно запертая с безумцами в этом огромном особняке. Отрезанная от всего мира, утратившая все, даже собственную волю в угоду бессмертным бездушным хозяевам старого дома. Которые теперь стали хозяевами и моей жизни.

Я постояла несколько мгновений в коридоре, после чего шагнула в свою комнату.

Эпилог.

Я сижу на большом мягком диване, наблюдая за суетой, творящейся вокруг меня. Марцелл хмуро смотрит в окно, Родерик сидит в кресле напротив, исподлобья наблюдая за мной.

– Ну почему так долго, – вздыхает Эмметт, поправляя воротник рубашки.

– Умолкни, – обрывает его Марцелл, не отрывая взгляда от пейзажа за окном. Я тоже поворачиваю голову, всматриваясь в крупные снежные хлопья, кружащиеся по ту сторону стекла. Завороженно и рассеянно наблюдаю за их причудливым танцем несколько мгновений.

– Подумать только, снова придется притворяться нормальными, – Эмметт нетерпеливо закатывает глаза.

– Твои локоны растрепались, – слышу голос над самым ухом, – я поправлю.

Тонкие пальцы бережно распрямляют мои волосы.

– Лестер, хватит с ней возиться, – насмешливо выдает средний брат.

Никто не успевает ничего ответить, как слышится скрип входной двери и шаги. Через несколько минут на пороге гостиной появляется дворецкий. Он учтиво кланяется нам, и безмолвно исчезает. Я провожаю его взглядом, после чего поднимаю глаза на нашу гостью.

– Добро пожаловать! Замерзла по дороге? – Эмметт дружелюбно улыбается, протягивая девушке руку. Она окидывает нас растерянным, слегка испуганным взглядом, – ты ведь Сандра, верно?

– Да, – смущенно выдавливает она, наблюдая, как Эмметт сжимает ее ладонь. Я молча рассматриваю ее. У нее приятное круглое лицо, серо-голубые глаза и густые волнистые волосы.

– Ну что ж, мы рады тебя видеть! Надеюсь ты останешься с нами, и мы сработаемся, потому что очень непросто найти хорошую сиделку в наше время... Ах да, меня зовут Эмметт, можно просто Эм. А вот и твоя будущая подопечная, – средний брат кивает в мою сторону.

Девушка нерешительно делает шаг ближе, всматриваясь в мое лицо.

– Элеонор, наша младшая сестренка. У нее тяжелое депрессивное расстройство... Хотя зачем я объясняю, тебе это ни о чем не скажет. Просто посмотри на нее, и так все станет ясно.

Эмметт покачал головой, даже не пытаясь изобразить сочувствие. Однако девушка смотрела на меня с искренней жалостью.

– Элеонор, – прошептала она, – меня зовут Сандра. Я надеюсь, что смогу помочь тебе. Мы ведь подружимся, правда?

Она улыбается, вглядываясь мне в глаза. Я равнодушно наблюдаю, как тают снежинки на ее волосах.

Ее улыбка медленно вянет, она нерешительно поворачивается к братьям.

Марцелл подает голос, объясняя ей то, что она должна будет жить в этом доме, чтобы присматривать за мной постоянно. Я не слушаю, вновь повернув голову к окну, и наблюдаю как вьются снежинки. Они свободны и легки в своем полете. Медленно оседая, они скрываются от моего взгляда.

– Отлично, раз мы все обговорили, подпишем контракт, – доносятся до меня слова старшего брата.

Через несколько минут Эмметт и Марцелл ведут нашу гостью показать ей ее новую комнату. Родерик какое-то время остается на месте, наблюдая за мной исподлобья, после чего соскальзывает с кресла, и устремляется за ними. Я чувствую, как мне на голову ложится ладонь, ласково поглаживая мои волосы.

– Элеонор, – шепчет мне на ухо Лестер, сидящий рядом со мной, – я так счастлив. Ты всегда переживала, что у тебя нет подруг, но посмотри – теперь так часто появляются новые! Это же здорово, правда?

Его пальцы гладят мои волосы, и я медленно поворачиваю голову, всматриваясь в его лицо. Зеленые глаза смотрят на меня с безграничным обожанием.

– Хочешь, я снова нарисую твой портрет? Несмотря на то, что твое лицо выглядит совсем не так, как много лет назад, я все равно знаю, что это ты. Ты все так же прекрасна, как и прежде.

Он крепко прижимает меня к себе. Словно по наитию я поднимаю глаза, и смотрю на одну из картин перед собой.

Она была написана совсем недавно. На ней мое лицо, которое я привыкла видеть в зеркале. Но что-то в нем не так.

С картины на меня смотрят лучистые радостные глаза. Губы на портрете сложены в счастливую улыбку. Совсем не это я вижу в отражении.

Я всматриваюсь в портрет снова и снова, и мне все больше начинает казаться, что на нем не я, а кто-то другой. Кто-то, кем я могла быть где-то в другом месте.

Я закрываю глаза, медленно вслушиваясь в отдаленные голоса, доносящиеся из глубины дома. Я забыла звук своего собственного голоса. А возможно, у меня его и никогда не было?

– Элеонор...

Открыв глаза, вновь вижу перед собой нашу гостью. Она снова застенчиво и неуверенно улыбается мне, пока я безразлично смотрю на нее. Пройдет немного времени, и ее лицо передо мной сменится каким-то другим. Я так привыкла к этому, что даже перестала обращать внимание.

– Будь с ней поласковее. Имей в виду, я не позволю никому ее обижать, – ворчливо говорит Лестер.

– Да-да, конечно... Я буду о ней заботиться.

В гостиной появляется Эмметт.

– Ты уже здесь? Ах, Сандра, не стоит быть такой трудолюбивой в первый же день. Идем, я покажу тебе поместье. А за

нашей сестренкой присмотрит пока Лестер, он будет этому только рад.

Девушка смотрит на него растерянно, после чего переводит глаза на меня. Она словно выискивает в моем лице что-то, но не находит. Отвернувшись, она неуверенно кивает Эмметту, и исчезает вслед за ним.

Я провожаю их взглядом.

– Хочешь пирожное? Ты очень любила их в детстве, – Лестер держит меня за руку, словно опасаясь, что я в любую секунду убегу от него. Я продолжаю безразлично смотреть куда-то перед собой. Я уже давно ничего не хочу. Моя воля больше не принадлежит мне. У меня нет собственных желаний, страхов, надежды. Нет ничего, что могло бы сделать меня человеком. Я превратилась в пустую куклу, лишённую эмоций, под действием лекарства, которое колот мне Марцелл.

Я не могла сказать, как давно это продолжалось. Полгода? Год?

Мне было все равно. Лица людей, появляющихся в поместье, сменялись быстрее, чем времена года за окном. Я забыла как выглядит мир за пределами этого дома. Все, что мне оставалось, это моя золотая комната, в которой я жила, и четверо людей, называющих себя теперь моими братьями.

Все, кроме Лестера, играли эту роль, лишь когда поблизости были посторонние. Вот и сейчас, он заботливо поправляет мои локоны, словно не замечая того, во что меня пре-

вратили.

– Идем, – его губы касаются моего виска, после чего он поднимается на ноги. Я встаю следом, и мы идем в столовую. Усаживаюсь за стол, безразлично рассматривая красивое пирожное на тарелочке передо мной.

Вскоре к нам присоединяется Родерик. Он проходит мимо, нарочно коснувшись меня плечом по пути.

– Ну что, Алекса, как тебе твоя новая сиделка? – слышу я радостный голос Эмметта возле уха.

– Не называй ее этим мерзким именем, – сердито говорит Лестер, – ее зовут Элеонор.

– Да-да, конечно, успокойся, – Эмметт закатывает глаза и улыбается.

– Я хочу, чтобы мы снова заперли его на чердаке, – подает голос Родерик. Его синие глаза неотрывно смотрят на мое лицо, – он не дает мне играть с ней.

– Брось, Род, нужно делиться своими игрушками с другими. Да, Алекса? – Эмметт обнимает меня за плечи. Лицо Лестера болезненно искажается от этого.

В столовой появляется Марцелл.

– Сядь, – бросает он Эмметту, после чего тот выпускает меня из объятий и послушно опускается на соседний стул.

В молчании все приступают к еде. Я неподвижно сижу, продолжая рассматривать розовую воздушную массу на тарелочке перед собой. Маленькие кремовые цветочки начинают медленно таять. Прямо как снежинки за окном.

– Ешь, – слышу равнодушный голос, явно обращенный ко мне. Мои пальцы подхватывают вилку и я погружаю ее в пирожное. Отправляю порцию десерта в рот, и глотаю, совершенно не ощущая никакого вкуса.

– Ну как, тебе нравится? – заботливо интересуется Лестер. Я продолжаю есть, игнорируя его вопрос.

– Опаздывает новенькая. Я же сказал ей спуститься в столовую через десять минут, – раздраженно говорит Эмметт. Он нетерпеливо барабанит пальцами по столу.

– Сходи, приведи ее, – отвечает Марцелл, переворачивая страницу своей книги.

Едва Эмметт поднимается на ноги, как дверь снова распахивается.

– Простите, – робко проговаривает девушка. Она обходит стол и нерешительно садится на свободное место.

– Нехорошо заставляя себя ждать. Впрочем, я готов тебя простить, если вечером ты позволишь мне продолжить нашу экскурсию, – холодные глаза Эмметта внимательно наблюдают за реакцией девушки. Она смущается и бормочет что-то в свое оправдание. Улыбка среднего брата становится шире, – Не стоит так бояться, Сандра. Мы не такие уж плохие, если к нам привыкнуть.

Я отвожу от них взгляд, снова уставившись в свою тарелочку. Проглотив последний кусочек, откладываю вилку в сторону.

– А разве безопасно давать ей острые предметы? – беспо-

койно проговаривает девушка. Она настороженно смотрит на вилку, которая мгновение назад была в моей руке.

– Многие вещи кажутся намного опаснее, чем есть на самом деле. Скоро ты поймешь это, – улыбка на губах Эмметта становится шире.

– Я не понимаю...

– Для этого тебя и наняли, – холодно отвечает Марцелл. Его глаза продолжают скользить по строчкам книги, – твоя задача – следить за ней и заботиться.

– Я... да, конечно, – девушка опускает глаза и умолкает.

В молчании мы провели остаток трапезы. Эмметт и девушка первыми выходят в коридор. Перед тем, как выйти из столовой, Марцелл вкалывает мне новую порцию лекарства и приказывает идти в мою комнату. Я послушно поднимаюсь и устремляюсь туда.

– Спокойной ночи, Элеонор, – слышу голос Лестера за спиной.

Оказавшись в одиночестве, я опускаюсь на мягкую постель. Мой пустой безразличный взгляд скользит по узорам на потолке.

Я давно привыкла существовать в пустоте, и жить лишь тем, что слепо подчиняюсь чужой воле. Но где-то внутри меня растет чувство, что я должна была что-то сделать. Что-то важное.

Я поворачиваю голову, бросая взгляд на окно. Снежинки продолжают беззвучно кружиться, словно маня меня вслед

за собой.

Что же было так важно для меня раньше? Почему меня все чаще тянет куда-то прочь из этого поместья? Иногда на мгновение во мне словно просыпается что-то от долгого сна, и я вспоминаю. Затем все снова меркнет, и я погружаюсь в пустоту.

Я помню лишь одну мысль, которая все чаще вспыхивает в моей голове.

«Свобода. Свобода.»

И все чаще мне хочется сделать шаг и устремиться прочь, как можно дальше отсюда. Сбросить оковы, стать снова собой, забыть обо всем, что здесь происходило.

«Я хочу сбежать»

Я поднимаюсь с кровати, ведомая странным, почти забытым чувством. Но едва ощутив его снова, я больше не смогу его потерять. Мои глаза впервые за долгое время загораются желанием жить.

«Я все еще могу спастись»

Мой разум еще пару мгновений принадлежит мне, после чего лекарство начинает действовать. Загоревшийся было огонек внутри меня медленно угасает. Но где-то внутри все еще остается это чувство. И теперь никто его у меня не отнимет.

«Свобода»

Снежинки плавно кружатся за окном, покрывая территорию вокруг густым пушистым снежным ковром. Некоторые

из них тают на окне, разбиваясь и превращаясь в капли.

«Я спасусь»

Я медленно поворачиваюсь и бреду обратно к кровати. Ложусь на нее, закрываю глаза. Перед тем, как мой мозг погружается в сон, я твердо даю себе обещание, что однажды я смогу сбежать из этого дома.